

НА Б ЕВОМ П СТУ

№ 10

Октябрь

2002

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

**СПЕЦНАЗ —
ДОБЛЕСТЬ И СЛАВА
ВНУТРЕННИХ ВОЙСК**

ДАВАЙ ЗА СПЕЦНАЗ

Уже пятый год подряд военнослужащие подразделений специального назначения встречаются 29 августа. Хотя этот день не объявлен официальным праздником, солдаты и офицеры с нашивками "Отряд специального назначения" собираются вновь и вновь. В преддверии встречи в Кремле спецназовцы внутренних войск встретились с главнокомом в Центральном музее внутренних войск. На праздничном мероприятии присутствовали члены военного совета, офицеры управлений Главного командования, представители Ассоциации и Фонда социальной защиты ветеранов и сотрудников спецподразделений правоохранительных органов "Русь", а также представители ведущих средств массовой информации.

Во вступительном слове главнокомандующий отметил, что потребность в подразделениях специального назначения в современных условиях резко возросла. В связи с этим руководство страны приняло

решение о создании во внутренних войсках сил специального назначения, предназначенных для усиления борьбы с организованной преступностью в федеральных округах и для выполнения задач на территории Северо-Кавказского региона. К концу 2003 года будет создано их основное ядро.

Но и сегодня спецназовцы не сидят без дела, ведь у них везде передовая. С поставленными задачами они справляются, и справляются отлично — по-спецназовски. Подтверждение тому — боевые ордена и медали. В этот день награжденных стало еще больше, а это признание заслуг перед Отечеством. За все время существования спецназа внутренних войск за мужество и героизм более 4 тысяч воинов-спецназовцев были отмечены государственными наградами, 19 из них удостоены высокого звания Героя России. Среди награжденных хотелось бы отметить генерал-майора Владимира Мальцева. Еще в 1978 году он возглавил первое под-

брал смерть, а не позор. Поэтому и называют они друг друга братишками. К сожалению, за время разрешения межнациональных конфликтов 128 воинов-спецназовцев не вернулись из боя. Собравшиеся почтили их память минутой молчания.

После официальной части слово было предоставлено Герою России, бывшему командиру ОСН "Витязь" полковнику Александру Никишину. Он поблагодарил спецназовцев за службу и вручил им подарки Ассоциации "Русь".

В заключение мероприятия журналисты смогли пообщаться с генерал-полковником Вячеславом Тихомировым и получить ответы на интересующие их вопросы. Как обычно, основной темой стала обстановка в Чечне. По словам главнокомандующего, в настоящий момент действительно наблюдается повышение активности бандформирований. Прежде всего это напрямую связано с финансированием боевиков, которое в последнее

сотрудников подразделений специального назначения федеральных органов России. Внутренние войска МВД представляли лучшие офицеры отрядов спецназа "Витязь" и "Русь" и отдельного разведбатальона Московского округа ВВ МВД России "Пересвет".

Накануне Президент России Владимир Путин поздравил бойцов специальных подразделений с Днем спецназовца. "Поскольку я не буду присутствовать на торжествах в Кремле, то хотел бы поздравить в вашем лице всех бойцов спецназа, — сказал он в Чите на полигоне "Песчанка" военнослужащим отрядов специального назначения внутренних войск. — По официальным данным, которые приходят из Чечни, по боевой подготовке и выполнению боевых задач на первом месте находится спецназ ГРУ, второе место занимает спецназ внутренних войск. Они воюют на порядок лучше, чем остальные подразделения".

Перед началом торжества его участники возложили венок к могиле Неизвестного солдата, цветы к обелискам героев у Кремлевской стены. Поздравить спецназовцев с праздником в Кремль пришли министр внутренних дел Борис Грызлов, министр обороны Сергей Иванов, лидеры фракций Государственной Думы Российской Федерации, главнокомандующие и командиры родами и видами войск. В одном из залов Государственного Кремлевского дворца секретарь Совета безопасности Владимир Рушайло зачитал текст поздравления Президента России, и в торжественной обстановке 12 офицеров и прапорщиков получили государственные награды.

Прием в Кремле послужил поднятию авторитета структур, стоящих на защите государственных интересов, укреплению их взаимодействия. Высшие руководители страны воздали должное мужеству и самоотверженности отличившихся сотрудников и военнослужащих подразделений специального назначения. День спецназовца должен стать государственным праздником. Спецназ — это острый меч и надежный щит нашего государства в непримиримой борьбе с экстремистами и террористами за целостность страны.

**Старший лейтенант
Вадим ВИННИК**
Фото капитана
Владимира ЕФИМЕНКО

разделение спецназа, сформированное в составе дивизии им. Ф. Дзержинского. Впоследствии из этого подразделения вырос знаменитый отряд специального назначения "Витязь". За усердие, проявленное при выполнении должностных обязанностей, высокие показатели в боевой службе, боевой подготовке, примерную воинскую дисциплину генерал-майор Владимир Мальцев был награжден нагрудным знаком "200 лет МВД России" под номером 1.

Выполнение поставленной задачи зачастую сопряжено с риском для жизни. Но ни один спецназовец не спасовал перед опасностью. Ни один из них ради своего спасения не предал товарища. Любой бы вы-

время вновь улучшилось.

Журналисты также хотели узнать, какие именно спецподразделения на сегодня являются лучшими, на что главнокомандующий дал оценку их боевой работе дал Президент России. Главное — все силовые структуры работают как никогда слаженно. Удачи на фронте борьбы с бандформированиями — совместная заслуга спецназовцев всех министерств.

В этот же день сотрудников СОБРОВ, ОМОНов и воинов-спецназовцев внутренних войск чествовали в Министерстве внутренних дел РФ. По установившейся традиции День спецназа завершился в Государственном Кремлевском дворце приемом в честь военнослужащих и

13 сентября 2002 года ушел из жизни участник Великой Отечественной войны, консультант заместителя министра внутренних дел — главнокомандующего внутренними войсками МВД России генерал армии Яковлев Иван Кириллович. Перестало биться сердце видного военачальника, посвятившего свою жизнь беззаветному служению Родине.

Генерал армии И.К. Яковлев родился 5 августа 1918 г. в с. Чернолесское Новоселицкого района Ставропольского края. В 1939 г. поступил в Кемеровское артиллерийско-минометное училище, которое окончил в 1940 г. Боевое крещение принял командиром минометного взвода во время советско-финляндской войны. С первого до последнего дня Великой Отечественной войны находился в действующей армии — на Западном, Волховском, 1-м Украинском, 1-м Белорусском и 2-м Белорусском фронтах. Командовал минометным взводом, ротой, батальоном, дивизионом, отдельным истребительно-противотанковым дивизионом. Был дважды ранен.

В 1949г. И.К. Яковлев окончил Военную академию бронетанковых и механизированных войск, в 1958 г. — Военную академию Генерального штаба. Проходил военную службу в рядах Вооруженных сил на должностях командира танкового полка, заместителя командира и командира механизированной дивизии, начальника отдела и начальника управления Главного управления боевой подготовки

Генерал армии ЯКОВЛЕВ Иван Кириллович (5. 08. 1918 г. — 13. 09. 2002 г.)

Сухопутных войск, заместителя командующего войсками Московского военного округа по боевой подготовке.

В 1968г. генерал-лейтенант танковых войск И.К. Яковлев был назначен на должность начальника Главного управления внутренних войск МВД СССР и занимал ее в течение 18 лет. Под его руководством внутренние войска изменили свой облик, стали современным военным организмом, способным

выполнять самые сложные правоохранительные задачи.

Возросли роль и значение войск в жизни страны, авторитет и престиж солдат правопорядка в обществе.

После ухода с поста начальника внутренних войск в 1986 г. генерал армии И.К. Яковлев занимал должности военного инспектора — советника Группы генеральных инспекторов Министерства обороны и консультанта главнокомандующего внутренними войсками МВД России. Своим высоким профессионализмом, творческим подходом к делу, честностью, заботливым отношением к людям И.К. Яковлев снискал огромный авторитет среди руководителей и подчиненных.

Родина высоко оценила заслуги И.К. Яковлева. Он награжден орденами "За заслуги перед Отечеством" IV степени, Мужества, двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, тремя орденами Красного Знамени, орденом Суворова III степени, двумя орденами Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны I степени, орденом "За службу Родине в Вооруженных Силах СССР" III степени, многими медалями СССР, Российской Федерации и зарубежных стран.

Светлая память о прекрасном человеке, верном сыне России генерале армии Яковлеве Иване Кирилловиче навсегда сохранится в наших сердцах.

**Коллегия МВД РФ,
Главное командование ВВ МВД России,
военный совет ГКВВ МВД России,
совет ветеранов ГКВВ МВД России**

Боевая служба — наша главная задача

В октябре 1968 года я, в то время начальник Орджоникидзевского военного училища внутренних войск МВД СССР, представлялся начальнику войск И.К. Яковлеву. В отношении генерал-лейтенанта танковых войск, возглавившего войска МВД, армейский беспроволочный телеграф донес весьма лестную “объективку”: заслуженный фронтовик, но молодой и энергичный, имеет орден Ленина, три (!) ордена Красного Знамени, орден Суворова III степени. Это говорило о многом...

Сегодня вспоминаю восемнадцать лет службы под его началом как годы нелегкого, но интересного ратного труда.

Иван Кириллович Яковлев принял войска в непростое время — в мае 1968 года. Хрущевской реформой в 1960 году было необоснованно ликвидировано союзное Министерство внутренних дел. Части внутренних войск перешли в подчинение МВД союзных республик. Такие пертурбации не могли не сказаться на здоровье и самочувствии сложного войскового организма.

Войскам повезло, что в сложнейший момент их возглавил человек, не только сам умеющий трудиться вдумчиво, но и способный организовать деятельную работу подчиненных на очень широком фронте. На таком посту нужен был именно такой военачальник...

Свидетельством особого внимания к внутренним войскам явилось то, что их начальника лично принял генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И. Брежнев, а месяцем позже председатель правительства СССР А.Н. Косыгин. И если прием военачальника генсеком, по большому счету, носил номенклатурно-символический характер, то представление и доклад А.Н. Косыгину имели важные для практической жизни войск последствия. После обстоятельного разговора с главой правительства были приняты судьбоносные решения, создавшие стартовые условия для перестройки и организационно-боевого укрепления войск.

Именно тогда, в ноябре 1968 года, после образования Министерства внутренних дел СССР, появилась привычная для нас на многие годы аббревиатура — ГУВВ. И с каждым днем все острее становилась военная организованность, сила и надежность наших войск. Уже в апреле 1969 года был утвержден Устав бо-

евой службы внутренних войск МВД СССР, и лозунг “Боевая служба — наша главная задача” стал отныне девизом каждого военнослужащего, от солдата до генерала. Вскоре был образован военный совет, который под началом генерала И.К. Яковлева определил приоритетные направления строительства войск. За короткое время начальник войск (замечу, что и тогда его чаще называли командующим) посетил десятки соединений и частей, глубоко вникая в служебно-боевую деятельность, условия расквартирования, жизни и быта личного состава.

Прозорливый военачальник почувствовал острую необходимость совершенствования организационной структуры. Необходимость создания региональных управлений по типу армейских округов диктовалась самой жизнью. Соответствующие предложения начали длинный и тернистый путь в инстанции: ЦК КПСС, Совмин СССР, Минобороны, Минфин, Госплан.

Здесь трудно перечислить весь комплекс проблем управления войсками, которые настойчиво решались. Генерал И.К. Яковлев, человек творческий, сам нахо-

дился в постоянном поиске путей совершенствования войск и требовал того же от подчиненных. Не ошибусь, если скажу, что Ивана Кирилловича особо отличало умение работать с кадрами. Он всегда стремился не только подготовить и воспитать офицеров и генералов, перемещать их последовательно с одной ступени служебной лестницы на более высокую сообразно способностям и для пользы общего дела, но и сохранить для войск надежный кадровый фонд. В управлении кадров главка четко усвоили требование начальника войск — ни один офицер, даже лейтенант, не может быть уволен без вызова на беседу к командованию войск. За проступки, дискредитирующие звание офицера, или по деловой непригодности из войск увольнялось менее одного (!) процента молодых офицеров, прослуживших до трех лет.

Забота о людях не была для начальника войск лозунгом, временной кампанией. Те, кто служил во внутренних войсках при генерале И.К. Яковлеве, хорошо помнят все его начинания, доведенные до победного конца, когда результаты их заметно повышали качество выполнения служебно-боевых задач, облегчали нагрузку на личный состав, высвобождали время для боевой учебы, культурного досуга, улучшали войсковой быт.

Хорошо помню, как четверть века назад на краповых погонах наших солдат появились золотые буквы ВВ. Внутренние войска завоевывали все большее уважение в государстве. И если их начальник Иван Кириллович Яковлев принимал их в звании генерал-лейтенанта танковых войск, то спустя годы на его погонах появилась большая звезда генерала армии как признание того, что внутренние войска стали воистину прекрасно отлаженным военным организмом, способным решить самые сложные правоохранительные и оборонные задачи.

**Генерал-лейтенант в отставке
Федор БУБЕНЧИКОВ,
председатель совета ветеранов
ГКВВ МВД России.**

Фото из фондов Центрального музея ВВ МВД России

НА Б О Е В О М П О С Т У

№ 10
октябрь
2002

В номере:

Главный редактор
УЛЬЯНОВСКИЙ В.Н.

Редакционная
коллегия:

АРТЮХОВ Е.А., АШУРКОВ И.А.,
БАННИКОВ А.Ю. (зам. главного
редактора — ответственный
секретарь), БЕЛЬСКИЙ В.Ю.,
ГЕРАСИМОВ В.Н.,
ЕРМАКОВ П.И., КАЗАКОВ Н.Н.,
КАРГОВ Б.В., КИСЛЬИ Ю.П.
(зам. главного редактора),
КОЛЕСНИКОВ С.С.,
КЛОЧКОВ В.И., КУДРЯШОВ А.В.,
МАКАРОВ А.В., ЛЕВКОВИЧ В.Г.,
ОБРЕВКО В.М.,
ПАНЧЕНКОВ В.В.,
СЕНОКОСЕНКО Л.Ф.,
СВИТКО Е.В.,
ТОНКОНОГОВ В.П.,
ЮРЧЕНКО С.П.

Художественное
оформление
БАННИКОВ А.Ю.,
КОПЫЛОВ Э.П.

Верстка
ВИНОГРАДОВА О.К.

Корректоры
БОГДАНОВА Е.А.,
ГАВРИЛОВА Е.Ю.

На 1-й странице обложки
Герой России ЮШКОВ Ю.Г.
фото НИКОЛАЙЧУКА В.Н.

Издается с 1958 года
УЧРЕДИТЕЛЬ —
МВД России,
ИЗДАТЕЛЬ —
Главное командование
внутренних войск

Журнал зарегистрирован в
Министерстве печати и
информации Российской
Федерации.

Регистр. № 01420.

Имеет приложения:
газету «Ситуация» и сборник
учебно-методических
материалов
«Бойсковой вестник»

При перепечатке материалов
ссылка на наш журнал обязательна

Редакция вправе сокращать и
литературно обрабатывать при-
нятые к публикации тексты. Ре-
дакция может публиковать ма-
териалы, не разделяя точку зре-
ния авторов. Рукописи не рецен-
зируются и не возвращаются. За
достоверность фактов, имен
собственных, неразглашение
тайны отвечают авторы публика-
ций, за достоверность реклам-
ных объявлений — рекламодат-
тели, за качество печати — ти-
пограф. Периодика с читате-
льскими письмами не ведется на страни-
цах журнала.

Сдано в набор 15.08.2002
Подписано к печати 20.9.2002
Формат бумаги А4 210х278
Общая тираж издания 15 000
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,8.
Уч.-изд. л. 17. Зак. № 1962
Индикатор для индивидуальных подписчиков
— 10610
для предприятий и организаций
— 73175

Отпечатано в ФГУП Издательство и
типография газеты «Красная звезда»
123007, Москва,
Жлршовское шоссе, д. 38

ДАТА

1 В. ВИННИК
Давай за спецназ

4 Ф. БУБЕНЧИКОВ
Боевая — служба
наша главная
задача

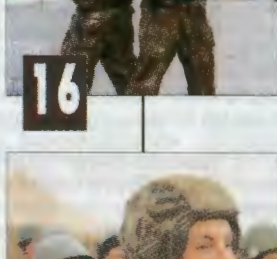
ОФИЦИАЛЬНО

6 А. СПИРЯКОВ
Мы воюющие
войска воюющего
министерства

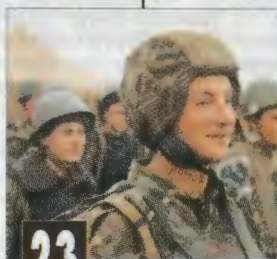
ЧЕРЕЗ ДВЕ ВОЙНЫ

7 В. БОЛТИКОВ
Десять лет на
острие ножа

МУЖЕСТВО

14 Р. ДУРКАЧ
Третий — не
лишний

ПРОФЕССИОНАЛЫ

16 И. ДЕГТЯРЕВА
Плечом к плечу

ЗНАЙ НАШИХ!

Ю. КИСЛЬИ **19**
Огурцы от
маршала
Соколова

БОЕВАЯ УЧЕБА

И. БЫСЕНКОВ **23**
Война спросит
строго

КВАРТИРНЫЙ ВОПРОС

Шесть шагов к
собственной **25**
квартире

ИМЯ В ИСТОРИИ ВОЙСК

А. КУЛИКОВ **28**
Тяжелые звезды
(окончание)

ЛИТЕРАТУРА

А. КОСТЕНЕВСКИЙ **40**
Пока есть
память...
(стихи)

И. КОЗЛОВ **42**
След золотого
коня
(окончание)

КАЛЕЙДОСКОП

Клуб знакомств **64**

© Журнал «На боевом посту», 2002

Адрес редакции: 111250, Москва, Красноказарменная, 9
Телефоны для справок: 361-81-71, 361-82-57 E-mail: a_u_bannikov@mail.ru

подразделения внутренних войск к внезапным ее изменениям, как подготовлены военнослужащие, способны ли решать возложенные на них задачи. Самым четким и красноречивым генерал-полковник Вячеслав Тихомиров счел язык цифр. Он отметил, что состояние техники и вооружения улучшилось на 15-18 процентов, качество и эффективность проводимых спецопераций возросли в 2 раза, причем потери во время этих операций снизились в 2-2,5 раза. Именно в таких сухих цифрах видна прделываемая в войсках работа. На ее результаты влияет и совершенствование кадрового обеспечения. Если на 2000 год укомплектованность подразделений и частей внутренних войск составляла около 86 процентов, то к началу 2002 года достигла 96. Важным достижением главнокомандующего является увеличение укомплектованности, что заметно повысило уровень обученности личного состава.

Новый подход к правовому обеспечению деятельно-

5 сентября в Министерстве внутренних дел состоялась пресс-конференция заместителя министра — главнокомандующего внутренними войсками МВД России генерал-полковника Вячеслава Тихомирова. Встреча главкома с журналистами открыла серию брифингов руководящего состава министерства, приуроченных к 200-летию МВД России.

Мы воюющие войска воюющего министерства

"История внутренних войск неразрывно связана с историей Министерства внутренних дел, которое 20 сентября отметит свое 200-летие. Менялись времена, менялись задачи, но внутренние войска всегда стояли на охране правопорядка", — сказал в своем вступительном слове главком.

До 1997 года основная задача войск состояла в охране исправительно-трудовых учреждений. Со временем эта функция была передана Министерству юстиции, и к 1999 году внутренние войска практически поменили свой облик. На сегодняшний день внутренние войска участвуют в охране общественного порядка, выполняют задачи по охране важных государственных объектов и грузов и неустанно борются с бандитами и террористами.

Выступая перед журналистами, генерал-полковник Вячеслав Тихомиров кратко рассказал о путях реформирования войск, о том, что уже сделано и что предстоит еще сделать. Не мог он обойти и мероприятия, которые проводятся во внутренних войсках согласно плану подготовки к празднованию 200-летия МВД России. Наряду с общими министерскими, такими, как автопробег, в котором принимают участие наши воины, командование проводит и свои мероприятия, направленные на увеличение престижа службы, на увековечение памяти погибших. Так, в сентябре в Санкт-Петербурге будет открыт памятник военнослужащим, погибшим при выполнении служебных обязанностей по охране правопорядка. А в завершение празднования юбилея, 9-10 ноября, — памятник в Москве. Мы воюющие войска воюющего министерства, совместно с органами внутренних дел ведем борьбу с преступностью и терроризмом. Солдаты правопорядка оберегают мир и покой людей. Проявляя мужество и отвагу, честно исполняют свой долг. И мы обязаны помнить тех, кто не вернулся из боя, отдал жизнь во славу Отечества.

После краткого экскурса в историю войск правопорядка настало время отвечать на возникшие вопросы.

Естественно, журналистов интересовала обстановка в зоне конфликта в Чеченской республике: готовы ли

сти подразделений в Чечне позволил снизить общее количество преступлений почти в 2 раза. "Мы добиваемся, чтобы все боевые задачи выполнялись в строгом соответствии с законом, — отвечая на вопрос о юридической чистоте проводимых операций, сказал Вячеслав Тихомиров.

Особое значение в выступлении главнокомандующий уделил проблеме образования сил специального назначения и их возможного взаимодействия с уже существующими подобными подразделениями в милиции и в ФСБ России. В процессе возрастания правоохранительной направленности деятельности внутренних войск решение этой задачи должно быть первоочередным. Борьбу с организованными преступными сообществами должны вести профессионалы.

У журналистов также возник вопрос о переходе войск на контрактную основу, на что генерал-полковник Тихомиров ответил: "Основное препятствие на этом пути — недофинансирование. В настоящее время нет согласования даже между разными экспертными оценками. А "воюющее министерство" не имеет права на ошибку. Как только мы убедимся в том, что уже готовы это сделать — будьте уверены, внутренние войска решительно перейдут на контрактную основу". Также главнокомандующий журналистам причину перехода многих офицеров из Министерства обороны во внутренние войска: в свете решения новых задач требуются новые идеи, новые руководители, поэтому боевой опыт офицеров, приходящих из других силовых структур, крайне необходим.

В заключение беседы с журналистами Вячеслав Тихомиров заметил, что безопасность людей и их благополучие не должны быть делом какого-то одного органа государственной власти или отдельного министерства. Только вместе россияне смогут противостоять трудностям и только вместе способны поднять былое величие страны.

**Старший лейтенант
Артем СПИРЯКОВ**

19 августа «росичи» отметили свое десятилетие. В боевую летопись отряда вписано немало славных и трагических страниц. Вся история существования отряда напрямую связана с новейшей историей России, историей локальных войн и вооруженных конфликтов. Северная Осетия и Ингушетия, Дагестан и Чечня легли тяжким бременем на плечи военнослужащих отряда. Но ни один из них не спасовал, даже перед лицом смерти, и каждый выполнил свой воинский долг до конца. Подтверждением тому — 6 Звезд Героев России. Сегодня, находясь в парадном строю, солдаты и офицеры вспоминают своих товарищей, павших в боях за Родину.

ДЕСЯТЬ ЛЕТ НА ОСТРИЕ НОЖА

ВЫРУЧАЕТ СПЕЦНАЗ

Пробиться к центру города с ходу никому не удавалось. Бронетехнику жгли, пехоту рассеивали, расстреливали. Армейцы шли на Грозный бронированными колоннами, рассчитывая подавить врага мощью. Не вышло. Вот тут и вспомнили про спецназ внутренних войск. Спецназ может все — так решали, когда другие решения проваливались.

В те зимние дни 94-го «росичам» была поставлена задача оказать действие частям Российской армии, брошенным на штурм города. Группы отряда на БТРах должны были пробивать брешь в «духовской» обороне для танков и боевых машин пехоты.

30 декабря. Командир 81-го мотострелкового полка мужик был толковый. Его ребята прошли уже половину улицы Первомайской, продвигались в район 1-й горбольницы. За один квартал до нее встали.

— «Духи» из минометов обстреливают регулярно. Да к тому же кругом работают снайпера, — сказал он спецнам. — А у вас снайпера есть?

Кроме контрактника Виталия Бабакова был в группе еще один снайпер — охотник сибиряк Миша. Вот и полезли они вдвоем на крышу. Часа два, пока окончательно не стемнело,

охотились. Там кругом частный сектор, а в глубине что-то более высокое, двух- или трехэтажное. Чеченский снайпер работал грамотно. Он стрелял из глубины комнат, не высывался в окно, чтобы вспышки не было видно. Но и «краповые береты» не лыком шиты, все-таки достали его.

Командир армейский это усек, говорит:

— Раз спецназ — выручайте!

Отряд спецназа работал иначе, чем подразделения мотострелков. У братишек свой почерк, свой стиль. Ни одного лишнего маневра, каждый был на своем месте и делал

свое дело профессионально. Снайперы — просто ювелирно.

Когда в первый раз подходили к консервному заводу, перед самым поворотом к нему обнаружили, что боевики пристреляли все подходы с жилой трехэтажки. Но «росичи» быстро решили эту вновь возникшую у армейцев проблему.

Первым делом сняли «духовских» снайперов. Бандиты замолчали, растерялись, огонь поутих. Потом, когда наши снайперы начали стрелять, из здания стали выбегать «чехи», а старший лейтенант Матвеев не растерялся, закинул во двор парочку гранат. Выбегающие бандиты оказались зажатыми между забором и зданием. Сами себя подставили.

К обеду 31-го встали где-то метрах в семидесяти от горбольницы. Оттуда велся почти непрерывный плотный огонь. Одно здание было практически разрушено, а бандиты засели в главном корпусе, который расположен буквой "Е". Армейское командование, видя, что "краповые" — самые военные люди, ставит им задачу: штурмом взять "духовскую" крепость.

Произвели расчет сил и средств. Разделились на группы. И тут подошла неожиданная подмога — группа из четырнадцати офицеров и прапорщиков бригады спецназа Минобороны. Поделили: "росичи" штурмуют центральное здание, они —

тем лучше стало вырисовываться взаимодействие федеральных сил. Теперь работали все вместе. Впереди идет спецназ, сзади по одному-два танка, по одной-две бээмпэшки. Только дудаевцы себя обнаружат — танк медленно из-за домика выкачивается, пять-шесть снарядов кладет, и спецназ пошел вперед. Поэтому меньше людей теряли. И теперь все ребята, кто там воевал, от ротного до комбата, никогда плохо о внутренних войсках не говорят. Они видели — в тылу спецназ не сидит.

ВПЕРЕДИ БАМУТ

Весной 95-го федеральные силы продолжали начатую в прошлом году операцию в Чечне. Уже прошли Грозный, Самашки, Гехи, но

В Бамут втянулась (именно втянулась, а не ворвалась всесокрушающим внезапным штурмом) бригада оперативного назначения. С виду казавшееся разрушенным и пустынным село, расположенное среди гор вдоль поймы реки Фортанги, оказалось мышеловкой. Уже долбили по бригаде не только снайперы, но и крупнокалиберные пулеметы, уже подорвался на фугасе танк из головной походной заставы, когда отряду спецназа "Росич" поступила команда взять на оконечности горного лесного массива высоту Лысая. Именно с ее вершины весь Бамут как на ладони. Кто владеет этой высотой — владеет селом. Задача

пристройки. Дальше, если получится взять, наши держат второй этаж, армейцы — первый.

При подготовке первым делом рассадили снайперов и гранатометчиков. Они в уличном бою — главные фигуры. Здесь они тоже славно поработали. Половина убитых "духов" на их счету.

В общем, штурманули удачно: своих никого не потеряли. Пошли чистить подвалы. Произвели зачистку, доложили, что комплекс свободен.

К больнице стала подтягиваться бронетехника.

Чем дальше в глубь Грозного продвигались штурмующие силы,

даже на короткий отдых времени не было. Впереди была новая цель — Бамут. Через этот населенный пункт шли основные транспортных потоки оружия и боеприпасов. Отсюда бандформирования совершали вылазки и ночные рейды по тылам наших войск. Засевшие внутри и вокруг шахт, коммуникаций бывшей ракетной части стратегического назначения дудаевцы не собирались легко отдавать такой лакомый кусочек чеченской земли. Против наступающих российских войск в этом районе собралось около трех тысяч наемников и головорезов, до двадцати единиц бронетехники, до двадцати артсистем и минометов, несколько "Градов".

сложная, практически невыполнимая — как раз для спецназа. К тому же, по данным разведки, именно на ней засели их чеченские "коллеги" — дудаевские спецназовцы из отряда "Борз". И они пошли...

Отряд прошел по селу через боевые порядки бригады, свернул к реке, спешился. Бесплезно дожидаясь авиаудара по зеленке и артподготовки, наши потеряли время и пошли на Лысую, считай, белым днем. Командир отряда сломал первоначальный план операции и направил группы для выхода на свои рубежи предстоящей обороны. Первая пошла фронтально по склону крутизны градусов под

шестьдесят. Еще две группы ушли влево и вправо, разведчики оставались резервом чуть сзади вместе с управлением.

Тела ранее убитых двух разведчиков софринской бригады обнаружили быстро. Они были на небольшом плато, где "духи" обосновались давно и прочно: за линией полнопрофильных окопов. Одна группа заняла оборону здесь, вторая с десятком софринцев обеспечивала спуск погибших ребят. Старший лейтенант Миша Немыткин со своими бойцами стал подыматься еще выше.

Группа Немыткина грамотно сосредоточилась, "духи" не всех заме-

не струсит, будет с нохчами биться до конца. Не знал он только, что братишка его уже убит. И сам офицер ослабевал от второй раны (пуля попала в плечо) и от невозможности сделать в бою все, на что способен. Крепился изо всех сил. Но третья снайперская пуля достала его.

Трижды прокричав в эфир "Отходить!", командир отряда понял, что команда эта уже невыполнима.

Его первая группа, смяв засаду противника, потеряла лучших командиров и бойцов. Они, верные законам спецназовского братства, не могли оставить товарищей — из боя выходят или все, или никто.

Он стянул всех к себе, заняв же-

— Если бы вы не продержались на Лысой, наша бригада в Бамуте была бы уничтожена ...

"Росичи" продержались ценою жизни десяти своих парней. Они сковали силы боевиков, отвлекли их от самого Бамута, где, зажатые в межгорье, сражались подразделения софринцев.

ВТОРОЙ ПОХОД

О том, какие чувства испытывали бойцы и офицеры отряда, когда политики предали их, да и не только их — всех, кто воевал в Чечне в первую кампанию, лучше не говорить. И так понятно. Как можно себя чувствовать после удара ножом в спину?

Но времени "росичи" даром не

тили, они просто не ожидали, что солдаты так быстро взойдут на гору, что внаглую приблизятся к самим окопам. Завязался бой. Уже отчетливо орали сверху из зеленки: "Аллах акбар!".

Командир отряда по рации отдал приказ: "Всем отходить!". А как тут отойдешь, когда группа уже понесла потери? "Росичи" решили — без товарищей не уйдем. Спецназ на поле боя своих не бросает, даже убитых.

Тут подошла на помощь вторая группа с капитаном Виталием Цымановским во главе. Поползли на чертову высоту слева. Лейтенанту Андрею Зозуле прострелили ногу. Он матюгается, ковыляет, отстреливаясь. В тыл не уходит. Знает, что где-то рядом его лучший друг Мишка Немыткин. Зоза знает, что Мишка

сткую круговую оборону в квадрате восемьдесят на восемьдесят метров. Они трижды ходили в атаку, чтобы пробить коридор метров в пятнадцать, по которому ползком стаскивали раненых. Каждого раненого несли два бойца. Обратной походкой они тащили на себе в гору по два ящика с патронами. Когда капкан захлопнулся, вызвали огонь артиллерии на себя. Ни на что не надеясь, "росичи" вели бой еще три часа, пока на вырубку не подошли братишки из "Витязя".

Бригада, действовавшая в Бамуте, отошла.

Генерал Романов потом скажет командиру отряда "Росич":

теряли. В период "затишья" постоянно тренировались, повышали свое мастерство, изучали боевой опыт, чтобы в следующий раз не повторять ошибок. Знали: рано или поздно они снова вернутся на землю, где героически погибли их братишки, еще будет время по квитаться со старыми врагами. И оно пришло — в конце лета 99-го.

Только теперь война велась немного не так, как было несколько лет назад. Самой главной задачей для командиров всех степеней было сохранить жизнь подчиненным, а не как можно быстрее взять ту или иную цель. Да и к тому же и правозащитные организации кричать стали меньше, а значит, и работать всем стало спокойнее.

Утром 3 января 2000 года поступила информация о том, что из Грозного идут боевики, которых там постепенно дожимали. Две штурмовые группы отряда выехали в район предполагаемого прорыва — под Алхан-Калу. Первой группой командовал капитан Карелин, второй — замполит Морозов. Вместе с ними также отправились исполняющий обязанности начальника штаба отряда майор Целуйко и заместитель Шаманова по внутренним войскам на заданном направлении генерал-майор Барсуков.

Спецназовцы ехали и толком не знали, какая там обстановка. Добравшись до тылового лагеря со-

вать. Человек 60 вытащили, технику уцелевшую вывели из-под обстрела. И все это в кутерьме, когда отовсюду стреляют.

Чуть позже выяснилось, что помимо армейцев в огневой мешок попали ребята из 100-й ДОН. Надо вытаскивать своих! Но с первого раза не получилось — завязался ожесточенный бой. Воевали до вечера, пока не пришел приказ сверху вывести отряд на окраину. Мол, "Росич" свою задачу выполнил, людей спасли, технику тоже. Как ни уговаривали братишки начальство не бросать попавших в засаду, командование было непреклонно. К тому времени армейцы подошли. В общем, блокировали это Краснопартизанское полностью. И понять-то толком не могли,

бокий тыл. Попали в огневой мешок.

Утром к осадившим Краснопартизанское спецназовцам и армейцам вышли мирные чеченцы из села. Сказали, что боевики стрелять не будут, можно забрать убитых военных. "Росичи" всех загрузили в бэтээры, вывезли.

Генерал Барсуков приказал отряду уходить на базу:

— Вы все, что могли, сделали, тут теперь и без вас разберутся, село полностью блокировано, никто не уйдет!

Ох как радовался Шаманов, что его хитрость удалась, когда боевики из Грозного по минному полю тол-

фринской бригады, выяснили, что утром под селом была обстреляна застава собровцев.

Двинулись дальше. Около Алхан-Юрта, откуда виднелось уже село Краснопартизанское, колонну обстреляли. "Росичи" срочно спешили, заняли круговую оборону. Небольшая группа во главе с Карелиным направилась выяснить, откуда велся обстрел. Для них приказ был один — если кого-то обнаружат — уничтожить. Через некоторое время разведчики вернулись. Тишина. И тут со стороны села раздался взрыв, выстрелы. Отряд двинулся туда.

Как оказалось, в Краснопартизанском горела колонна техники.

Машины армейцев факелами пылают. Спецназовцы прикрыли их броней, начали людей вытаски-

что же произошло. А произошло, как потом выяснится, следующее...

Просочившиеся через бреши из Грозного боевики из банды Арби Бараева потихоньку проникли в район Алхан-Калы, Алхан-Юрта, Краснопартизанского. У них задача была затеять здесь заварушку, расшатать обстановку в тылу западной группировки, чтобы дать оставшимся в Грозном бандитам передышку. В это время за водой через Краснопартизанское шла небольшая колонна, состоящая из АРСов 100-й ДОН, к ней присоединилась техника такой же тыловой колонны армейцев. Ну а "духи" их уже в селе ждали. Наши, конечно, не ожидали нападения — ведь около 20 километров от Грозного глу-

пой пошли. Бандиты, кто сумел вырваться из той ловушки, поперли маршрутом на Алхан-Калу и дальше в Катыр-Юрт, Гехи-Чу, Валерик. Вот и пришлось отряду в те февральские дни их преследовать, давая гадов во всех селах, куда они заползали. Крепко "духам" досталось! Бежали они быстро, порой даже бросали своих — в одном из сел в подвале школы спецназовцы обнаружили несколько десятков раненых. Но и среди братишек тоже появились безвозвратные потери.

"Росичи" вместе с подразделениями 100-й ДОН и собровцами блокировали Катыр-Юрт. Утром 5 февраля начали проводить разведку боем. Первые же два-три дома, когда в село вошла одна из наших групп, оказались хорошо укреплен-

ными гнездами боевиков. Оттуда начался ураганный огонь.

В тот момент здорово проявил себя лейтенант Джафяс Яфаров из группы Сергея Масакова. Они разделились: командир пошел по одной улице, Яфаров — по другой. И там Джафяс напоролся на “духов”. Открытая местность — не спрячешься. Сразу ранило двоих. Яфаров с тремя бойцами решил их вытаскивать под ураганным огнем. Их “духи” тоже подстрелили. Джафяс сумел двоих вытащить, остальных — не получилось. Контрразведчики потом нашли этих ребят в освобожденном селе. У всех — выстрел в голову...

В отряде “Росич” закон такой — раз пошли, скажем, 20 человек в бой, 20 должны и вернуться. Уби-

шара” очередь за очередью садит. Сергей полез пацанов вытаскивать. Получилось, дотащил почти до БТРа, но... двух метров ему не хватило. Боевик из пулемета прямо в них попал. Сержанта убил, а у Сергея — тяжелое ранение в грудь. Он в сознании, кровью истекает, и первые слова, которые Сергей сказал командиру 3-й группы, пришедшей им на помощь, были: “Забери моих солдат и оружие”. Не “спасите”, не “помогите”, а “солдат забери...”

Тяжело отряду, конечно, Катыр-Юрт дался. 28 убитых. Моральный удар страшный. Но никто не сломался. Наоборот, бойцы из учебной группы, которые все это видели, замучили командиров рапортами с просьбой отправить их на боевые. Говорили:

им понять — здесь для них земли нет. Чтобы они из села, как тараканы, выползали.

Они и выползали. Когда в следующие дни засады ставили на пути их отхода из села (они пытались в горы уйти), сколько тогда “духов” покروшили!

Когда прямо на “росичей” вышла по сухому руслу реки банда — бандитов в упор расстреливали, гранатами закидывали. А они вместо того чтобы отходить, лезли вперед, по трупам своих же. У них одна цель была — горы, горы. Но ни одного боевика не пропустили. Утром на месте боя лежало много трупов в беретах с волками (признак офицерского отряда спецназа), оружия, очень хорошего, современного.

тые, раненые — неважно. Об этом все “росичи” знают, поэтому и не боятся идти воевать. Знают, что товарищи их в любом случае не бросят...

Они шли по улице, и боевики из полуподвала дома открыли огонь. Сергей Масаков, исполняющий обязанности командира 1-й ГСН, с бойцами сумели подобраться вплотную к этому подвалу, закидать его гранатами. По идее, в живых там остаться никого не должно было. Но один остался, волчара. Очухался и из пулемета — по ногам нашим пацанам. Так и лежат: раненые на левой стороне улицы, а вся группа — на правой. И головы не поднять, “ду-

— Пацаны там работают, а мы тут, как крысы тыловые, сидим.

Кто-то может сказать: если у отряда такие потери большие — значит, воевать они не умеют. НЕТ! Просто бывают ситуации, когда без потерь не обойтись. Так в Катыр-Юрте и было. По нему же и артиллерия работала, и авиация. Не село — одни развалины. Но “духи” в подвалах пересидели и в большинстве остались живы. Кто смог, все поуползали в горы и в другие села. В Катыр-Юрте остались одни наемники и смертники, которым нечего терять. Половина — под наркотой. Вот братишки их и давили. Просто шли и воевали, давили и еще раз давили, чтобы дать

В КОМСОМОЛЬСКОМ

Спецоперацию по проверке паспортного режима в Комсомольском решено было провести повторно в силу непредвиденных обстоятельств. Рано утром 6 марта ворвалась сюда группа боевиков во главе с Русланом Гелаевым. Село тут же блокировали.

7.45. Силы спецназа сосредотачиваются на дороге, ведущей в Комсомольское. Все готовы к началу операции. Командир “росичей” подполковник Игорь Семенов ходит вдоль колонны, отдает последние распоряжения. Основная задача спецам уже поставлена. Все группы знают, на каких направлениях предстоит действовать. Вчера они про-

водили зачистку в селе. Но пройти его до конца не успели. Сегодня предстоит доделать ту работу. Только в другой обстановке. С боем...

9.00. Звучит долгожданная команда. Тронулись. Дорога сворачивает направо. Впереди узкий мосток. Щелкая предохранителями, бойцы и офицеры переходят по нему в пешем порядке. Группы "Назара" (подполковник Лидов), "Джафа" (лейтенант Джафяс Яфаров), "Соболя" (капитан Валентин Сиротин) и "Птицы" рассредоточились по своим направлениям.

Через сорок минут закрепились на втором перекрестке. "Гром" (подполковник Семенов) принима-

крепко достаётся. Еще при подходе к третьему перекрестку бойцы его группы повстречали мирных жителей, не успевших покинуть село. Они предупредили: в правом доме боевики. Как потом выяснилось, только в одном этом здании на левом фланге против спецов выставили стволы 24 "духа". А это, согласитесь, не пустяк. Но все-таки жарче было у "Джафа". Когда подошли к третьему перекрестку, Яфаров оставил позади себя подчиненных, а сам с младшим сержантом Николаем Емиковым, рядовыми Равилем Абдуллаевым и Александром Адамовым дозором выдвинулся вперед.

Бегло осмотрев первый дом, бойцы побежали дальше. Здесь, по замыслу командира, детально

трудно. Но отважная четверка в течение часа не покидала захваченный дом. Держала оборону, не давая возможности боевикам продвинуться к перекрестку.

Озверев от дерзости наших бойцов и понесенных потерь, бандиты сосредоточили основной удар на доме, где была четверка "Джафа". После интенсивного обстрела из гранатометов оставаться в здании не представлялось возможным. Дом превратился в развалины.

Работавшие с группой Яфарова соборвцы, попав в огневой мешок, отползли к полю за селом и залегли в неглубоком арыке. Видя, что дозор спецназа попал в серьезный переплет, они стали кричать "Джафу": "Отходите к нам! Прикроем!"

ет доклады от командиров групп и указывает следующий рубеж — третий перекресток. Если б знать заранее, что за ним последует...

9.55. Группы начинают движение от уравнительного рубежа — третьего перекрестка — к окраине Комсомольского. И вот тут начинается. По всему фронту — справа, слева и по центру — "духи" влупили из автоматов, пулеметов и гранатометов. Работает снайпер. Все присели. Кто ползком, кто перебежками уходят под прикрытие железных ворот. Шум боя нарастает. Спецназовцы дают отпор.

Эфир словно взбесился. Из рации "Грома" несутся доклады один тревожнее другого. По отдельным репликам можно понять: особенно тяжело у "Джафа". Да и "Назару"

должны были работать идущие следом. Во втором доме "Джаф" обнаружил подготовленную огневую точку — пулемет ПКМ стволом смотрел на улицу. Боевики, не ожидавшие столь быстрого появления наших, кучковались на втором этаже.

Заняв удобные позиции, спецназовцы приготовились к встрече с бандитами, которые поспешили вниз, на первый этаж. За считанные минуты восемь боевиков были изрешечены очередями. С этого момента на правом фланге разгорелся жестокий бой.

Перекресток плотно обстреливался из всех видов автоматического оружия и "шайтанок". Противостоять многократно превосходящим силам "духов" было крайне

Да, это был единственный шанс. Возвращаться к перекрестку себе дорожке, можно угодить под огонь засевших в тылу "духов". Лейтенант Яфаров принял решение: прорываться к соборвцам. Пан или пропал! По его сигналу парни выпрыгнули со второго этажа и рванули к арыку...

Связь с "Джафом" оборвалась.

10.20. Подполковник Семенов докладывает "Первому" — руководителю спецоперации генерал-майору Григорию Фоменко, что отряд натолкнулся на ожесточенное сопротивление по всему фронту. Требуются резервы. Особенно на правом фланге. Пальба не прекращается ни на секунду. Отряд начинает отходить.

11.50. Заняли круговую оборо-

ну. Семенов, пригибаясь, побежал вдоль забора на правый фланг, к тому месту, откуда можно было увидеть, как "Назар" пытается подойти на помощь группе "Джафа". Добраться до нее по-прежнему не удается. Метрах в сорока "духи" подорвали БТР. Пришлось опять отойти.

— Аллах акбар! — ожила у кого-то радиостанция.

— Пошел ты на ... со своим акбаром! — доносится в ответ.

В горячке боя не сразу обнаружили, что к этому времени командир группы лейтенант Джафес Яфаров был мертв. Скорее всего именно его радиостанция попала к "духам".

На улице, за бэтээром, разорвалась граната подствольника.

ли их поближе и обстреляли из пулемета. Собровцы едва ноги унесли. Капитан Сиротин посылает "коробочку" к тому месту, где обнаружили себя бандиты. Пулемет бэтээра работает не переставая несколько минут. "Духи" с левого фланга больше не беспокоят. Попытка обойти группу спецназа провалилась.

15.20. На правом фланге без изменений. "Назару" пока не удается подобраться к остаткам группы "Джафа". Опять начинают бить танки. Видимо, решено форсировать события. Все прекрасно понимают: ночевать в Комсомольском, среди "духов" — не лучший вариант.

Возле дома, где засела группа капитана Сиротина, остановился

ного дома, где бились спецы лейтенанта Яфарова, "духи" забрали шесть трупов и одиннадцать раненых. На направлении действий группы "Соболя" нашли еще восьмерых убитых. Какие потери были в глубине обороны бандитов, не известно. Но судя по выкрикам геллаевцев, которые доносились из радиостанции, наколошматили их там будь здоров.

Ближе к вечеру начался отход из Комсомольского всех участников спецоперации.

Отряд "Росич" оказался на самом трудном направлении. Боевики ждали спецназовцев на трех улицах, заранее оборудовав огневые позиции. Если бы лейтенант Яфаров со своими бойцами не принял на себя основной удар,

Бойцы засекли, откуда работал "дух", и пустили в ответ пять ВОГов. Гранатометчик заткнулся.

13.05. Идет корректировка огня. Бойцы отряда и собровцы обозначают свое местоположение ракетами и указывают дома, в которых засели боевики.

Начали бабахать танки. По радиостанции кто-то докладывает: снаряды ложатся хорошо. Но после нескольких залпов попросили больше не обстреливать — возросла вероятность поражения от осколков.

Мужики из орловского СОБРа, расположившиеся в соседнем доме, чуть не попали в ловушку. Слева от перекрестка обосновались боевики. Девять бойцов отправились на разведку. "Духи" подпусти-

бэтээр. "Назар" под прикрытием брони ведет человек двадцать чеченцев. Эти старейшины Комсомольского изъявили желание вести переговоры с боевиками об обмене ранеными и убитыми. Их сопровождает помощник командующего группировкой внутренних войск "Запад" по работе с местным населением.

17.10. Начался обмен. Командир выезжает на броне вперед — туда, где еще недавно гремели выстрелы. Нетрудно догадаться, какие чувства испытывает Игорь Семенов под прицелом "духовских" снайперов.

Раненых отправили на КП. Бэтээр пошел еще раз — теперь уже за "двухсотыми". После этого настал черед боевиков. Только из од-

проскочив в темпе третий перекресток, в огневой мешок угодила бы группа капитана Сиротина.

Вечером в палатке командира отряда подняли за них и всех павших братишек третий тост...

Некоторые фамилии изменены

Подготовил старший лейтенант Виктор БОЛТИКОВ

Фото из архива редакции

Третий — не лишний

На войну Андрей Ефимов первый раз попал в 1995 году. Закончив учебку в Омске, сержант Ефимов прибыл в 108-й воздушно-десантный полк, что дислоцируется в Новороссийске. Но надолго там задержаться не пришлось. В январе подразделение, в котором служил Андрей, было перебросено для выполнения боевых задач в пригород Грозного. Здесь и получил десантник боевое крещение.

27 января разведгруппе, в составе которой был и Андрей, поставили задачу: под покровом ночи выдвинуться в назначенный район города и организовать засаду.

— Ночью боевики еще больше активизировались, — вспоминает Андрей, — поэтому пройти скрытно было тяжело.

Заметив разведчиков, «духи» открыли огонь. Завязался бой. В этой мясорубке сержант проявил лучшие боевые качества, став примером для многих солдат в тот момент. Оценив обстановку, Андрей с несколькими бойцами занял выгодный огневой рубеж, тем самым сконцентрировал на себе все

внимание и огонь дудаевцев, и дал возможность своим боевым товарищам занять позиции. В том бою осколком «духовской» гранаты Ефимов был первый раз ранен. Его отправили вертушкой в Северный, а оттуда на самолете в Москву.

В то время действовал негласный закон — не отправлять бойцов, получивших ранения, в те войска, откуда они прибыли. Поэтому после операции и курса лечения в госпитале имени Вишневого Андрея откомандировали на поправку в танковый полк, что под Воронежем.

Отгуляв положенный отпуск, сержант принял решение: не место ему в танковом полку. И поехал он в свою родную часть. Там Андрей узнал, что за тот бой его представили к государственной награде. Дослужившись до старшего сержанта и став кавалером ордена Мужества, Ефимов уволился в запас.

Вернувшись домой, устроился на работу. Но вскоре понял, что гражданская жизнь не его доля.

В это время в Армавире фор-

мировался отряд специального назначения внутренних войск. Андрей заключил контракт Старшего сержанта, имеющего за плечами серьезную школу ВДВ, назначили заместителем командира разведзвезда. А спустя несколько месяцев его ждала очередная командировка на войну.

В сентябре 99-го отряд в полном составе перебросили в Дагестан, под Новолакское. 9 сентября командир отряда получил задачу: скрытно пройти через позиции боевиков и к утру следующего дня занять господствующую высоту 715,3 с ретранслятором. По плану командования, решение этой задачи имело важное значение для реализации замысла масштабной спецоперации.

Закрепившись на гребне, армавирцы должны были обеспечить огневую поддержку наступающим батальонам десантников и взаимодействующим с ними подразделениям внутренних войск.

— Мы готовились к операции, — вспоминает Андрей, — когда около десяти часов вечера по горе начала работать армейская авиация. Звено «крокодилов» обрабатывало зеленку. Но в самый последний момент произошла роковая случайность: одна из вертушек шарахнула весь свой боекомплект по своим... В считанные секунды один боец был убит, еще восемь получили ранения. Осколок прошелся и по берцу Андрея, хорошо, пальцы вовремя подогнул. Такой психологический напруг от пережитого шока не каждый выдержит. Но приказ есть приказ, и его никто не отменял. Около часа ночи отряд выдвинулся на заданный рубеж. В кромешной темноте спецназовцы старались двигаться как можно тише. Помог и начавшийся дождь, под шум которого удалось незаметно пройти по кукурузному полю. Без единого выстрела прошли по территории, занятой противником, и на рассвете стремительным броском овладели опорным пунктом бандитов у ретранслятора.

Полагая, что на холме закрепились мелкая группа разведчи-

ков, "духи" без особой опаски поперли в атаку с фронта. Спецназовцы встретили их градом свинца. Утащив несколько трупов, боевики убралась в зеленку. Но недолго длилось затишье. Перегруппировав свои силы, "духи" отошли на запасные позиции, что находились в 150 — 200 метрах от траншеи отряда, и атаковать в открытую больше не решались. Подавали голоса лишь "кукушки" боевиков, укрывшиеся в зеленке. На глазах Андрея "духовский" снайпер положил двух разведчиков. Дальнейшие события разворачивались по еще более трагическому сценарию.

— Ближе к обеду поступила команда оставить высоту, — рассказывает Андрей. — Боеприпасы у нас были на исходе, а подразделения, отвечающее за их подвоз, попало в засаду. Командир отряда, оценив обстановку, принял решение уходить по запасному маршруту, определенному еще в исходном районе.

Разбившись на группы по 5 — 7 человек, спецназовцы начали спускаться с кишашей боевиками высоты. В это время "неоценимую" помощь оказала наша авиация, в очередной раз обработав НУРСами своих и чужих. Под взрывами и осколками погибли восемь спецназовцев, около тридцати получили ранения.

— Пострадав от своих, мы то и дело наткались на "духовские" посты, — с горечью продолжает свой рассказ Андрей. — Боевики были вне себя от ярости, что проморгали нас ночью, и теперь упустить нас просто так не могли.

Осложнялась обстановка еще и тем, что в группе Ефимова были убитые и раненые. После воздушного налета и нескольких боестолкновений командиру взвода капитану Данилину осколком перебило вену на ноге, он потерял много крови. Сам Андрей получил несколько легких ранений и сильную контузию. Но он понимал, что для спасения капитана дорога каждая минута. Несколько километров старший сержант тащил командира на себе, где приходилось — и волоком, и все-таки вышел к базе отряда.

Спустя несколько часов в поле-

вом госпитале он вспоминал минувшие события как страшный сон и благодарил судьбу, что смог выбраться из этого ада.

Пролечившись в ставропольском госпитале, Андрей вернулся в отряд. Не заставил себя ждать и орден Мужества, которым наградили старшего сержанта за мужество и героизм, проявленные в бою и при спасении своего командира.

А в начале мая Ефимов со своей группой вновь убыл в Чечню.

На этот раз задачи перед отрядом стояли специфические. Необходимо было провести поисковые мероприятия в лесном массиве под Сержень-Юртом. Полтора месяца не вылезали из рейдов по горам спецназовцы.

В одном из таких рейдов отряд обнаружил законсервированную базу боевиков. Судя по радиоперехватам, где-то в этом районе должны были объединиться две банды "духов". В горах действует нехитрое правило: кто выше, тот и прав. На этот раз в выигрыше оказался спецназ. Однако банда боевиков значительно превосходила разведчиков по численности. В разгоревшемся бою четверо бойцов получили ранения, двое из них находились в тяжелом состоянии. Когда стало ясно, что вертушки за ранеными не будет, командир принял решение "трехсотых" доставить в пункт временной дислокации отряда своими силами. Для этого были выделены две группы: одна транспортирует раненых, вторая — обеспечивает их прикрытие. Командиром дозора был назначен старший сержант Ефимов.

— Моя группа шла первой. Преодолев полтора километра, мы спустились в русло реки. Необходимо было подняться на другой берег, но практически отвесный скат не позволял нам этого сделать. Пришлось двигаться по реке в поисках подходящего берега.

Через пару сотен метров к журчанию реки внезапно добавились раскаты пулеметной очереди, а спустя несколько секунд из зеленки на разведчиков обрушился настоящий шквал огня. Вскоре в русло полетели гранаты, разрываясь одна за другой. Один оско-

лок раздробил тазобедренную кость Андрея, а две пули вошли в ногу. Рядом упал раненый боец. Осколком зацепило командира взвода. На несколько минут ущелье наполнила тишина. Решив, что разведчики погибли, боевики успокоились. В это время командир взвода принялся отползать чуть вбок, чтобы занять удобный огневой рубеж и прикрыть группу с левого фланга. Моментально оценив обстановку, Андрей дал указание бойцу отползти назад и прикрыть правый фланг, а сам начал работать своей "бесшумкой". Несколько раз боевики предпринимали попытки взять спецназовцев в кольцо, но каждый выстрел старшего сержанта отбивал охоту у бородачей вылезать из своих укрытий.

Этот неравный бой длился в общей сложности почти пять часов. Поняв, что сопротивление разведчиков им не сломить, боевики ушли в горы. Раненые спецназовцы, собравшись с силами, продолжили свой путь и, преодолев хребет, успешно добрались до армейского ВОПа.

Когда Ефимов в очередной раз вернулся из госпиталя в родную часть, командир вызвал его к себе.

— Андрей, хватит тебе в сержантах ходить, пора и офицерские погоны примерить. В сентябре хочу направить тебя на учебу во Владикавказский институт. Возражения есть?

— Никак нет, — отчеканил сержант.

В скором времени в отряд вернулся новоиспеченный младший лейтенант. В феврале 2002 года Андрею присвоили очередное звание "лейтенант". В этом же году "молодой" офицер стал кавалером третьего ордена Мужества!

С начала июня лейтенант Андрей Ефимов находится в служебной командировке. Конечно же, в Чечне, на войне.

Некоторые фамилии изменены

**Старший лейтенант
Роман ДУРКАЧ**
Фото автора

В огороде солнце особенно сильно пекло. Обжигало спину сквозь разгрузник, бронезилет и куртку.

Несколько минут назад группа спецназа ворвалась в дом в одном из чеченских селений. По информации ФСБ, в доме находился боевик. Но его там не обнаружили. Только женщины кричали и ругались, пытались прогнать военных.

Рядовой-контрактник отряда специального назначения "Русь" Владимир Ефременко со снайперской винтовкой прикрывал работу группы с огорода. Дом располагался на возвышенности, и отсюда хорошо просматривались соседние участки. В оптику были видны встревоженные лица соседей в окнах, сухая, потрескавшаяся земля на заброшенных грядках. От умиротворяющих картинок мирной жизни и тягучей тишины в огороде клонило на сон.

Но Ефременко заметил, как трое мужчин убегают от дома, не подозревая, что за ними наблюдает снайпер. Был приказ брать бандитов живыми, и Владимир крикнул:

— Стой! Стрелять буду!

Он выстрелил. Под ногами бегущих пылью разлетелась земля. Боевики не оглядывались. Скрылись в разных домах. Ефременко проследил за ними в прицел и по радиосвязи сообщил об их передвижениях командиру. В эти дома тут же направились группы захвата.

Задержали влиятельного полевого командира и двух его помощников.

В это село спецназовцы вернулись через несколько дней для крупномасштабной спецоперации. С ними работали другие подразделения внутренних войск, милиционеры.

Лицу оцепили солдаты. Ими руководил молодой старлей. Ефремен-

ко показалось его лицо знакомым. Он подошел ближе, остановил одного из бойцов.

— Как фамилия вашего командира?

— Богачев.

— Константин? — уточнил Ефременко.

— Да.

Владимир подбежал к старлею.

— Ну что, Костян, старых друзей не узнаем?

— Володька?!

Они обнялись. Старые друзья, еще со Мценска, где жили и ходили вместе в школу.

— Как ты, что?

— Костя, сейчас нормальный разговор не получится. — Володя оглядывался, его несколько раз уже звали. — Приезжай к нам на базу в Ханкалу. У нас там баня. Попаримся, поговорим.

ПЛЕЧОМ

К ПЛЕЧУ

Дом за домом проходили селение. Еще несколько раз в течение дня Владимир видел друга. Но времени на разговоры не было.

В одном из домов в шкафу нашли военную форму с символикой службы безопасности республики Ичкерия. В сумках, обнаруженных здесь же, в комнате, лежали камуфляжи, ботинки — полные комплекты нового обмундирования.

— Чье это? — попытался командир группы у хозяйки.

— Не знаю. Ничего не знаю.

Осмотр дома продолжили.

На чердаке в куче хлама отыскали патроны к пистолету и охотничьему ружью, машинку для взрывателя, несколько детонаторов, огнепроводный шнур и милицейскую форму. Поиск не прекращался. Спецназовцы заметили, что несколько досок в полу отдирали и прибивали не один раз.

Под досками нашли с десяток упаковок шприцев, бинты, обезболивающее. Пачку фотографий с изображением "доблестных воинов ислама".

А хозяйка так ни в чем и не призналась. Даже не пыталась оправдаться, объяснить, откуда у нее в доме такие вещи.

Сухой жар и аромат распаренного березового листа плавал в парилке. Богачев отер ладонью смуглое лицо. Шея и лицо бронзовые, высушенные солнцем, а грудь и спина еще не успели загореть.

— Я не знал, что ты в "Руси" служишь. Слышал, что в другом отряде, в "Росиче", кажется, — говорил Костя. — Так рвался в спецназ и все-таки попал.

— Это, наверное, был самый счастливый день, когда я в Казачьи Лагери прибыл. Сразу в боевую группу на

два дня направили. На занятиях я еще, конечно, не присутствовал. Смотрел на все огромными глазами. А там было на что посмотреть. Потом учебка. Стал пулеметчиком.

— Так ты, наверное, на начало второй чеченской кампании попал? А я в это время Саратовское военное училище заканчивал...

— Уехал в командировку в сентябре 1999-го, а вернулся 12 апреля 2000-го, как раз перед своим днем рождения.

— Наверное, в самое пекло попал. — Это прозвучало не как вопрос. Расспрашивать, душу травить не хотелось. Будучи военным, Костя прекрасно знал, насколько тяжело рассказывать о войне, пусть даже другу.

С Костей можно было просто посидеть молча. Каждый думал о своем.

Володя опустил голову...

Слякоть и холод того дня он помнил даже слишком хорошо. Это был первый бой для многих в их группе. В засаду попала колонна, шедшая за водой в Алхан-Калу. АРСы с водой сопровождал БТР из "Росича". Двигались мимо Краснопартизанского, когда выбежали местные, начали кричать что-то, махать руками. Бойцы сквозь шум моторов не разбирали слов и продолжали движение.

Первый же выстрел из гранатомета поразил башню единственного в колонне БТРа. Пулемет сразу заклинило. Со стороны Краснопартизанского на колонну обрушился шквал огня. АРСы изрешетили из крупнокалиберного пулемета. Работали снайперы.

Те, кто находился в колонне, не знали, с каким зверьем они столкнулись, что шансов выжить практически ни у кого нет. Банда Бараева вырвалась из Грозного и проникла в Алхан-Калу ночью какими-то подземными ходами. Около двухсот головорезов. На каждого приходилось по два-три выстрела гранатомета и нечетное количество боеприпасов.

Расправились с русскими семьями. Во всем селе перебили собак, чтобы не лаяли. А утром устроили засаду на проходившую колонну...

Володя был среди тех, кто приехал на помощь. Оставшиеся в живых заняли круговую оборону и отстреливались. БТР горел — боевики подобрались к нему, залили внутрь солярку и подожгли.

Трое бойцов "Росича" погибли.

Воздух колыхался от пуль, как пчелиный рой, гудящий, светящийся в темноте. Спецназовцы давили огнем точки боевиков до вечера. Потом им дали приказ отходить. Из Грозного подтянулись войска, танки, авиация. И только на третий день ожесточенных боев штурмующие вошли в Краснопартизанское.

— Ну а как ты в "Русь"-то попал? — спросил Богачев.

— Отслужил в "Росиче" срочную. Хотел продолжать служить в спецназе, очень хотел и вот... как видишь... Серегу Ананьева помнишь? Мы же с ним вместе из Мценска. Он срочную в "Руси" проходил. А в 1999-м мы с ним в Моздоке встретились, вот как с тобой сейчас. С другими парнями из отряда я уже тогда познакомился — сейчас вместе служим. Я тебя с ними знакомил — Антон и Николай.

С Николаем Володя работал в паре в свою первую командировку в "Руси", в ноябре 2000 года.

Николай — пулеметчик, Владимир — снайпер. В одной из инженерных разведок на трассе Ханкала — Мескер-Юрт саперы головного дозора обнаружили фугас. Тут же в сторону колонны боевики из засады открыли беспорядочную пальбу. Бандиты рассчитывали, что удастся застать врасплох спецназовцев после взрыва. Не ожидали, что бойцы проявят бдительность.

Группа мгновенно развернулась, бойцы заняли позиции. Владимир одну за другой вскрывал цели, видел в ПСО огненные вспышки. А Николай из пулемета в щепки разносил укрепления бандитов, сокрушающими очередями он заставлял "чехов" перемещаться. Владимир выцеливал их во время таких перемещений и уничтожал. Николай выпустил за бой около двух тысяч патронов. Потом на место засады боевиков пошли штурмовые группы. Они нашли десять убитых "духов"... Бой кончился, и колонна продолжала движение...

— У нас ребята что надо! — сказал Владимир. — С ними хоть куда. И в "Росиче" у меня хорошие друзья были. Олег, Алексей — они на полгода раньше призывались. Эдик Матус — он снайпером был...

И опять Владимир умолк, будто споткнувшись об эту фамилию.

...Спецназовцы "Росича" преследовали банду Басаева по селениям Чечни. Басаев вырвался так же, как Бараев из Грозного.

Группу отряда подняли по тревоге, выдвинулись к Алхан-Кале, которую заняла банда. Прошли два квартала и наткнулись на жесткое сопротивление. КамАЗ спецназовцев "чехи" подорвали из гранатомета, погиб младший сержант Козлов, находившийся в этот момент в машине.

Воронежский и орловский СОБРы работали с "Росичем". С элеватора, к которому пыталась подобраться 4-я группа, на дальнее расстояние вели огонь чеченские снайперы. Боевиков было очень много, продвижение затруднялось. Авиация стала обрабатывать Алхан-Калу с другой стороны.

В домах спецназовцы находили брошенные трупы бандитов. "Чехи" оставляли убитых, чтобы местные по-

хоронили их, как своих "защитников".

Пришлось отступить на квартал. Теперь Алхан-Калу обрабатывала артиллерия по квадратам, до самого вечера. Ночью село заблокировали. Но бандиты с боем вырвались из оцепления, со стороны, противоположной позициям спецназовцев.

Поставили задачу преследовать банду. Зашли в Валерик. Вторая боевая группа, в которой был Ефременко, продвигалась по селу от дома к дому. Около одного из домов женщины кричали и шумели.

— Нельзя, нельзя заходить!

Объясняли как-то сумбурно. То ли свадьба, то ли похороны, но входить посторонним запрещено. Таков обычай. Но спецназовцы ворвались в дом. Тут же от взрыва гранаты повывлетали стекла. Один из троих боевиков, находившихся в доме, взорвал себя гранатой, двое других ушли огородами в сторону кладбища.

Басаев был где-то рядом, но ускользал каждый раз, когда кольцо окружения начинало сжиматься вокруг него слишком плотно.

Валерик осмотрели, дошли до окраины села, где протекала река. Маленькое, почти высохшее и замерзшее русло. По информации, Басаев должен был вернуться в Валерик через эту реку после осмотра села войсками.

Спецназовцы расположились по берегу. Ночевали прямо на снегу. Накладывали веток, забрались в спальники.

В темноте разведка боевиков вышла прямо на спецназовцев. В масках были почти неразличимы. Между ними только узкое русло реки и огненные дорожки пуль. Заработал пулемет бэтэра. "Чехи" дали несколько выстрелов из РПГ по БТРу. Осколком в плечо ранило солдата. Бой продолжался минут семь, а в темноте, под пулями казалось, что он длился несколько часов.

И время до рассвета тянулось и тянулось. Держала всех в напряжении темнота.

Утром спецназовцы перешли на ту сторону. На снегу краснели пятна крови. Своих раненых боевики тащили, по-видимому, волоком. Срезали с них рюкзаки — они валялись тут же. А в рюкзаках — пистолеты и береты с изображением волка на эмблеме.

Этих "волков" спецназовцы настигли в Катыр-Юрте. В село входили утром. Из одного дома выбежала пожилая женщина, увидев бойцов, успешно кинулась обратно. Спецназовцы ворвались следом во двор. Заметили, как в копну сена втягивается дуло автомата. Уничтожили бандита, только ключья высохшей травы полетели от пуль.

Прошли еще дома три, когда головной дозор встретил такое сопротивление, что отходил буквально

ползком под прикрытием своих. Пули летели над самой землей.

До вечера прошли всего несколько домов — село было переполнено боевиками. Спецназовцы отошли метров на пятьсот.

С наступлением темноты грохотала артиллерия. “Град” работал всю ночь. Несколько ракет легло между позициями омоновцев и спецназовцев, на поле. Смертоносный снап огня вздыбился над землей. И как только он опал — наступила тишина, такая же оглушающая, как взрыв. Через несколько секунд робкие голоса с другой стороны поля:

— Эй! Все живые?

А утром снова на штурм села. Боевики дали зайти как можно дальше и начали интенсивный обстрел.

Спецназовцы оборонялись из захваченных ими домов. Головной дозор отряда оказался метрах в пятидесяти от боевиков. Гранаты прилетали от “чехов”, и бойцы успевали выкинуть их обратно на позиции бандитов. Чтобы свои гранаты не вернулись, а взорвались там, куда их кидали, спецназовцы выдерживали кольцо и сразу отпускали рычаг.

Ефременко забежал вместе со своей группой в дом. Осмотрелись. Хотели сделать бойницы и поддерживать своих огнем отсюда. Но вдруг по одной из стен бандиты стали лупить из ДШК. Пули пробивали стену и еще некоторое время скакали по полу, как мыши.

Слева от дома тянулась глухая стена, в ней дверной проем, который простреливали снайперы “чехов”. Спецназовцы расположились вдоль стены. Сделали бойницы, из них вели огонь. Один из бойцов выбежал, чтобы поднести пулеметчику боеприпасы, но его ранило в ногу. Он упал как раз напротив этого дверного проема. Раненого бойца

втащили, протянув ему ремень автомата.

Следующий рейд с боеприпасами для пулеметчика делал рядовой Кунинев. Снайперская пуля пробила ему плечо около ключицы. Ефременко под пулями выбежал из укрытия, вытащил товарища с линии огня. Рядовой задыхался. Пытался говорить, а из пулевого отверстия лилась кровь. Володя достал свой перевязочный пакет, начал перевязывать, чтобы остановить кровотечение. Неподалеку от спецназовцев находились омоновцы, среди них оказался доктор, подбежал, помог. Рядовой остался жив.

А Эдуард Матус, друг Володи, шел с головным дозором. Забрался на чердак одного из домов и стрелял оттуда из снайперской винтовки.

Потом вдруг Матус выбежал к своим из-за сарая и закричал:

— Я убит!

— Молодец! — бойцы не разобрали его слов, подумали, что он убил бандита.

Но Эдуард упал. Бросились к нему, сняли с него броник. Пуля прошла чуть выше сердца. Его кололи промедолом, но было поздно...

Спецназовцы, зажатые перекрестным огнем в доме, никак не могли выбраться. Дима Окунев с гранатометом выбежал из укрытия, хотел выстрелить. Пули свистели вокруг него, пролетали мимо ног, рук — ни одна не попала. Но и выстрелить Окунев не смог. Его втащили обратно в дом. Потом, когда начали отходить, Окунев прикрывал своих из пулемета.

Олег стрелял со стороны огорода. Его ранило в обе ноги. Многие тогда были ранены. Их вытаскивали под пулями. Один боец бредил в шоке и твердил: “Я в него стреляю, а он кричит “Аллах акбар” и на меня”. Бандиты шли в бой, обколовшись наркотиками.

Снова вышли из села, и снова заработала артиллерия. Потом третий раз зашли в Катыр-Юрт. Находили трупы и раненых боевиков в домах. Негров, славян, чеченцев. Кого только не было среди наемников банды Басаева! Только сам Басаев опять успел уйти...

В той командировке рядового Ефременко были еще бои в Комсомольском, захваченном бандитами, были погибшие и раненые друзья. А после — медаль “За отвагу” и медаль ордена “За заслуги перед Отечеством” II степени с изображением мечей.

12 апреля 2000 года Владимир уволился в запас с твердым решением служить в спецназе по контракту. Дома побыть удалось недолго. Навестил мать, младшего брата Лешку, деда с бабушкой, а с сентября началась его служба в отряде “Русь” снайпером.

...Володя провожал Костю до ворот спецназовской базы.

— Ты приезжай еще, попаримся.

— Если получится, — улыбнулся Володя. — Я ведь служу в спецназе. Нынче здесь, а завтра там. На охоте...

Уже пятый год для Володи — сплошные дороги, казармы, война, кровь и пот, потери, досада от того, что ушел от возмездия бандит, или удовлетворение, если спецоперация удалась.

Но есть главное, что снимает усталость, вселяет надежду и дает силы — это то, что плечом к плечу в отряде друзья, на которых можно положиться во всем. До конца.

Ирина ДЕГТЯРЕВА
Фото из архива отряда

От редакции. Когда материал готовился к печати, стало известно, что рядовой В.Ефременко награжден медалью Суворова

ОГУРЦЫ ОТ МАРШАЛА СОКОЛОВА

Колонна прошла без выстрела

Ох и жарким выдался этот августовский денек! Даже для обласканных солнцем "югов". Наверное, в небесной канцелярии спутали Чечню со знойным Кувейтом, который собирался переплюнуть Дудаев, обещавший соплеменникам независимую райскую жизнь с горами нефтедолларов и верблюжьим молоком из водопроводных кранов.

— Передавали, до середины сентября будет такое пекло, придется потерпеть, командир, — по-кавказски тепло поприветствовав полковника Михаила Манкова, сказал глава администрации, седой чеченец с открытым добродушным лицом и пронзительными, чуточку насмешливыми глазами.

Глава соседнего поселка приехал на базу бригады внутренних войск, конечно, не только для того, чтобы засвидетельствовать почтение своему старому знакомцу, заместителю комбрига, и поговорить о погоде. Есть дела поважнее. Пока в районе орудут недобитые банды, мирную жизнь можно наладить только в тесном контакте с военными. А Манков, умеющий наводить мосты взаимного доверия, всегда рад оказать помощь местным руководителям. Особенно тем, кто правильно понимает ситуацию, поддерживает политику центра.

Гость бригады — именно из таких лидеров. "Наш человек на все сто. Настоящий друг. Не один пуд соли вместе съели", — сказал мне полковник, когда с КПП известили о прибытии представителя власти. И несмотря на то, что время для встречи не самое подходящее — шла напряженная работа по проводке колонны в предвидении боестолкновения, — Манков был готов порадеть своему товарищу. По-приятельски перешел на шуточный тон.

— Да и хрен с ней, с жарой! Мы ко всему привычные. Войну вон с тобой какой уже год терпим, а ты меня

прогнозами синоптиков пугаешь, — моргнул усом.

— Проблемы, Михаил? По глазам вижу...

— У меня легкая головная боль, а проблемы у "духов", — вытер со лба пот замкомбрига. — Ты же в курсе, мы тут свой хлеб едим не даром. На днях наши минометчики хорошо пошерстили моджахедов, показали, кто в доме хозяин. Враги — с ответным сюрпризом. По данным радиоперехвата, собираются установить два фугаса на дороге. Ждут колонну.

— Колонна через мое село пойдет? — спросил глава.

— Через твоё. Колеса и броня готовы. Скоро двинутся.

— Давай вот что сделаем, Миша. Я на своей машине поеду впереди, с дозором, чтобы...

— Никуда ты не поедешь, — перебил полковник. — Побережем твою умную голову. А за нас не беспокойся. Боевики не нападут, фугасы будут найдены и обезврежены. Я же старый "кавказец", предусмотрел все меры. Разведчики и саперы уже работают. В эфир пущена деза. А для страховочки — мой козырный ход. Знаешь какой?

— Догадываюсь. Ты у нас командир находчивый...

— Находчивый — в том смысле, что умею находить хороших друзей? — улыбнулся Манков.

— Нет, я серьезно. С тобой на войне не пропадешь. Не с чужих слов говорю.

— Правильно, лучше бальзам на сердце, чем соль на раны. Но ближе к делу. — Замкомбрига спрятал улыбку в усах. — Какая беда привела ко мне? Чем смогу — помогу.

— Беда может случиться у тебя, Михаил. Я ведь тоже владею информацией. С тем и приехал. Думаю, может, поддержка нужна?

— Вот за это спасибо. Твоя моральная поддержка да мой коронный ход — и мы в дамках. А случится осечка — применим силовой аргумент. Добавим жару, не предусмотренного синоптиками. Это я гарантирую. Мои артиллеристы — ювелиры, разведчики тоже не льком шиты — прикроют. Колонна пройдет полюбому...

Колонна под надежным прикрытием без выстрела прошла до пункта назначения. И к вечеру так же благополучно вернулась на базу. Превентивные меры полковника охладили пыл бандитов. Наверное, не последнюю роль сыграл и его козырный ход. Жаль, эту военную хитрость по понятным причинам раскрыть не могли, хотя достойна она отдельной статьи по проблемам тактики антитеррора.

"Где генерал Масхадов?"

Глава администрации, обняв на прощание Манкова, с легким сердцем уехал домой. У замкомбрига в глазах плясали веселые чертики, и я почувствовал, что настало время

раскрыть журналистский блокнот и попытаться полковника о боевых делах. Меня ждала удача. Под хорошее настроение Манков, не заставляя себя долго упрасивать, согласился, как говорил поэт, пройтись по волнам своей памяти.

— Тут ваш друг за командирскую находчивость плюс поставил, — сказал я с прозрачным намеком.

— Преувеличивает из вежливости. — Манков положил в нагрудный карман умолкшую рацию. — Обычная работа с элементами военной хитрости. Сама обстановка заставляет шевелить мозгами, искать нестандартные ходы. Будешь воевать по шаблону — госпожа удача помажет тебе ручкой. Напряжешь извилины — выкрутишься из любой ситуации.

Вспоминается один потрясающий эпизод, хоть кино снимай. Дело было в Грозном. Утром шестого августа 96-го года ехали мы на "уазике" с командиром дивизии генералом Григорием Петровичем Фоменко в двадцатый городок, на базу полка 101-й бригады. На соседних улицах гремела пальба, по всем признакам началась кровавая заваруха. И вот неподалеку от городка, у перекрестка, нарываемся на боевиков, вышедших из-за угла. Как говорится, нос к носу. Проскочить не успеем, изре-

шуются.

Хватаю автомат: "Всё, нам п....ц, товарищ генерал! Единственный шанс: видите, у обочины канавка, я туда запрыгну, огнем отвлеку "чехов", а вы разворачивайтесь — и ходу!" — "Спокойно, Михаил! — отвечает. — Оставайся на месте!" — с этими словами выходит из машины — и к "духам".

"Я генерал Фоменко, из штаба группировки. Где генерал Масхадов? У меня с ним здесь встреча назначена. Я уполномочен командованием вести переговоры". — "Нам ничего не известно, товарищ генерал", — растерялись боевики (тот, кто назвал нашего комдива по уставному, видимо, служил в армии, сработала привычка). — "Как это не известно?! — повысил голос Фоменко. — Я же лично с Асланом по рации договаривался. Он сам определил время и место, сказал, что предупредит своих людей на этом

предупредит своих людей на этом перекрестке, если задержится". Чеченцы удивленно переглядываются, пожимают плечами. А Григорий Петрович продолжает прессовать: "Кто у вас старший? Давай, командир, срочно выходи на связь с генералом Масхадовым. Как у вас там это дело налажено? Доложи: генерал Фоменко прибыл, ждет! Действуй, а мы пока перекурим в машине".

Старший, бородач, отошел в сторону, достал рацию, назвав свой позывной, быстро заговорил по-чеченски. Боевики окружили его, с любопытством прислушиваются. А Фоменко неторопливо вернулся к "уазу", мигнул солдатику-шоферу: пересядь. Сам поглядывает на "духов", всем своим видом показывает: настроен на долгое ожидание. А когда боевики чуток ослабили бдительность, комдив усаживается на сиденье шофера — мол, в ногах правды нет — и внезапно по газам! Стремительно разворачивается — водитель он классный — педаль до пола — и поминал как звали. "Духи" только рты разинули... Честно говоря, до сих пор не верю, что удалось нам вырваться. Боевики были матерые, не пацаны, а тут лажанулись, клюнули на удочку...

С открытым забралом

Да уж, про себя думаю, каких только чудес на войне не бывает, когда добра к военным госпожа удача...

Словно прочитав мои мысли, Манков сказал:

— Чаще всего везет тем, кто первым берет в руки инициативу. Этому меня учили головастые командиры и в Афганистане, и здесь, в Чечне. Идут ли масштабные боевые действия, проводим ли адресные мероприятия в относительно спокойной обстановке — важно навязать свои правила, активно влиять на события. Сейчас, к примеру, военным надо ближе сходить с простыми людьми, делать всё возможное для того, чтобы народ нам поверил. Время крутых мер прошло. Угрожать, демонстрируя силу, страшить селян репрессивными мерами за содействие боевикам бесполезно. Пустых угроз уже никто не боится, так авторитет свой только роняешь. Нужно искать точки соприкосновения на ос-

нове общих интересов. Вот об этом еще один эпизод.

Я долго думал, как наладить контакт со старейшинами "подопечного" села, сделать их своими союзниками. И решил идти на переговоры с открытым забралом, — продолжал полковник. — Назначил встречу и пошел в село один, без оружия. Сказал старикам: "Война всем надоела — и чеченцам, и федералам. Давайте восстанавливать мир общими усилиями. Чем быстрее покончим с бандитизмом, тем лучше для села, начнется нормальная жизнь. Будет с вашей стороны поддержка — в долгу не останусь".

Старейшины оценили жест доброй воли, согласились помочь. Дали обещание сделать всё, чтобы боевики в селе не появлялись. Слово сдержали. Поговорили в мечети с мужчинами, с молодежью, рассказали о договоре с командованием бригады — и воцарилась тишина. В свою очередь и я для сельчан подсуетился. Помог техникой при строительстве новой больницы. В день ее открытия привез продукты больным — муку, тушенку.

Несколько месяцев договор не нарушался, а в ноябре 2001 года обстановка вновь обострилась: подрывы, обстрелы. По своим каналам узнал: местная молодежь пошаливает. Опять пошел в народ. Каются передо мной: мол, пришлые боевики парней соблазняют, хорошо платят за диверсии. А куда деваться, если у людей нет денег, бедствуют без работы? "У вас же земля, — говорю, — простаивает. Выходите, работайте". — "На поля выходить опасно, — заявляют. — Боевики своими обстрелами провоцируют войска на ответный огонь. Прилетают вертолеты, бьют по зеленке, а поле рядом, осколки не разбирают, где мирный, а где бандит". — "Хорошо, — успокоил "подопечных", — бригада вас защитит. Моджахеды и близко не подойдут".

Во время сенокоса поставил бэтээры для прикрытия. Таким же способом в этом году помог посадить помидоры. Собрали чеченцы неплохой урожай, продали, появилась у людей копейка. И мне стало легче. Почувствовав поддержку, селяне сами предупреждали меня о появлении "духов". Вот и недавно

благодаря такому взаимодействию накрыли одну из банд.

Со слов местных жителей стало известно, что по руслу реки в сторону соседнего села прошла вооруженная группа численностью 18 человек. Мы быстро выставили в том районе несколько разведзасад. И в один прекрасный день разведчики часть этой бандгруппы уничтожили. Чтобы отвести подозрение от людей, давших ценную информацию, пошли на хитрость. Была проведена радиоигра, заставившая моджахедов повернуть на ложный след в поисках виновников провала.

Не скажу, что сейчас в селе полная идиллия, но перемены к лучшему налицо. Всё больше людей понимают: российские войска им не враги. А мы результатами боевой работы стараемся их покрепче убедить: не по дороге чеченцам с "духами", их карта бита. И не случайно удача на нашей стороне.

В награду за лихую атаку

Сделав паузу, Манков откупорил бутылку минеральной воды.

— Пейте волюю, жара проклятая достала. К слову, о жаре, минералке и кое о чем покрепче. По заказу прессы — история третья. Афганская. Это случилось в 83-м году. Я тогда командовал спецбатальоном Главного управления защиты революции, был такой орган при НДПА Афганистана. Назначили меня на эту должность с подачи соответствующих органов, учитывая то, что я свободно владею фарси.

Итак, в двадцатых числах сентября силами моего батальона и 20-го полка армии ДРА проводилась операция по уничтожению учебного центра "духов" в селении Дунгар, что в сорока километрах от города Лашкаргах. В этой школе готовили полевых командиров, пулеметчиков, диверсантов и прочих вредителей.

Неделей раньше осиное гнездо штурмовали наши десантники с царандоем, дошли до окраины, а дальше — никак. Там были мощные оборонительные сооружения, подземные ходы, траншеи, прочные глиняные дувалы. Вокруг зеленка. Так что душманы держали оборону плотно. Атаковавшие понесли потери, пришлось отступить. Под занавес поработал "Град", самолеты по-

бомбили, и на том дело кончилось.

Перед началом повторного штурма комбат десантников, мой друг, дал мне минометную батарею, были у меня еще три горные пушки, и с этой артиллерией батальон в полном составе выдвинулся из Лашкаргаха к Дунгару. Следом — афганский полк.

Начали наступление до рассвета, часа в три. К полудню успешно дошли до первых траншей. Последний рывок — и мы зацепимся, оттесним противника. Но на этом рубеже обороны моджахеды оказали ожесточенное сопротивление. Тут еще поступила информация о возможном подходе “духовского” резерва. Нам приказ — отступить. Оно и верно, застрянем до ночи — батальону не поздоровится. Дал команду на отход. Не тут-то было. С земли не подняться: плотный прицельный огонь, привстанешь, покажешь врагу спину — каюк. Появились потери.

Выход один — любой ценой прорваться к первой траншее, до нее буквально рукой подать, выбить оттуда душманов и закрепиться на ночь, нацелив артиллерию в глубину обороны противника. Попытался поднять бойцов. Куда там! Лечат за укрытиями мои сарбозы, никакими силами их оттуда не вытащишь, под пулями боевой запал иссяк. Все же поднял свое войско. Чего мне это стоило, знаю только я. Одно слово — поднял по-русски!

А пошли дружно в атаку — деваться некуда. Вперед... т-твою дивизию! Пан или пропал! “Духи” не выдержали отчаянного натиска. Отступили. А мы, понеся незначительные потери, прочно закрепились на первом рубеже обороны. Это нас спасло.

Бойцы воспрянули духом. Утром совместно с 20-м полком, наступая с флангов и с фронта, при поддержке артиллерии задавили моджахедов. У них было навалом убитых и раненых, многие сдались в плен. Так раскололи этот крепкий орешек.

Через некоторое время приезжает в Лашкаргах маршал Сергей Леонидович Соколов, тогда он был первым заместителем министра обороны. Как положено, со свитой, афганскими генералами. Сопровождал маршала брат Бабрака Кармаля, Баргелай. Гости приехали в батальон, посмотрели расположение, ком-

нату истории и боевой славы. Возложили цветы к памятнику погибшим. В завершение официальной части — доклад: обстановка, наши задачи, планируемая операция. Я начал по науке, как учили. Маршал прерывает: “Сынок, ты мне по боевому уставу не рассказывай. Кратко обрисуй, где противник, чем он занимается и что ты собираешься делать, какое у тебя решение”. Сжато доложил, как было велено. Соколов дал добро, поставив на этом точку.

Потом пригласил гостей на обед. Мои повара расстарались, блеснули кулинарным мастерством: стол ломился от традиционных афганских закусок. Под закуску стояли только бутылки с боржомом. Я не знал, как относится маршал к выпивке во фронтовых условиях, поэтому решил не рисковать. А замполит мне говорит: “Предложи высоким гостям из “наркомовских”, что нам выдают” (а выдавали по бутылке водки и бутылке коньяка на офицера). Поскольку крепких напитков не употребляю, хранил их для разных торжественных случаев.

А как предложить? Я капитаном был — страшно вато, вдруг конфузия выйдет. Замполит не отстает: “Предложи, командир. Нужно так”. У меня от волнения аж в горле пересохло. Мысленно себе советую: начни-ка издали, с “психологического” обеспечения “операции”. Открываю запотевшие бутылки: “У нас жара, товарищ Маршал Советского Союза, минералкой спасаемся. Вот, холодная...”. Попили боржом. Я осмелел, была, думаю, не была. Осторожно говорю Соколову: “Может быть, чего-нибудь покрепче? Нам тут “наркомовские” выдают”. Гости оживились. Маршал — с напускной строгостью: “Какие “наркомовские”? Ну-ка неси, посмотрим, что там у тебя за “наркомовские”. Я достал коньяк из своих запасов, разлил по рюмкам, маршал поднял тост за советско-афганское боевое содружество. Выпили. Закусив, спрашивает: “У тебя что, больше нет? Надо еще тост произнести”. — “Есть, водка”. — “Тогда вторую!” Я по второй налил. Соколов произнес тост в честь Баргелая Кармаля. Потом — третий. И так далее...

За обедом у меня страх окончательно прошел. И когда повели разговор о боевых действиях, я расска-

зал, как мы отчаянно, по-русски взяли штурмом учебный центр. Сошло нормально.

Соколов остался доволен. На прощание спросил: “Ну что, капитан, с вашей афганской кухней соскучился, наверное, по домашним разносолам?” — “Так точно, товарищ маршал”. — “А моя жена, — говорит, — большой специалист по этой части. Пришлю тебе ее фирменные огурцы”.

Конечно, я всерьез его обещание не воспринял. В круговерти забот и думать об этом забыл.

Через неделю вызывают меня на аэродром. Срочно! Приезжаю туда. Летчики шумят: “Мы тебя давно ждем. Где ты застрял?” — “А что такое?” — “Да вот, от маршала Соколова посылка тебе”. И выносят из салона деревянный ящик: “Держи! Приказано передать лично в руки”. Открываю и не верю своим глазам: в ящике четыре банки маринованных огурцов.

Я маршальский гостинец до Нового года не трогал. За праздничным столом, в кругу офицеров, открыл. Как бы в награду за ту лихую атаку. Огурцы действительно были отменные!

— Вот такая история, — закончил рассказ полковник Манков. — Однако пора на ужин. Рад бы угостить прессу домашними огурчиками. Но чего нет, того нет. Зато есть арбуз, на десерт. А к нему предлагаю... холодную минералку, завтра тоже будет очень жаркий день...

Полковник Юрий КИСЛЫЙ

Фото автора

ВОЙНА

сиротский СТРОГО

За полночь сводная рота прибыла с ночных учебных стрельб. В казарме еще раз проверили наличие людей, сдали оружие. Промокшее обмундирование в сушилку — и спать. На следующий день им снова предстояло месить на полигоне снежно-грязевую кашу из-за начавшейся оттепели, а вечером, когда мороз усиливался, в коротких перерывах между полевыми занятиями сбивать с обуви тонкую ледяную корку...

Январь в этом году не всегда походил на зимний месяц, будто с весной заигрывал. Температура прыгала то вверх, то вниз. Не беда, считали опытные офицеры, погода точно, как в Чечне, и у солдат появилась возможность быстрее к ней привыкнуть. Один

из скачков погоды пришлось на время проведения первого десятидневного сбора по боевому слаживанию подразделений Московского округа внутренних войск, убывающих на замену в Северо-Кавказский регион.

На подведении итогов в прошлом году уровень подготовленности военнослужащих округа к действиям в СКР признали недостаточным. Поэтому командующий войсками МО ВВ генерал-полковник Евгений Баряев решил ежемесячно проводить контрольно-подготовительный этап для подчиненных, убывающих на Северный Кавказ, на базе софринской бригады оперативного назначения.

Как и прежде, после отбора в частях военнослужащие прохо-

дили пятнадцатидневные сборы в своих соединениях. С января всех кандидатов стали собирать на десять дней в Софрино. Тогда для обучения и проведения контрольных занятий сюда прибыла целевая группа офицеров окружного управления во главе с командующим. В дальнейшем такую группу организовывали каждый раз. Руководил ею один из заместителей командующего.

Итоги первого сбора подтвердили правильность принятого решения. Все сводные подразделения получили оценку "удовлетворительно". При этом выяснилось, что командиры соединений перепоручили подготовку замены командирам частей и не организовали необходимый в таких случаях контроль за обуче-

нием. В трех частях перед отправкой в район проведения контртеррористической операции солдаты стреляли по... одному разу. Были случаи, когда не учитывали состояние здоровья кандидатов, их морально-психологические и профессиональные качества, военные специальности.

По результатам психологического тестирования и оценкам морально-деловых качеств не допущены к выполнению служебно-боевых задач в СКР 6 процентов военнослужащих, прибывших на сбор.

Казалось, что иные командиры просто избавились от своих подчиненных, не обеспечив их всем необходимым.

Недостатки отметил в приказе генерал-полковник Евгений Баряев. В нем он строго указал командирам некоторых соединений на упущения в руководстве подготовкой личного состава для замены, трем командирам частей объявил выговор. Кстати, с тех пор на строевых смотрах участников сборов обязательно присутствуют представители различных служб, чтобы скорее устранять обнаруженные недостатки.

Строгие меры подтвердили, что окружное командование не намерено мириться с недоработками и менять выбранную методику подготовки. Тем более что на сегодняшний день она является наиболее оптимальной.

Повышенный контроль в Софрино встряхнул командиров частей. Они стали уделять больше внимания повышению качества подготовки подчиненных. На следующих пятнадцатидневных сборах в соединениях с военнослужащими провели 5 — 6 стрельб.

За время сборов, интенсивно работая по десять часов в сутки, прибывшие становятся хорошо обученными военному ремеслу солдатами. Программа очень насыщенная. Занятия по огневой, тактической, физической и специальной подготовке, вождение боевой и автомобильной техники. В январе провели 18 стрельб из автоматов и пулеметов (6 из них в ночное время). На каждого военнослужащего было израсходовано около 2000 патронов. Это не считая специальных занятий с гранатометчиками, снайперами, наводчиками пулеметов БТРов и наводчиками-операторами БМП. В некоторые дни военнослужащие по пять раз выходили на огневой рубеж. Столько же раз они выполняли упражнения по учебному и боевому гранатометанию. В дальнейшем из автоматов стреляли по 24 — 25 раз.

Вначале "неудов" оказывается полно, особенно за стрельбу ночью. Разбираются по каждой двойке. Офицеры — руководители занятий и проверяющие объясняют отстающим правила стрельбы. Если снова не получается, учат в тире, как пристре-

лять оружие. На итоговых контрольно-проверочных занятиях ночью все военнослужащие стреляют не ниже чем на четверку, днем — более 90 процентов оценок "отлично".

При планировании подготовки постоянно учитывается опыт ведения боевых действий. Так, в марте на Северном Кавказе увеличилось количество подрывов на маршрутах движения колонн. В расписание занятий дополнительно ввели три часа для подробного изучения действий личного состава в инженерно-разведывательном дозоре и показного занятия по прикрытию ИРД подразделением оперативного назначения. Проводили их офицеры инженерной службы округа и инженеры бригады. Эту тему до сих пор учитывают при планировании. Особое внимание уделяется подготовке по военным специальностям. Выделяется два учебных дня, во время которых начальники различных служб округа проводят занятия и тренировки по своим дисциплинам.

В апреле из кавказской командировки вернулся заместитель командующего войсками МО ВВ по боевой подготовке полковник Юрий Бабкин. Он привез брошюру с методическими разработками по подготовке войск группировки на основе ведения боевых действий. Опыт стали использовать при планировании следующих сборов. Брошюру размножили. Теперь ее и другую необходимую методическую литературу дают всем командирам взводов и рот, которые убывают в СКР.

Перед подготовкой майских сборов пришли к выводу, что необходимо изменить планирование. В новом расписании постарались добиться комплексного обучения и эффективнее использовать существующие возможности. К примеру, на десять дней обязательно приходится суббота и воскресенье. В эти дни стрелять на полигоне запрещено. Однако в субботу до обеда можно метать учебные гранаты. Но несколько сотен человек не могут делать это одновременно. Хочешь не хочешь кому-то приходится ждать своей очереди. Поэтому решили рядом с полями

для учебного гранатометания подготовить места для занятий по тактике и физподготовке. По мере выполнения упражнений группы меняют друг друга.

Правда, от высокой интенсивности занятий иные солдаты валились с ног, однако никто не жаловался. Офицеры отдела боевой подготовки округа отметили, что с каждым днем росло взаимопонимание с командирами. Им дали возможность заниматься тем, ради чего многие мечтали служить в армии, проявили внимание и заботу.

Современных солдат нередко называют «поколением пепси». Мол, потерянное поколение — ничего не умеют и не хотят. По мнению заместителя начальника отдела боевой подготовки МО ВВ полковника Сергея Максимова, это лишь удобная отговорка для тех, кто ничего не хочет делать. Молодежь надо учить, а результат зависит от того, с каким отношением к работе это делать.

Действительно, нынешние

солдаты отличаются от тех, кто приходил служить лет двадцать назад. К примеру, на сборах в Софрино за полгода не допустили к выполнению служебно-боевых задач в СКР более восьмидесяти человек. Одних по морально-деловым качествам, другие не прошли психологическое тестирование, некоторые откровенно отказались ехать на войну. В соединениях на предварительном этапе отбирают людей в два раза больше необходимого количества, так как практика показала, что только половина из них будет допущена к дальнейшей

подготовке.

Но намного больше солдат, даже из числа не прошедших по конкурсу, просят, чтобы их отправили в стреляющий регион. Поэтому на освободившееся место найти человека не трудно.

Военнослужащих для замены начинают готовить по заявке, которую составляют в штабе группировки. В ней указывают, сколько человек будет необходимо по каждой военной специальности через месяц-полтора. Но то ли жизнь вносит коррективы, то ли отдельные должностные лица не всегда добросовестно относятся к прогнозированию — в общем, после первой же проверки выяснилось, что не всех военнослужащих назначают служить на должности, к которым их готовили в округе.

По каждому полковник Сергей Максимов ведет специальный учет. Ежемесячно в группировку выезжает целевая группа для контроля замены. Как правило, её возглавляет первый за-

меститель командующего войсками округа генерал-лейтенант Владимир Манюта. Офицеры группы ездят по частям и выборочно проверяют, на какие должности назначены их бывшие подчиненные. Если обнаруживают несоответствие, вопрос решают с должностными лицами командования воинских частей и подразделений.

Дело в том, что на подготовку военнослужащих затрачивают большие средства. К примеру, каждый гранатометчик РПГ-7 на сборах в Софрино только боевыми гранатами стреляет от трех до шести раз. Каждая из них стоит 3,5 тысячи рублей. А десятки тысяч патронов к автоматам (в среднем по тысяче на каждого участника), сотни ручных гранат. И это лишь часть того, что расходуется за эти дни. Так что десятидневные сборы влетают в копеечку. Естественно, нецелесообразно, когда значительные средства, потраченные на подготовку военных специалистов, оказываются напрасными и солдат не занимается тем, чему его научили.

Опыт доказывает, что эти расходы оправданы сохраненными жизнями военнослужащих, у них вместе с умением появляется и уверенность в собственных силах. Если с января по июль 2001 года на Северном Кавказе погибли семь человек (в тот год людей готовили только в воинских частях и соединениях), то этот же период нынешнего года прошел без потерь. После начала обучения через эту школу прошли почти две тысячи военнослужащих.

В августе командующий войсками МО ВВ издал приказ о результатах очередного сбора в Софрино. Важно, что изменилось отношение людей к начатому делу. С командиров срединений и частей сняли взыскания, которые командующий объявил своим строгим февральским приказом. Однако существуют и недостатки. Их продолжают устранять. Ведь война спрашивает строго за любой брак в работе.

Подполковник Игорь БЫСЕНКОВ
Фото из архива редакции

22 июля был принят указ Президента Российской Федерации № 770, касающийся совершенствования порядка обеспечения жильем военнослужащих и некоторых других категорий граждан. Сам указ короток и говорит о том, что приоритетной формой бюджетного финансирования расходов на обеспечение жильем подлежащих увольнению военнослужащих и граждан, уволенных с военной службы, и членов семей военнослужащих, погибших (умерших) в период прохождения военной службы, и членов семей граждан, проходивших военную службу по контракту и погибших (умерших) после увольнения с военной службы, которые нуждаются в улучшении жилищных условий, а также граждан, подлежащих переселению из закрытых военных городков, является выпуск и погашение государственных жилищных сертификатов.

И во внутренних войсках немало тех, кто уже воспользовался возможностью решить свою жилищную проблему с помощью государственного жилищного сертификата, немало и тех, кто, собираясь увольняться в запас, решил принять участие в программе, срок действия которой продлен на 2003 год.

Мы уже писали и об увеличении срока действия сертификатов (с шести до девяти месяцев), о полной оплате стоимости квартиры для всех категорий участников программы, появившемся праве на дополнительную жилую площадь для некоторых категорий ее участников. Цены на жилье в России постоянно растут, и ежеквартально Госстрой России проводит их индексацию, подгоняя стоимость квадратного метра жилья по жилищным сертификатам по всем субъектам Российской Федерации к его рыночной стоимости. Так, в третьем квартале до 10030 рублей повышена стоимость квадратного метра для расчета субсидий и ссуд по Московской области. Изменения коснулись и многих других регионов. В списке есть даже Чеченская республика (7370 рублей за кв. метр).

Правила выпуска и погашения жилищных сертификатов разработаны так, чтобы максимально обезопасить от возможных афер участников программы. И все же при его использовании следует придерживаться определенных правил, о которых и пойдет речь сегодня.

ШЕСТЬ ШАГОВ К СОБСТВЕННОЙ КВАРТИРЕ

Сертификат получен. Что делать дальше? Куда обращаться? Мы попытались расписать алгоритм действий владельцев сертификатов.

1. Перед выездом в населенный пункт, где планируется покупка квартиры по жилищному сертификату, обратитесь в ближайший к вам филиал Военно-страховой компании, где вам помогут подобрать документы, необходимые для оформления квартиры в собственность, и посоветуют, кто может оказать помощь на месте. В каждом субъекте РФ работают филиалы ВСК, поэтому по приезде на место вы можете обратиться в филиал, и вам помогут в выборе риэлторской или строительной фирмы, добросовестно работающей на рынке жилья.

2. В любом отделении Сберегательного банка региона, на который выписан ГЖС, необходимо открыть блокированный лицевой счет на свое имя, сдав при этом подлинник жилищного сер-

тификата. На руках должны остаться нотариально заверенная копия сертификата и письменный договор с отделением банка об открытии лицевого счета.

3. Если вы действуете через риэлторскую фирму, заключите договор на подбор квартиры, оговорив при этом свои требования (район, метраж, сроки покупки, ориентировочную стоимость квартиры и т. д.). Потребуйте гарантий, что фирма не только будет осуществлять поиск нужного вам жилья, но и проверит чистоту сделки (квартиры), а также по вашему желанию юридически оформит договор купли-продажи.

4. Используя предоставленную риэлтором базу, приступайте к осмотру и выбору подходящего жилья. Риэлтор, в свою очередь, должен проверить выбранное вами жилье на чистоту (правильность перехода всех прав собственности всех предыдущих владельцев жилья, все ли лица выписаны из квартиры, в порядке ли документы по приватизации жилища, имеется ли справ-

ка из БТИ и т. д.), а также составить письменный договор купли-продажи.

5. Договор приобретения жилья должен быть в обязательном порядке зарегистрирован в Регистрационной палате. После проверки пакета документов Регистрационной палатой необходимо сдать в Сбербанк оригинал договора купли-продажи для осуществления оплаты продавцу.

6. После поступления денег на счет продавца необходимо вместе с ним написать заявление на оформление собственности на всех членов семьи участника Программы ГЖС. К нему должны быть приложены передаточный акт, договор купли-продажи. Теперь можно получать ключи от квартиры, а также зарегистрированные в Регистрационной палате договор купли-продажи, передаточный акт и свидетельство о собственности на каждого члена семьи (весь пакет нужно будет потом зарегистрировать в БТИ).

С новосельем!

ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ

“Уважаемая редакция! Собираюсь получить жилищный сертификат и поселиться в одном из городов Центральной России.

Времени заниматься самому в отпуске этим вопросом у меня будет немного. Может, подскажите, кто может мне помочь на месте: посоветовать, как действовать, предложить приемлемые варианты покупки квартиры?

Капитан В.Ковалев

Сейчас во многих регионах работают представители генерального управляющего федеральной целевой программой “Государственные жилищные сертификаты”. Как правило, располагаются они на базе филиалов Страхового дома ВСК. Среди многих других задач, которые решают представители, есть и пункт об оказании информационно-консультативной помощи владельцам сертификатов в поиске жилья. Сейчас прорабатывается вопрос о создании единого банка данных о жилье по регионам России. Так что вы можете обратиться в городе, который вы избрали для себя местом нового жительства, к такому представителю генуправляющего. Ниже мы публикуем их адреса и телефоны.

№ п/п	Филиалы ВСК в регионах	Адреса филиалов ВСК (представительств)	ФИО представителей	Телефон
1.	Белгородская обл.	308600, г.Белгород, ул.Попова, д.20, оф.218, а/я 130	Голованчук Сергей Александрович	т/ф(0722)32-00-84
2.	Владимирская обл.	600022, г.Владимир, ул. Чапаева, 5	Левандовский Аркадий Александрович	(0932)29-57-83 (0932)23-59-36
3.	Ивановская обл.	153000, г.Иваново, площадь Революции, д. 2		
4.	Ярославская обл.	150040, г.Ярославль, ул.Свердлова, д.3	Мишанов Сергей Викторович	(0942)39-45-07
5.	Костромская обл.	156000, г.Кострома, ул.Ленина, д. 10, оф.55; г.Кострома, пр-т Мира, д.73, к.7		
6.	Воронежская обл.	349018, г.Воронеж, ул.Никитинская, д.42 г.Воронеж, пл.Ленина, д.8, к.534	Скиданов Иван Тихонович	(0732)52-02-04 (0732)52-54-53
7.	Тамбовская обл.	г.Тамбов, ул.Интернациональная, д.16-б	Бедрин Николай Яковлевич	(0752)72-90-20
8.	Липецкая обл.	398043, г.Липецк, ул.Горького, д.10	Губин Николай Иванович	(0742)74-06-96
9.	Калининградская обл.	236000, г.Калининград, ул.Кирова, д.24 г.Калининград, ул.Кирова, д.7	Попов Андрей Витальевич	т/ф(0112)54-12-08 (0112)51-62-31 (0112)55-33-01
10.	Санкт-Петербург	г.Санкт-Петербург, ул.Верейская, д. 9	Жуков Владимир Юрьевич	(812)275-03-20
11.	Ленинградская обл.		Герасимов Дмитрий Викторович	д/ф(812)709-12-09 моб(812)935-39-22
12.	Волгоградская обл.	400012, г.Волгоград, ул.Рокоссовского, д.41	Рудов Владимир Алексеевич	(8442)37-75-02 т/ф(8442)37-94-72
13.	Самарская обл.	443010, г.Самара, ул.Куйбышева, д.145, оф.606 г.Самара, ул. Садовая, д.280	Богатов Павел Александрович	(8462)32-20-47 т/ф(8462)33-30-27
14.	Саратовская обл.	410012, г.Саратов, ул.Кутякова, д.138-б	Храмцов Александр Николаевич	(8452)73-65-29 (8452)73-65-30 т/ф(8452)73-67-22
15.	Приволжский ФО	443041, г.Самара, ул.Братьев Коростелёвых, д.79, кв.85	Морозов Евгений Александрович	(8462)33-26-85
16.	Краснодарский край	350015, г.Краснодар, ул.Хакурате, д.12 350000, г.Краснодар, ул.Ленина, д.51	Полторанин Сергей Леонидович	(8612)62-14-09
17.	Ростовская обл.	344006, г.Ростов-на-Дону, ул.Пушкинская, д.140, оф.109	Подтопта Анатолий Николаевич	(8632)65-40-25
18.	Ставропольский край	355000, г.Ставрополь, ул.Коминтерна, д.12	Машкин Сергей Сергеевич	87922-7-18-03 (8652)47-49-63
19.	Иркутская обл.	664003, г.Иркутск, ул.К.Маркса, д.47, оф.19	Драгунов Валерий Эрикович	(3952)34-17-34
20.	Дальневосточный ФО	690007, г.Владивосток, ул.Алеутская, д.11, к.601-3	Стрижак Владимир Алексеевич	(4232)49-75-61

Информацию по всем интересующим вопросам участия в президентской программе “Государственные жилищные сертификаты” можно получить по “горячей линии” в приемной генерального управляющего по “Государственным жилищным сертификатам” (095) 926-45-98

Письменные обращения направлять в Объединенную дирекцию по реализации федеральных инвестиционных программ Госстроя России по адресу: 117987, ГСП-1, Москва, ул. Строителей, д.8, корп.2.

Генерал армии Анатолий КУЛИКОВ

ТЯЖЕЛЫЕ ЗВЕЗДЫ

Отрывки из книги

Окончание. Нач. в № 4, 6, 7, 8.

Как это всегда бывает на войне, кто-то из наших военнослужащих время от времени попадал к боевикам в плен. В бою это случалось чрезвычайно редко. Раненых, контуженых бойцов их товарищи выносили из-под огня, даже рискуя собственной жизнью, и немедленно, как только представлялась возможность, отправляли в тыл, туда, где им могла быть оказана квалифицированная медицинская помощь. Но, даже оказавшись в меньшинстве — это случается, когда бой принимает разведгруппа или небольшое подразделение солдат, действующее в отрыве от основных сил, — российские солдаты демонстрировали стойкость и редко сдавались в плен по собственной воле.

Во-первых, стойкость у нас в крови. Мне известны случаи, когда, не желая сдаваться в плен в безвыходной ситуации, солдаты и офицеры намеренно подрывали себя последней гранатой или по радио вызывали на себя огонь своих батарей. Во-вторых, многие выбирали смерть, чтобы не подвергнуться мучениям и издевательствам боевиков из НВФ. Часто они заканчивались казнью. Иногда настолько жуткой, что далеко не каждый прокурор или следователь мог досмотреть до конца трофейную видеокассету или стопку фотографий, на которых была запечатлена эта казнь. Чеченские боевики имели обыкновение снимать на видеокамеру расправы над пленными. Отрезали головы, жгли живьем, сдирали кожу, сажали на кол. В ходе специальных операций такие страшные видеоматериалы нам иногда попадали в руки, и мы были вынуждены знакомиться с ними, чтобы узнать судьбу наших пропавших без вести во-

еннослужащих или для того, чтобы провести розыск палачей. Некоторые из них даже не считали необходимым прятать свои лица под масками. Так был разоблачен один из бандитов — некий Темирбулатов, по кличке Тракторист.

И все же основная часть оказавшихся в плену военнослужащих попала в него по неосторожности. Кто-то отстал в пути, кто-то отправился в чеченское село за продуктами, кто-то — на поиски приключений.

В плену можно было и выжить, если пленного сохраняли для обмена на задержанных боевиков и до поры до времени использовали на тяжелых работах.

Меня поразил один удивительный случай, который произошел с группой солдат из внутренних войск, поневоле оказавшихся в лагере одной из банд. Пятеро из них попали в плен после того, как в бою закончились боеприпасы (помощь, к сожалению, опоздала), двое пошли в чеченское село знакомиться с местным населением, а еще одного — несшего службу на блокпосту — чеченцы прихватили, можно сказать, за здорово живешь: он ночью вступил в дружеские разговоры с пассажирами проезжавшей мимо блокпоста легковой машины.

Вот так, совершенно по разным причинам и в разное время, оказались в плену у боевиков сержант Илшат Кабулов, ефрейторы Павел Иванов, Сергей Шиннов, Федор Петелин и рядовые Николай Камольский, Александр Холод, Андрей Кошкарев, Александр Скаченко.

Их приберегли для торга. Либо для обмена, либо для рабской работы (в Ичкерии времен Дудаева, Яндарбиева и Масхадова работоторговля велась совершенно легально).

Но, даже оказавшись в плену, сержант и солдаты не пали духом. В один из дней, воспользовавшись ситуацией, сначала Федор Петелин, а затем и Ильшат Кабулов захватили оружие боевиков и в коротком бою уничтожили восемь бандитов.

Вооружившись трофейными автоматами, гранатометом и ручным пулеметом, восьмерка отважных солдат пошла на прорыв и невредимой скрылась в лесу. Им удалось уйти от погони и выбраться к блокпосту федеральных войск.

Разными бывали ситуации, и далеко не всем военнослужащим, попавшим в неволю, удалось выжить и победить, как этим ребятам, но ясно, что какой бы сложной ни оказалась жизненная ситуация — нельзя опускать руки, нельзя впадать в грех отчаяния!

Внутренние войска вели и будут вести поиск каждого пропавшего без вести на этой войне. Он не окончится до тех пор, пока живые не обретут свободу, пока не будут установлены судьбы всех, кого мы считаем погибшими.

Боевики, понимавшие силу вовремя сказанного пропагандистского слова, в своих сообщениях и интервью многократно поминали нам явные и мнимые преступления военнослужащих. В их интерпретации это звучало довольно убедительно: в России и за рубежом уже говорили о полном разложении армейского контингента в Чечне. Самым обескураживающим примером, который приводился мятежниками в доказательство, был тот, где утверждалось, что боевую технику, оружие и боеприпасы они восполняли с помощью продажных офицеров. Я считаю, что подобное предательство своих боевых товарищей — это самая последняя подлость, на которую может быть способен военный человек.

Зачастую такие утверждения дудаевцев были обыкновенной пропагандой. Но милицейская агентура, внедренная в банды боевиков, тем не менее отслеживала факты утечки оружия и боеприпасов с армейских складов. Однажды я получил подтверждение от оперативников Северо-Кавказского регионального управления по борьбе с организованной преступностью, что группа офицеров и прапорщиков из Красно-

дара готова продать партию ворованных боеприпасов.

Я дал соответствующую команду, и наши оперативные работники, среди которых немало этнических кавказцев, под видом чеченских боевиков провели операцию и за двадцать миллионов рублей, которые в то время были эквивалентны примерно четырем тысячам долларов, купили целый КамАЗ боеприпасов. Четверо военнослужащих, среди которых были офицеры и прапорщики, при этом были задержаны с поличным.

Что значит «купили»? Это была оперативная разработка — часто практикующийся прием, когда внедренный в преступную группу агент не провоцирует преступление, а вступает в игру только тогда, когда знает наверняка: оружие и боеприпасы уже украдены или могут быть похищены в любой момент. То есть разыскивается только покупатель...

Тогда агент выступает в качестве посредника или покупателя и предлагает за этот товар приличные деньги. Для этих целей в МВД существует специальный фонд, а министр имеет право выделять деньги для проведения подобных операций. Как правило, все они возвращаются в целости и сохранности, потому что оперативники не разбрасываются казенными деньгами. Показывают пачку долларов и дают задаток: «Вот тебе пять тысяч. Остальные пятнадцать получишь, когда оружие будет на месте...» В этом бизнесе железные правила, и продавец принимает разумные условия сделки: «Хорошо!» Редко бывало, чтобы деньги, выплаченные авансом, успевали уйти безвозвратно.

Но иногда и за расходами мы не стояли, чтобы вывить цепочки, по которым оружие и наркотики попадали к преступникам: покупали десятки автоматов и сотни пистолетов. Вот и в Краснодаре дали денег не скупясь. Обнадежили, что купим и больше: чуть ли не танк готовы приобрести за наличные...

После окончания этой операции я связался с министром обороны генералом армии Павлом Грачевым и попросил его провести инвентаризацию армейского оружия по всей стране. Понимая всю опасность подобных преступлений, в эту масштабную работу включились и другие силовые структуры страны, а с ними и предприятия военно-промышленного ком-

плекса, где производятся боевая техника, оружие и боеприпасы. Вдобавок мы решили вопрос о том, чтобы каждый оружейный ствол, какой только хранится, служит или воюет в нашей стране, подвергся обязательному контрольному отстрелу, а его результаты самым аккуратным образом были занесены в пулегильзотеку. Это дало бы нам возможность отследить все пути, по которым прошло похищенное или утерянное оружие. Это помогло бы нам раскрыть множество опасных преступлений в будущем.

Как известно, 9 января 1996 года произошли кровавые события в Кизляре — в дагестанском городе, расположенном на самой границе с Чечней. Сценарий нападения боевиков почти в деталях повторяет тот, что уже применялся Шамилем Басаевым в Буденновске, но с поправками на время и место действия: в город бандиты втягивались ночью пешей колонной.

Это известие застало меня в отпуске, к тому же еще и в госпитале: напряжение последних месяцев не прошло даром для здоровья, и я, честно говоря, решил воспользоваться паузой, возникшей после декабрьских боев в Чечне. Сначала, 15 декабря, бандиты захватили в Урус-Мартане центральную часть города, мечеть, Дом культуры, городскую комендатуру, узел связи райотдела милиции. Ими была блокирована дорога на Грозный. Затем — предпринята попытка овладеть Гудермесом — вторым по величине и значению городом в Чечне: боевики заняли здание милиции, железнодорожный вокзал, здание комендатуры и городскую больницу.

В конце концов они были выбиты, но я бы не сказал, что это далось нам легко и безболезненно. Велись тяжелые уличные бои, причем некоторым подразделениям федеральных войск пришлось действовать в окружении. Погибли более 40 российских военнослужащих. По донесениям разведки мы знали, что гудермесской группировкой НВФ командовали чеченские полевые командиры Салман Радуев и Султан Гелисханов. Нет ничего удивительного в том, что имя Салмана Радуева будет фигурировать и во время бандитского нашествия на Кизляр: находящийся неподалеку от Гудермеса этот дагестанский город с давней казацкой

историей, без сомнения, входил в зону оперативной ответственности именно ножай-юртовских и гудермесских банд. Это одна группировка. Вторая состояла из выходцев Наурского и Шелковского районов Чечни. В Кизляре действовала их нелегальная агентура, а сама административная граница с Чечней была прочерчена буквально в нескольких километрах от городских окраин Кизляра. Весь вопрос заключался в том, удастся ли бандитам скрытно переправиться через Терек.

Как мне стало известно, начиная с 23 декабря в высших эшелонах власти (Верховный Главнокомандующий, премьер-министр, министр обороны) циркулировало донесение начальника Главного разведывательного управления Генерального штаба генерала Федора Ладыгина, где сообщалось о планах террористов нанести удар по этому городу. Подтверждение этому я нашел и в книге “Эпоха Ельцина”, написанной группой бывших помощников президента и изданной в 2001 году: “Еще 25 декабря поступила оперативная информация, что бандформирование “Одинокий волк” под командованием С. Радуева готовится к нападению на Кизляр. Сообщение отправили наверх, но ему не придали значения. К тому времени, перестраховываясь, с мест посылали любую непроверенную информацию, большинство этих данных не подтверждалось, но каждый руководитель мог найти подходящее донесение за соответствующее число и прикрыть себя: мол, мы предупреждали.

Телефонный звонок дежурного по МВД поднял меня ночью, как я уже упоминал, в госпитале. Первый доклад был лаконичен: “Обстрелян аэродром в Кизляре... Подожжен вертолет... Была попытка захватить военный городок батальона внутренних войск, но она отражена огнем...” Я в свою очередь потребовал уточнить, каковы силы нападавших и, сменив больничную одежду на мундир, спешно отправился в министерство. Дальше, в 11 часов, памятное заседание Совета безопасности и гневный голос президента: “Ну что, генералы, почему пропустили?!”

Оставалось только констатировать: действительно, пропустили... Но на вопрос — все-таки почему? — теперь я мог изложить президенту те аргументы, которые во время бедствия в Буденновске мог приводить разве что себе самому: “Борис Николаевич, они

не могли не пройти. В Чечне не введен режим чрезвычайного положения, а значит, войска Объединенной группировки скованы в своих действиях". И далее все то, что по этому поводу мной было высказано в предыдущей главе.

Да, прошли... Скрытно переправились через Терек, разбились на боевые группы, сожгли два вертолета на аэродроме и подступились к городку батальона ВВ. Но везде получив по зубам и потеряв до двадцати человек убитыми, пошли по некогда проторенному Басаевым пути: захватили больницу, согнали в нее несколько сот местных жителей и объявили их заложниками. Сейчас я уже не припоминаю, кто из двух бандитов — Басаев или Радуев — в конце концов получил среди чеченцев позорную кличку Роддомов, но то, что оба ее заслуживали в равной степени, лично у меня никакого сомнения не вызывает.

Неприятно поразило вот что: пока одни искренне сочувствовали чужой беде, другие начинали плясать на человеческих гробах. Корреспондент "Комсомольской правды" Александр Евтушенко предоставил радиостанции "Свобода" вот такое видение событий: "Федеральные силы специально спровоцировали захват Радуева в Кизляр. Была какая-то, видимо, дезинформация пушца, что там находятся вертолеты с оружием и их легко захватить. Когда Радуев и его группа прибыли на аэродром, там оказались три вертолета без топлива и пустые ящики из-под оружия. Эти вертолеты были взорваны, завязался бой. И почему-то "коридор", по которому могла уйти группа Радуева, оказался в направлении больницы, и им ничего не оставалось делать и ничего не стоило захватить больницу в заложники".

На пресс-конференции, которая прошла в Москве в пресс-центре на Старой площади 20 января 1996 года, я не выдержал: "Вот сразу же отвечаю на вопрос Евтушенко: нет отсюда "коридора". Вот аэродром... (показываю на карту). Уж если отступать им отсюда, то отступать или сюда, или обратной дорогой. Вот батальон внутренних войск, где они потеряли сначала 7, а потом 12 человек. Вот вертолетная площадка. А вот больница. О каком "коридоре" идет речь?.. Моя точка зрения — это цинизм в высшей степени. Это как надо не уважать Российское государство, свое Отечество, чтобы вот так заявить и сказать. Но это

моя точка зрения".

Там же я извинился перед журналистами, что в начальной стадии операции мы, ее руководители, ограничили доступ многочисленных репортеров к рабочей информации штаба и запретили походы к боевикам. Объявляя свою позицию, я сказал так: "Это оправданная, общепринятая мировая практика. Во время переговоров, во время подготовки операции нельзя этого делать и разносить по миру все ее особенности... Или, как это было в Буденновске, когда Басаев потребовал поставить перед собой телевизор и, глядя в него, диктовал, как формировать общественное мнение... Этого не должно было произойти".

У меня не было и нет никакого предубеждения по поводу методов репортерской работы. Я с пониманием отношусь к российским и зарубежным журналистам, зная, как нелегко достается им профессиональная удача. Особенно на войне. Но, препятствуя прямому общению репортеров с террористами, я исхожу из убеждения, что есть границы разумного, которые переступать не стоит. Должно стать незыблемым правилом, что террорист, шантажирующий общество, должен быть лишен возможности ставить свои условия через средства массовой информации. Это вопрос профессиональной и человеческой этики.

На заседании Совбеза, которое было мной упомянуто чуть выше, президентом был поднят вопрос: кто из руководителей силовых структур возьмет на себя руководство операцией? В зале повисло гробовое молчание. Понятно, что напрашиваться на одну из ключевых ролей в сложившейся обстановке — это равносильно самоубийству. Можно ответить головой практически при любом исходе. Я прямо сказал президенту: "То, что происходит сейчас в Кизляре, — это террористический акт. Мало того, что страдают ни в чем не повинные люди, налицо угроза захвата местных органов власти. Это дело госбезопасности. Считаю, что руководителем операции должен быть назначен директор Федеральной службы безопасности генерал Барсуков. В свою очередь, я готов быть его заместителем и разделить ответственность".

Мое предложение было принято, и вскоре на Лу-

бянке, уединившись в кабинете директора ФСБ, я и Михаил Иванович Барсуков принялись просчитывать ситуацию. Позвонивший туда с места событий генерал Вячеслав Тихомиров, командующий Объединенной группировкой, доложил примерно следующее: "В больнице захвачено столько-то и столько-то заложников. Есть требование террористов — выпустить их в Чечню под прикрытием живого щита. Но мое предложение таково: их ни в коем случае не следует выпускать". Мы с Барсуковым Тихомирова подержали: "Да, надо их останавливать, надо уничтожить эту банду.."

Те, кто помнят историю восхождения генерала Барсукова к вершинам власти в отечественной контрразведке, часто ставят под сомнение его профессиональные качества. Насколько я знаю, почти вся его служба протекла в Кремле, в тех управлениях КГБ-ФСК-ФСБ, которые отвечают за безопасность первых лиц государства. Это особая область профессиональных знаний, по большей части мне не ведомая, и я не берусь судить, насколько преуспел в этой работе Барсуков, дослужившийся в Кремле до генеральских звезд. Некоторые оценивали его назначение на должность директора ФСБ как незаслуженное — устроенное его другом Александром Коржаковым, начальником личной охраны Б.Н. Ельцина, в собственных интересах.

Будучи руководителем антитеррористической операции в Кизляре, Барсуков показал себя плохо. Ни я, ни Квашнин, ни Трошев, находившиеся вместе, что называется, не умыли руки... Когда нужно было в чем-то убедить Барсукова — убеждали. Все решения мы принимали согласованно. Вызвавшись однажды разделить с ним ответственность, я и сегодня не отказываюсь от прежних своих обязательств. Как заместитель руководителя операции, как русский генерал, я отвечаю за все, что произошло в те дни.

И сегодня подтверждаю: я был решительным сторонником того, чтобы не отпускать бандитов безнаказанными!

Хроника событий тех дней фиксирует каждый шаг бандгруппы Радуева, имевшей на момент прорыва в Кизляр около 360 штыков.

9 января она врывается в город и захватывает больницу. В оценках этого события преобладала на-

стоящая человеческая боль и тревога за судьбу ни в чем не повинных людей. Сразу же отвечаю на вопрос: а почему, собственно, мы не извлекли урока из событий в Буденновске? Почему опять возникли подозрения, что совершен очередной подкуп? Почему не реагировала милиция? Во-первых, бандиты пришли заблаговременно. С 4 по 8 января они накапливались в городе (около 200 человек), легендируя свое появление посещением родственников, бегством от войны и т.д. Во-вторых, основная часть прошла скрытно, в обход основного поста, в том числе и сам Радуев. На втором посту в 5 часов 15 минут бандитами были убиты два милиционера.

Милиционеры и бойцы внутренних войск в Кизляре сражались. Только в Кизляре погибли семеро сотрудников МВД Дагестана и два военнослужащих ВВ.

Требование террористов типовое — вывод российских войск из Чечни. Причем в 11 утра из больницы они вышли на связь с УВД Кизляра и предупредили, что, если через два часа не начнется вывод войск из Чечни, заложники будут расстреляны. В доказательство твердости своих намерений расстреливают двоих и делают заявление, что за каждого убитого боевика будут убивать по десять человек. Опять требуют участия в переговорах самого Черномырдина. Видимо, для того, чтобы в глазах остальных чеченцев кизлярский рейд выглядел так же представительно, как и буденновский. В своих амбициях Салман Радуев, бывший комсомольский функционер из Гудермеса, ничуть не уступал недоучившемуся московскому студенту Шамилю Басаеву. Если торговаться, то только с лицом не ниже премьер-министра России. Как говорится, протянешь мизинец, откусят всю руку...

10 января бандиты ведут переговоры с властями Дагестана, получают транспорт для отъезда и гарантии безопасности во время следования их колонны по территории Дагестана.

11 января колонна машин и автобусов с боевиками, которые прикрываются 160 заложниками, выходит из Кизляра. Но, остановленная в районе села Первомайского залпами с вертолетов, сворачивает прямо в населенный пункт. Отрезать бандитов от села и задержать их в чистом поле мог блокпост новосибирских омонцев. Они дрогнули и, не решившись вступить в бой, сложили оружие... Количество залож-

ников увеличилось на 36 милиционеров, которые были принуждены боевиками рыть в Первомайском траншеи.

Следующие дни — 12, 13, 14 января 1996 года — бандиты и федеральные силы готовятся к развязке. Дудаевцы укрепляют село, а мы подтягиваем артиллерию, дополнительные силы и проводим рекогносцировку. Наши силы к моменту штурма насчитывали 2,5 тысячи человек, 32 орудия и миномета, 16 огнеметов, 10 гранатометов, 3 установки РСЗО "Град", около 80 единиц различной бронетехники и несколько боевых вертолетов. Силы банды Радуева мы оцениваем теперь так: около 300 боевиков, удерживающих свыше 10 заложников, 82-мм минометы, вывезенные из Кизляра на машинах с убитыми, большое количество гранатометов, огнеметов, пулеметов и автоматов. 14 января террористам был предъявлен ультиматум о разоружении и освобождении заложников.

Утром 15 января после малоэффективной артиллерийской подготовки и авиационной поддержки девять штурмовых групп: отряд специального назначения внутренних войск "Витязь", бойцы СОБРов МВД и подразделения 22-й отдельной бригады специального назначения Главного разведывательного управления Генерального штаба — идут на штурм Первомайского. Во втором эшелоне в полной готовности к штурму строений, в которых могли находиться заложники, движется группа антитеррористического центра "Альфа" из Федеральной службы безопасности.

К часу дня бойцы "Витязя", который и является форвардом атаки, преодолев канал, захватывают первую линию обороны боевиков на окраине села и врываются в юго-восточный квартал. Остальные, наткнувшись на яростное сопротивление бандитов в районе моста и кладбища, вынуждены остановиться. "Витязем" командует отличный офицер полковник Александр Никишин. Его отряд полностью выполнил задачу. Поэтому даю команду: используя успех спецназа ВВ, ударить противнику в тыл. К сожалению, собравцы демонстрируют неспособность действовать разумно в условиях общевойскового боя — не обучены... Вместо того чтобы рассредоточиться, офицеры милиции предпочитают двигаться толпой. Еще через

два часа останавливается и "Витязь". С наступлением сумерек всем подразделениям приказано отойти на исходные позиции. Оставлять их на ночь в селе без прикрытия с флангов — форменное самоубийство.

К сожалению, воевавшим весь день бойцам негде даже по-человечески отдохнуть. Спят в открытом поле, в ирригационных каналах, в неотапливаемых автобусах.

15 января в Москве происходит еще одно событие, которое впоследствии оказало очень серьезное воздействие на оценку обществом всех итогов боевой операции в Первомайском. В книге "Эпоха Ельцина" упомянутое мной событие выглядит так: "Именно в этот день около Спасских ворот Кремля президент, давая интервью, поразил страну сообщением о 38 снайперах (Ельцин руками показал, как снайперы отслеживают террористов через оптический прицел и отсекают от них заложников).

Откуда они взялись, пресловутые 38 снайперов? Незадолго до этого, как уже говорилось, президент докладывали план проведения специальной операции по освобождению заложников. Такого рода планы состоят обычно из нескольких разделов: замысел действия; расчет сил и средств, участвующих в операции; расчет средств обеспечения операции; предполагаемые силы противника; расчет медицинских сил и средств. И вот замысел действий начинался примерно такими словами: "Группе снайперов выдвинуться из пункта временной дислокации и занять исходное положение..."

Вероятно, снайперы произвели на него такое неизгладимое впечатление, что при первом удобном случае он публично продемонстрировал свое знание деталей операции.

Эти "38 снайперов" стали символом, образом того, как видит ситуацию президент. Притом что каждый с помощью телевидения и прессы мог сравнить "картинку" действительности с тем, что говорит и делает Борис Ельцин".

16 января штурм начинается как бы с чистого листа. Наибольшего успеха снова удастся достичь на правом фланге атакующих подразделений "Витязя". Его бойцы вторично захватывают юго-восточный квартал Первомайского, выходят к центральной ули-

це и натываются на второй рубеж обороны: окопы полного профиля, отсечные позиции, умело оборудованные в домах огневые точки. Против них применяется ствольная артиллерия. Хорошо — гаубицы, а вот 85-мм противотанковые пушки кроме дырок в саманных стенах другого урона противнику нанести не в состоянии. Бронетехники в прикрытии нет. Особую опасность представляют чеченские снайперы, выбивающие из атакующих рядов в первую очередь командиров. Именно их огнем смертельно ранен командир одного из милицейских отрядов быстрого реагирования подполковник Андрей Крестьянинов и тяжело ранен командир другого — подполковник Андрей Рябинков. Совершает свой подвиг и получает ранение в живот заместитель командира отряда "Витязь" подполковник Олег Кублин. Все попытки прорвать 16 января вторую линию обороны не имеют успеха. Это самый кровавый день штурма: потери федеральных войск составляют 15 человек ранеными и убитыми. В 17.00 дан общий отбой и наши подразделения снова покидают село.

В ночь с 16 на 17 января в село Советское, находящееся в пяти километрах южнее села Первомайское, со стороны Чечни прорывается небольшая группа боевиков и уничтожает автомобиль УАЗ с пятью дагестанскими омоновцами. В район подтянуты три установки "Град", которые готовятся открыть огонь по тем участкам, где по нашим расчетам концентрируются силы пришедших из Чечни дудаевцев. Не сомневаюсь, что в эту ночь была предпринята первая, согласованная по спутниковому телефону, попытка чеченских боевиков вырваться из Первомайского. Та группа, которая действовала в районе села Советское с внешней стороны, должна была поддержать прорыв из внутренней стороны кольца в восточном направлении основной группы Радуева. "Град" только сдержал их натиск, но мы на их счет не обманывались: они точно сидели в лесу. Вот тут надо отдать должное интуиции генерала Квашнина, поставившего задачу авиации в 7.15 17 января нанести по лесу массированный авиаудар.

Мы оказались правы: вечером 17 января, в 21.30 разведчики сообщают о появлении в нашем тылу, опять в районе села Советское, отряда боевиков. Это подтверждается и местными жителями. Боевики,

предположительно из отряда Шамиля Басаева, атакуют внешнее кольцо федеральных войск. В получасовом бою принявшие его дагестанские милиционеры и военнослужащие армейских частей отражают попытку дудаевцев деблокировать отряд Радуева с юга. Через час, на восточном участке, пытаются вырваться из окружения, идет на прорыв уже со стороны внутреннего кольца основная группа боевиков численностью до 250 человек.

Воспользовавшись разгоревшейся у села Советское перестрелкой, она вместе с заложниками начинает прорываться в сторону Чечни — к Тереку. Боевики стремительно сближаются с боевым охранением федеральных войск, многие из них действительно, несмотря на январь, были босыми. Но это, думаю, не для скорости бега, чтобы, как говорят в России, только пятки сверкали, а для скрытности — для бесшумной ходьбы. Если так, то это сработало. Хотя весь участок беспрестанно подсвечивался с помощью осветительных снарядов и мин, наступающих чеченцев удалось обнаружить буквально в двадцати метрах.

Противостоящих им разведчиков было куда меньше. Это были солдаты и офицеры 22-й армейской бригады специального назначения, возглавляемые начальником разведки 58-й армии Северо-Кавказского военного округа полковником А. Стыцкиной. В результате тяжелейшего боя на участке прорыва (50 метров в ширину) группой А. Стыцкиной уничтожено 45 боевиков. Начальник разведки был сражен выстрелом из гранатомета и героически погиб. Вместе с ним погибли еще несколько военнослужащих. Был тяжело ранен и навсегда ослеп один из офицеров. Довольно большая часть бандитов (еще около 30 человек) погибла перед Терекком от огня нашей артиллерии.

Утром, когда вместе с Квашниным и Барсуковым я прилетел туда на вертолете, это смертное поле еще дымилось. Среди заиндевелой травы лежали десятки убитых людей. Один иорданец лежит навзничь, а из открытого рта торчит неразорвавшаяся граната от подствольного гранатомета. Другой — с вещмешком на спине. Но достаточно тронуть мешок, как он расползается, и из него текут на землю тяжелые россыпи автоматных патронов...

Часть прорвавшихся боевиков все же добралась

до Терека и переправилась на противоположную сторону, в том числе и по переброшенной через реку трубе газопровода, где их накрывала огнем авиация федеральных войск. Однако Радуюев с группой боевиков (около 60 человек) все же удалось уйти и увести с собой 15 заложников.

Таким образом, в ходе операции по освобождению заложников в городе Кизляре и селе Первомайском было уничтожено 153 боевика (по другим данным — 156), а 30 — захвачено в плен. Банда Радуюева, которую он брал в поход на Кизляр, по сути, была разгромлена, а сам Радуюев спустя несколько лет был задержан в ходе спецоперации, подвергнут справедливому суду и приговорен к пожизненному заключению.

Тот скептицизм, с которым итоги операции были встречены в российских и зарубежных СМИ, я объясняю прежде всего справедливым негодованием в адрес власти, не сумевшей защитить Кизляр и Первомайское от нашествия бандитов. Да, 82 заложника (по другим данным — 86.) обрели свободу, а полторы сотни боевиков нашли свой конец на дагестанской земле. В то же время от рук террористов погибли 28 солдат и офицеров федеральных войск и сотрудников милиции, 11 заложников, еще 95 человек были ранены. Разрушено 250 домов.

Но, что ни говори, эти события выглядели так, что каждый, кому не лень, может ворваться в мирный город, захватить роддом или больницу, а потом диктовать условия целой стране. В своем выступлении на пресс-конференции, прошедшей 20 января в Москве в пресс-центре на Старой площади, я сказал, что острая реакция общества вполне объяснима. Но никто — я показал рукой на собравшихся журналистов — из сидящих здесь не сможет привести пример, когда бы легко и безболезненно удалось решить задачу подобной сложности.

Я бы не стал утверждать, что в своих попытках завершить войну в Чечне Б.Н. Ельцин исходил только

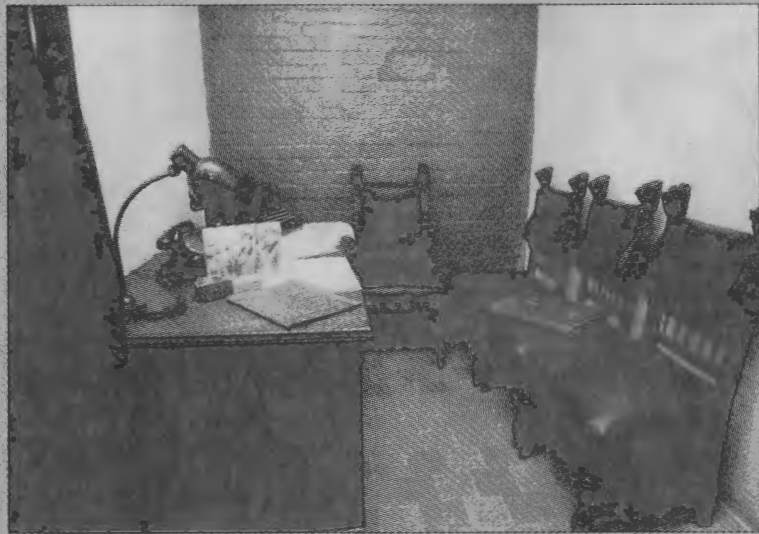
из прагматических интересов. Негативная реакция общества была ему известна, и он не скрывал, что война начинает его тяготить. "Это самая большая ошибка, которую я совершил", — признавался он.

Не склонный распахивать душу перед кем бы то ни было, эти слова он говорил очень искренне. Так что у меня не было никаких сомнений в том, что для президента это личная драма.

Почти ежедневная война уносила солдатские жизни. Расходы на Чечню были весьма обременительны, а перспективы умиротворения — столь же призрачны, что и год тому назад. В условиях предвыборной борьбы война и вовсе казалась тяжелой гирей на ногах и была способна утянуть в пучину позорного проигрыша не только самого Ельцина, но и всю его команду, в которой работали в том числе очень энергичные и нацеленные на реформы люди. Все то, что было сделано в первой половине 90-х годов, просто могло пойти прахом, если бы, отважившись на открытые и демократичные выборы, Ельцин их проиграл на глазах миллионов россиян. Было ясно, что, пока в Чечне идут боевые действия, говорить о чистой и честной победе 12 июня можно было только с оговорками. Только с надеждой на чудо.

Президент это понимал и в свойственной ему манере полагался только на силу своего характера, на авторитет, на опыт политического молотобойца, способного на решительный и совершенно неожиданный удар. В нем зрело убеждение, что достаточно его визита в воюющую Чечню, чтобы переломить ситуацию. Еще в начале 1996 года на одном из закрытых заседаний Совета безопасности он заявил упрямо: "Поеду в Чечню! Когда поеду — не скажу". Помолчав немного, простодушно добавил: "Ну, может быть, числа двенадцатого..."

Барсуков, на котором вместе с Крапивиным лежала ответственность за обеспечение президентской безопасности, был буквально потрясен: как же можно называть конкретную дату на людях? Ведь поездка Ельцина перестает быть тайной. В рядах чеченских боевиков есть вполне квалифицированные диверсанты, обладающие боевыми навыками, чтобы сбить, скажем, президентский самолет в воздухе или обстрелять его на земле управляемыми снарядами или из минометов. Все это у чеченцев было, и очевидной ка-

залась опасность, что далеко не все из диверсионных групп мы смогли бы перехватить, если бы командование НВФ знало день прилета президента в Чечню. Михаил Барсуков попытался отговорить Ельцина, но президент оказался непреклонен: "Я сказал, что поеду. Значит — поеду!.."

Новая концепция мирного урегулирования вооруженного конфликта в Чечне, предложенная для обсуждения в марте, полностью отвечала предвыборной задаче Ельцина прекратить боевые действия в Чечне как можно скорее. Как это задумывалось разработчиками (комиссия В. Черномырдина и группа Э. Паина), во второй декаде марта президент должен был выступить с заявлением о необходимости подписания политического договора. Наши предложения отличались и новизной подходов, и гуманизмом, и готовностью к определенным уступкам. Так, например, предполагалось после формирования "властных структур" ЧР произвести частичный отвод федеральных войск из республики. Те части, которые по договору оставались в Чечне, должны были "вернуться в места постоянной дислокации", то есть в гарнизоны. Вскоре должен был появиться легитимно избранный парламент республики, который бы и принял решение о подписании этого договора. В нем, например, оговаривалось проведение на территории ЧР в конце 1998 — начале 1999 года плебисцита (всенародного опроса) о том, в какой Чечне собираются жить ее граждане.

Еще шла дискуссия, но решение о том, что завтра Ельцин вылетит в Чечню, уже было принято. Знал об этом очень узкий круг людей, в который входил и я. Накануне у меня с Барсуковым и Крапивинным состоялся разговор о том, что хорошо бы на это время чеченцев задержать в Москве. Тем более что самолет был наш и в нашей власти было решать, взлетит ли он по требованию чеченцев или так и останется стоять в аэропорту.

Мы не собирались удерживать чеченцев насильно. Они были абсолютно свободны и, насколько я знаю, весь следующий день, 28 мая, решали свои дела в Москве. Стремительный вылет Ельцина в Чечню

оказался для них полной неожиданностью.

Опережая президента на несколько часов, мы с Павлом Грачевым вылетели в Моздок, чтобы обеспечить безопасное пребывание главы государства в зоне военных действий. На военном аэродроме Моздока уже вовсю шли приготовления к встрече. Плавкомандующий военно-воздушными силами генерал Петр Дейнекин вовремя распорядился, чтобы на бомбардировщик, который должен был находиться возле стоянки президентского самолета, натянули синий транспарант с бодрыми словами: "Ельцин — наш президент". Большого в условиях фронтовой обстановки и выдумать было нельзя. Все крутились волчком, но успели подготовить встречу к тому моменту, когда самолет с пассажиром № 1 сел на бетонку аэродрома и покатился вдоль капониров.

Моздок — это только врата войны. Североосетинский город находится в стороне от боевых действий, но все последние годы он играл для федеральных войск роль прифронтового перевалочного пункта. Здесь находится самая крупная в регионе военно-воздушная база. Именно отсюда, пересев в вертолет, можно перелететь в Чечню: полетное время до ее территории исчисляется несколькими минутами.

Обычно боевые и транспортные вертолеты, чтобы уклониться от попадания зенитной ракеты, идут над землей очень низко: стелятся над полями и буквально перепрыгивают линии электропередачи. Так же летел и президент, решивший по дороге в Грозный заскочить в один из населенных пунктов.

Право выбора его принадлежало нам, и мы решили, что это будет село Виноградное, бывшее Русское. Находится оно недалеко от станицы Червленной, но только на правом берегу Терека. Чтобы исключить даже вероятность покушения, но в то же время не заработать от президента выговор за мелочную опеку, мы быстро подтянули туда резервы: отряд "Витязь" успел в Виноградное лишь за пять минут до прибытия Ельцина. Находившемуся вместе с его бойцами генералу Анатолию Зайцеву были даны соответствующие инструкции. Поэтому на вопрос Ельцина: "Что за войска?" — генерал без запинки отрапортовал: такие-то и такие-то, находимся на марше, выполняем учебную задачу...

Прямо на запыленной броне БТРа Ельцин подпи-

сал собственный указ о повсеместном переходе на контрактную службу с 2000 года. И помощник президента Юрий Батурич, ныне известный космонавт и Герой Российской Федерации, и мы, генералы, и сам Борис Николаевич очень хорошо понимали, что этот указ — не более чем политическая декларация. Отечественная экономика просто бы не потянула такой способ комплектования Вооруженных сил.

После выборов этот указ был отменен.

По имеющейся информации, осуществляется подготовка в первых числах августа с.г. попытки незаконных вооруженных формирований спровоцировать вооруженные столкновения в столице республики.

В районе Андреевская долина (г. Грозный) отмечено появление вооруженной группы людей, одетых в форму военнослужащих Российской армии. Эта группа совершает дерзкие нападения, грабит мирных жителей с применением оружия.

5.08. Анализ поступающей информации позволяет сделать вывод о продолжающейся подготовке боевиков к началу вооруженного столкновения с федеральными войсками в г. Грозном. По оперативным данным, основными объектами готовящейся боевиками акции станут Старопромысловская и Центральная комендатуры, Координационный центр МВД РФ г. Грозного, Ханкала, расположение 101 оброн ВВ.

Так, в период с 31 июля по 3 августа с.г. с территории Шелковского района в г. Грозный прибыли 100-150 боевиков, которые намерены принять участие в акции сепаратистов по захвату города. Для передвижения ими используются автомашины милиции. Проникновение в город осуществляется в обход блокпостов с южного направления.

Находящиеся в городе боевики проводят разведку постов, устанавливают местонахождение огневых точек, время и порядок смены караулов.

Исходя из складывающейся обстановки, мною была поставлена задача командующему ВВ МВД на принятие мер по усилению сил и средств разведки и подготовке резервов первой очереди в пунктах постойной дислокации, которые в последующем были направлены в ЧР.

Вывод: группировка ВВ и органы внутренних дел МВД России в ЧР готовились отразить нападение НВФ. Были усилены войсковые наряды, пополнены запасы боеприпасов, продовольствия и необходимых материальных средств, осуществлены мероприятия по закрытию каналов связи в системе боевого управления, что позволило удерживать обороняемые объекты весь период боевых действий.

Следует также отметить, что в связи с поступающей информацией о возможных вооруженных акциях боевиков было отдано распоряжение о переводе личного состава комендатур и КПП на усиленный вариант несения службы, пополнении запасов оружия и боеприпасов, воды и продовольствия, проверке средств связи, зарядке дополнительных аккумуляторных батарей для радиостанций, усилении разведки, выставлении дополнительных секретов и засад. Приказом министра внутренних дел ЧР личный состав чеченской милиции был переведен на казарменное положение.

Благодаря подготовительной работе все райотделы милиции были готовы к отражению нападений боевиков. Ни один из них не был захвачен бандформированиями...

Начиная с 7 августа с.г. я неоднократно обращался к министру обороны, командующему войсками Северо-Кавказского военного округа, а также в Правительство России, лично к секретарю Совета безопасности РФ А.И. Лебедеву с просьбой о вводе в ЧР дополнительно двух мотострелковых полков ВС для усиления группировки объединенных сил в республике. Так как положительного решения не было принято, 13.08. 1996 г. я направил официально телеграмму в адрес министра обороны, секретаря Совета безопасности, председателя Правительства РФ о необходимости направления в резерв командующего группировкой объединенных сил двух мотострелковых полков. 14 августа поступила команда о прекращении боевых действий...

По своему служебно-боевому предназначению ВВ и органы МВД РФ основные усилия сосредоточивали на поддержании общественного порядка, проведении

нии специальных операций, а также обеспечении безопасности выделенных под охрану объектов г. Грозного.

Несмотря на многочисленные просьбы и заявки о придании артиллерии от Минобороны для действий в интересах подразделений ВВ, со стороны командования объединенных сил положительного решения не было. Командующий войсками Северо-Кавказского военного округа, являясь старшим армейским начальником, отвечающим за координацию действий войск в соответствии с указом Президента России от 29 декабря 1995 г. № 1330, ограничил применение артиллерии в интересах ВВ. Только 12 августа с.г. в 12.15 состоялось его решение о придании группировке ВВ в ЧР для действий в городе гаубичной батарее 2С1 в составе четырех орудий. Обеспечить поддержку подразделений ВВ, действующих в городе, таким составом артиллерии было невозможно...

Таким образом, основная тяжесть выполнения огневых задач по поддержке действий подразделений ВВ легла на штатную артиллерию ВВ, имеющую малые огневые возможности по дальности стрельбы, мощности боеприпасов и по численности...

Подобная картина складывалась и по применению авиации. Между тем заявки на поражение целей подавались ежедневно...

Потери внутренних войск и органов внутренних дел в личном составе, вооружении и технике за период ведения боевых действий с 6 по 23 августа 1996 г. в г. Грозном составили: убитыми — 192 (ВВ — 168, органы внутренних дел — 24); ранеными — 1126 (ВВ — 912, органы внутренних дел — 214).

Получили боевые повреждения и вышли из строя: 47 единиц бронетехники, 30 единиц автомобильной техники, <...> сбито и выведено из строя 4 вертолета Ми-8...

Действия А.И. Лебеда в августе 1996 года я и сегодня называю предательством. В предательстве, в отличие от ошибки, всегда можно обнаружить корысть. В предательстве, в отличие от спонтанных решений, обязательно откроются следы сговора.

И даже трагическая гибель Александра Лебеда в апреле 2002 года, в дни, когда эта книга уходила в печать, не отменяет этой уверенности. Что было — то было.

Но, конечно, по-человечески мне жаль Лебеда-солдата...

Секретарь Совета безопасности, появившийся в Чечне в середине августа, я уверен, умышленно тормозил действия федеральных войск по уничтожению боевиков. К тому времени к обороняющимся в Грозном военнослужащим ВВ и сотрудникам милиции уже были пробиты "коридоры".

Да, были потери и в эти дни, но они были куда меньше, чем вначале. И речи не могло идти о том, что кто-то дрогнул, кто-то побежал... Ведь ни одного объекта ни внутренние войска, ни милиционеры не сдали. Более того, даже при отсутствии существенной помощи со стороны Министерства обороны в некоторых районах Грозного внутренние войска сумели перехватить инициативу и частично восстановили утраченное положение.

Мы не собирались сдавать Грозный. Никакой растерянности не было. Никто не мог поколебать нашей убежденности, что уже в ближайшие дни боевики побегут из города.

В отличие от сводок недельной давности, где преобладали сообщения, указывавшие на то, что инициатива находится в руках НВФ: "Обстреляны...", "Подверглись нападению...", "Были вынуждены вступить в бой..." — последние донесения из Грозного носили иной характер: "Спланирован огонь артиллерии по скоплению боевиков...", "Нанесен удар вертолетами огневой поддержки..."

Тот же офицер, еще недавно отмечавший унылые радиоперехваты боевиков, теперь сообщал: "После приезда Лебеда и соответствующих заявлений недоумение было страшное. Дух защитников города был сломлен. А с той стороны начались крики: "Ура, мы победили!" Даже те из них, кто раньше не хотел ввязываться, в новой ситуации стали активными..."

Сейчас уже не вызывает сомнений, что Лебеду

сложившаяся ситуация казалась чрезвычайно выгодной.

Ему не нужен был Грозный, освобожденный от боевиков. Скорее, его устраивало такое положение вещей, когда требование президента страны "возвратить ситуацию в Чечне к положению на 5 августа" в изложении средств массовой информации казалось по меньшей мере некомпетентным, наивным и нереалистичным. Лебедь мог просто развести руками: "Плядите, наш президент болен и невменяем!.."

Понятно, что здоровым, адекватным и решительным наследником президентской власти в этой ситуации представлялся обществу сам Александр Иванович. То, что "остановленная" им в Хасавюрте война окажется войной отложенной — на этот счет лично у меня никаких сомнений не было. От бандита, конечно, можно откупиться на время. Но этот мир продлится лишь до той поры, пока грабителю снова не захочется есть. Получив однажды хоть толику ценностей, хотя бы малейшую уступку — он сочтет ее слабостью и непременно вернется в ваш дом, чтобы забрать все остальное.

Не знаю, верил ли сам Лебедь горячим уверениям Масхадова или только притворялся, гораздо важнее то, что в это время их обоюдные интересы совпали: боевикам нужна была власть в Чечне, а Лебедю грезились власть над Россией. Ему была крайне необходима политическая блиц-победа, и территориальный размен в сложившихся обстоятельствах не казался ему постыдным.

Все, что я прожил и нажил, — это снова две пятерки, итогащие самый важный отрезок человеческого пути: мне 55 лет. Бриллиантовая маршальская звезда, вручаемая по нашим традициям высшим офицерам фельдмаршальского ранга вместо походного ранца или солдатского вещмешка, уже давно лежит в ящике моего письменного стола.

Того самого стола, на котором я пишу сейчас последнюю страницу этой книги.

В отличие от маршальской звезды, которой суждено после окончания моей жизни вернуться в темни-

цы Гохрана и лечь рядом со звездами прославленных или безвестных генералов Российской армии, никто и никогда не потребует от меня возвращения огромных, кожных, степных звезд, которые горели над головой в далеком детстве, когда только-только рождались мои мечты о настоящей жизни.

Все, что было сделано в ней, сделано для Отечества — для России.

Я люблю военную форму и не сразу привык к костюму политика и в прямом, и в переносном смысле. Уверен, если считаешь себя политиком, ты должен установить близкие отношения со своей совестью: постоянно разговаривать с нею, совещаться... Ведь твои решения могут изменить судьбу целой нации, судьбу огромной страны или хотя бы просто судьбу отдельного человека, который надеется на ум и прзорливость своего народного защитника.

Всю свою жизнь я был защитником. Защитником Родины и защитником людей. Защитником своей семьи и защитником собственной точки зрения.

Эта книга — об этом.

Мои принципы просты и понятны каждому: не лгать, не предавать, вовремя отдавать долги — хоть личные, хоть государственные...

Наверное, в моих словах: "не пришло еще время безнаказанно честно служить Отечеству", произнесенных сразу после отставки, чувствовалась горечь. Естественная. Человеческая. Которую легко поймут те, кому приходилось, что называется, держать удар. Имел в виду я тогда, конечно, существовавшую власть и те правила, которые сложились в ее высших эшелонах. Но что значит «не пришло время»? Что значит — «не служить Отечеству»? Мы это время не выбирали — это оно выбрало нас. А значит, в нем нам и предстоит действовать решительно и бесстрашно.

Именно действовать!

Потому что в этом неумолимом слове есть все, что потребуется нам для победы...

От редакции. По просьбе генерала армии А. Куликова авторский гонорар за публикацию главы книги в журнале "На боевом посту" будет перечислен в Центральный военный клинический госпиталь внутренних войск.

Александр Владиславович КОСТЕНЕВСКИЙ родился в 1953 году. Окончил Ленинградское высшее политическое училище МВД СССР и военно-педагогический факультет Военно-политической академии им. В.И. Ленина. Служил на должностях заместителя командира роты, батальона по полчасти. С 1987 года и по настоящее время преподает в Саратовском военном Краснознаменном институте внутренних войск МВД Российской Федерации. Заместитель начальника кафедры военной педагогики и психологии. Полковник, кандидат педагогических наук, доцент. Со стихами в нашем журнале выступает впервые.

Александр КОСТЕНЕВСКИЙ

ПОКА ЕСТЬ ПАМЯТЬ...

ЛЕЙТЕНАНТ

Он погиб как герой
за два дня до замены,
Был уже подготовлен об этом приказ.
Лишь в кино побеждают всегда супермены,
Но не в этой кровавой войне за Кавказ.

Он сражался один и упорно,
и долго,
Пулеметным огнем прикрывая ребят.
Жило в сердце его чувство чести и долга,
Сохранившее жизнь двум десяткам солдат.

Он команду им дал:
"Отходите, ребята!"
И, не чувствуя больше простреленных ног,

Прокричал вслед бойцам:
"Передайте комбату:
Я остался прикрывать!"
И за камень залег.

Пулеметным свинцом
и забористым матом
Поливая врагов
под напором огня,
Нас с тобою закрыл
своим сердцем солдата,
Верность воинской чести
в душе сохраняя.

Отгремело в горах
эхо взрыва гранаты.
Безупречно исполнен
комбрига приказ.
Только в горле комок
у седого комбата
Да не прячут солдаты
заплаканных глаз.

Его тело нашли:
перерезаны вены,
Выжжен крест на груди
и эмблема "спецназ"...
Выживают в дешевом кино
супермены,
А не в этой кровавой войне
за Кавказ.

ПЕСНЯ КАЗАКА

И хлеба не убраны,
и луга не скошены.
Собирает атаман
воинскую рать.
Вновь на землю русскую
гость пришел
непрощенный,
Скоро-скоро казаку
снова воевать.

Встречу с пулей-дурую
И со смертью хмурою
Помоги мне миновать,
Пресвятая Мать!

Конь стоит оседланный,
бурка приторочена,
И прощается казак
с молодой женой.
Обнялись последний раз
молча у обочины —
Даст Господь, в последний раз
лишь перед войной.

Встречу с пулей-дурую
И со смертью хмурою
Помоги мне миновать,
Пресвятая Мать!

Ленты вьются алые,
плачут дети малые,
И молитву древнюю
тихо шепчет мать,
И слеза горячая
жжет ей щеки впальце:
Доведется ли еще
сына повидать?

Дай Бог с пулей-дурую
И со смертью хмурою
Разминуться мне
Эх да на войне!

— Я вернусь, родимые,
я вернусь, хорошие! —
Низко в пояс кланялся
удалой казак.

— В чистом поле встречу я
тех гостей непрошенных
И к Покрову возвращусь
я живой назад.

Дай Бог с пулей-дурую
И со смертью хмурую
Разминуться мне
Эх да на войне!

Уж земля холодная
снегом запорошена,
Но родные казака
не устанут ждать.
Даже если казаку
на поле заброшенном
Душу довелось в бою
Господу отдать.

Встречу с пулей-дурую
И со смертью хмурую
Помоги мне миновать,
Пресвятая Мать!

ГОЛОС ПАВШИХ

Живые, вслушайтесь...
Вы слышите,
Как за полком шагает полк?
О нас расскажете, споете
и напишете, —
Мы выполнили
свой солдатский долг!

Мы не успели сделать многого.
Ушли, оставив близких и родных.
У каждого своя дорога к Богу,
Нам выпала — короче остальных.

Но все, что сделано,
пусть вам подскажет,
Что мы сложили головы не зря,
И души наши помянуть
прикажет

Оторванный листок календаря.

Тогда помянете вы поименно
Всех нас,
кто больше не стоит в строю,
Подняв, как водится,
стакан граненый

За души павших
в яростном бою.

И помолчите,
вспомнив наши лица.
Пока есть память —
нам не умереть.

А может,
даже лучше помолиться,
Чтобы поминок
меньше было впредь.

Сергею Михайловичу Шейкину тридцать семь. Он майор, служит в Подмоскowie. В январе дебютировал у нас в "Сапогах всмятку" с юмористическими стихами. И вот теперь мы представляем его "серьезную" лирику.

Сергей ШЕЙКИН

Я ВЕРЮ В ХОРОШИХ ЛЮДЕЙ...

Полумрак в купе на нижних
полках.
Свет погас, и чай остыл давно.
Мальчики в тельняшках
и кроссовках
Разливают поровну вино.

Может быть, абхазские дороги,
Может быть, чеченское село
Вспоминает паренек безногий.
Доктора сказали: "Повезло!"

Есть еще полночи до рассвета,
Есть еще полжизни для вина.
Разомлела на плече соседа
Рыжая красавица — Луна.

Круг замкнулся
маленьким осколком,
Мир накрылся белой простыней.
Вместо ног —
протез клади под полку.
Вместо славы —
шепот за спиной.

Ночь прошла по жизни
разговором.
Спит, качаясь в стороны, вагон.
Мальчики домой приедут скоро,
Улыбаясь, выйдут на перрон.

Слава Богу,
дождалась мать сына —
Просто удержат не может
слез...
Ах ты, горе-горюшко, судьбина!
Бесконечный перестук колес.

Я верю в хороших людей,
хоть хорошего мало.

Я часто смеюсь,
хоть не часто бывает смешно.
Я помню, как юность моя
уезжала с вокзала
И мне на прощанье
рукою махала в окно.

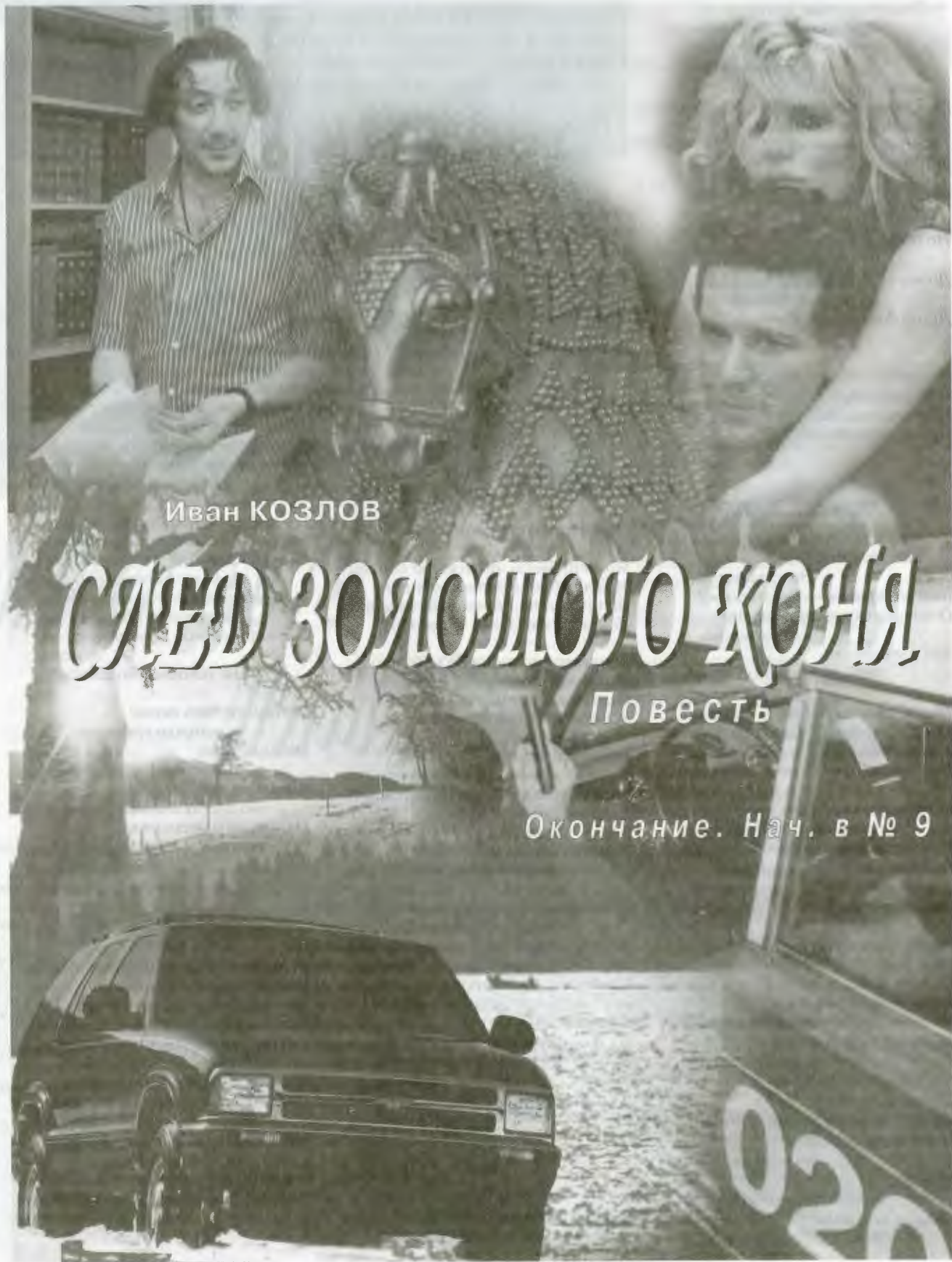
Но путь, по которому шли,
оказался закрытым!
Вагоны загнали в тупик
и зажгли семафор.
В сбербанках открыли счета
незаконно убитым
В конфликтах, которых не
счесть,
не понять до сих пор.

Потом пелись песни
и ветром срывало
Овации зала
и бюсты великих людей.
А нам не хватало —
то хлеба, то неба нам мало.
И только в достатке
вождей и нелепых идей.

Остановить ход времени нельзя.
Уже давно прически наши
с проседью.
Как листья, опадающие осенью,
От нас уходят верные друзья.

Когда случится новая беда,
Положим на стакан кусочек
хлеба.

Мы к ним придем
когда-нибудь на небо,
А вот они к нам — больше
никогда.

Иван КОЗЛОВ

СЛЕД ЗОЛОТОГО ЖОНЯ

Повесть

Окончание. Нач. в № 9

11.

Грушецкий стоял у кровати с Ленечкой и не спускал ствол ТТ с входной двери до тех пор, пока в нее не вошел Колян.

— А где Лом?

— Лег спать в машине.

— И Сашок с ним?

— Нету Сашка, — недовольно пояснил рыжий. — Бросил лопату, разулся... Сдрейфил скорее всего. Смылся.

— Куда же отсюда смеешься? И потом, зачем для этого разуваться? Полянь колкая, по степи босиком не находишься. Брюки он тоже снял? Может, уплыл куда?

— Не, джинсов не видно. Да и зачем ему плыть? Он же не под конвоем сюда ехал. Ему только предложили — сразу согласился. Непонятно, конечно.

— А что Сашок с лопатой на берегу делал? — спросил Грушецкий.

Колян поморщился:

— Червей искал.. Для рыбалки. Такой ответ тебя устраивает?

— Мы купили паршивую тушенку, — кивнул историк. — Свежая рыба — это хорошо. Еще бы огурчиков, лука...

Жуткий хохот раздался со стороны степи. Колян и Грушецкий выхватили пистолеты. Ленечку прошиб пот, он чуть не вскочил на ноги.

— Что это? — спросил Колян.

Конечно, они услышали крик какой-то ночной птицы, но Заславский вспомнил строки из дневника Михаила Данилова и сказал:

— Душа Бачмана.

— Чего?

— Бачман был половецким вождем, — пояснил Грушецкий. — А что о нем Данилов писал — не знаю.

— Бачман был убит в этих местах, — сказал Заславский. — Во время битвы с монголами. А вот кто его убил — неясно: то ли хазары, то ли русские, то ли монголы. Говорят, у него жена была красавица, после смерти мужа исчезла. Из-за нее вроде бы и убили вождя. Вот душа его ночами тут и ходит, мести жаждет. Данилов в свое время не столько из-за распутицы и бескормицы в Москву вернулся, сколько из-за встреч его людей с Бачманом. Люди от ужаса умирали, с ума сходили, просто исчезали.

— Иди ты со своими сказочками! — пробурчал рыжий, убирая в кобуру пистолет. — Зверь это какой-то. Или птица. Что тут водится?

— Был бы зверь или птица, от водителя вашего хотя бы косточки остались. А так ведь — ничего.

— Ты заканчивай, — не слишком уверенно прикрикнул на Заславского Колян. — Детишкам своим эти истории рассказывать будешь. Если доживешь.

Ленечка не придавал особого смысла последним словам, потому ответил:

— Мне легче уже, руки-ноги ощущаю. До ветру сам выйти смогу.

— Не сможешь, — оскалился Колян. Подошел к двери, задвинул щеколду, закрутил ее проволокой. — До утра потерпишь. А утречком, перед рассветом даже, выведу тебя. Заодно следы Сашка посмотришь. Может, сообразишь, куда он делся. — Колян залез в спальный мешок, лег у порога, долго воро-

чался, видно, никак не мог уснуть, потом спросил: — А этот твой... басмач или как его...

— Бачман.

— Ну да. Что пишут — он как человек или как волк? Чего его боялись-то так?

— Кончайте трепаться! — недовольно проворчал Грушецкий. — Надо хоть немного поспать. Дел завтра много.

В дверь не выскочить, тоскливо подумал Ленечка. Ехать с Ломом — тоже резону мало. Грушецкий — настоящий сумасшедший, наобещал помощникам Бог знает что, вот они и приперлись сюда. Что будет, если историк не найдет золота? А его он, конечно, не найдет. Отбивную из Грушецкого сделать могут. Заодно и мне перепадет. Лом обязательно еще припомнит семь миллионов. Сматываться надо. Как? Неужели Савичев не поможет?

12.

— У нас так, — сказала Тоня, — днем жарко, а ночью прохладно. К утру вообще холодно будет.

Вася покосился на нее. Легонький спортивный костюм. Конечно, замерзнет. Надо бы отдать ей камуфляжную куртку, но она ему самому будет нужна. Не от холода — для другой цели. Тельняшка в темноте будет заметна...

Он быстро разделся до пояса, потом натянул на голое тело куртку, а тельник отдал Тоне.

— Надевай.

Та не стала спорить.

Над тихой ночной степью вдруг прокатился дикий хохот. Вася даже вздрогнул, но девушка осталась спокойной.

— У вас под Москвой таких птиц нет, да? Она вроде чайки, мы ее пересмешником называем.

Тоня лежала рядом с ним, плечи их касались, щеку щеконала прядь ее волос. Но он не отстранялся.

— Зачем вы все-таки приехали сюда, Вася?

Он пожал плечами. Говорить о монголах, конях и раскопках не хотелось. Это потом как-нибудь. Да и не в золоте дело. Золото — предлог, причина другая, и он знает ее, причину. Перегрузочка вышла. Война. Потеря друзей. Потеря матери. Сердце по-иному биться стало. Перед дембелем, уже в Калаче, с ними врач беседовал. "Дай Бог, чтоб вы хотя бы года через два отошли от всего, что тут увидели и испытали". Тогда это как треп воспринималось. А потом, дома уже, бессонница мучить стала. Временами жуть как хотелось опять туда, в горы. Иными ночами наоборот — даже вспоминать Чечню страшно было. Вообще-то они все время вдаль от штабов своих воевали, а тут получилось так, что большое начальство поблизости палатку разбило. И "таблетка" рядышком стояла — санитарная машина, значит. Как днем приехала, так и осталась. Сержант там была, лет двадцать пять ей. Пацаны весь день ахали, когда она туда-сюда бегала. На войне женщину не каждый день видишь, а эта действительно красавицей оказалась. Вот и стонали пацаны. Он тоже слюни распустил. Захотелось ее, ну просто по-мужски захотелось. Вот так сидел ночью в окопе и дурью маялся. Рвануть бы дверцу в машине, влезть бы туда, к ней... И тут мина мякнула. Над головой пролетела и прямо под "таблеткой" рванула. Вася — туда, раз-

воротило "санитарку". А сержант голая, в одних трусиках, куда к ней ни прикоснешься — всюду кровь. Дышит, и слышно, как кровь плещется. Верой ее звали...

Была потом у него возможность, недели через три после этого, на сменке, в тылу, девочку одну поиметь, сама на шею вешалась, и — не смог, потому что у нее тоже имя было Вера. А может, не только поэтому.

Говорят, американские солдаты после любой напярженки реабилитационный период на Гавайях проходят или еще в каком-то раю. А тут — безденежье, похороны, ничего для души...

Разрядка нужна, чтоб крыша не поехала.

— ...Разговаривать со мной не хочешь, да?

— Да нет, просто Заславский это лучше объяснит — что за клад, что за конь.

— А почему ты у меня так ни разу и не спросил, кто я такая, зачем в вашей машине оказалась?

— Захочешь — сама расскажешь. Что же пытаться?

— Я старая стала, понимаешь? Старая для гребли. В плане перспективы. Мне Дмитриев сказал: приходи на ночь в номер — заявлю на соревнования. Не придешь — до свидания. Я ему пару ласковых слов выдала, и он вычеркнул меня из списков команды. Вот и все. А потом там, возле милиционеров, помнишь?

— У шоссе?

— Да. Подонки. Я посоветоваться захотела, как без денег домой добраться, а они начали свои варианты предлагать. Животные.

— А в машину к нам лезть не побоялась?

— Мне уже все равно было. И потом, я ведь тебя до этого на гребном канале видела. У тебя глаза... Тебя нечего бояться.

— По глазам видно, что я импотент, что ли?

— Я о другом. — Она улыбнулась. — Ты человека не сможешь обидеть. Это видно.

Так, в доме задули свечу.

И что из того?

Лом снаружи, двое внутри, все вооружены. А Заславский, вполне возможно, связанный лежит. На ура ничего не сделаешь, только пулю схлопочешь. Надо ждать утра. Притаиться вновь там, у обрыва, и ждать Коляна с Заславским. Не заснуть бы сейчас только, не проспять тех минут, когда выведет студента. Лучше сразу к обрыву податься. Тоня пусть спит здесь — здесь суше, теплей, место не просматривается ни из машины, ни из дома.

— Послушай, — сказал он ей, но тут же осекся. Ему показалось, что со стороны озера мелькнул огонек, крошечная точка вроде зажженной сигареты. Мелькнул и исчез.

— Что? — спросила Тоня. Поймала его взгляд, тоже стала пристально вглядываться в сторону воды. — Ой, вижу! Не водитель ли их возвращается?

— После такого заплыва у него бы размокли и сигареты, и спички. Да и не один там человек.

В тусклом свете луны уже можно было различить три тени. Две замерли у окон. Третий человек, в фуражке, скорее всего милицейской, подошел к двери дома, взялся за ручку, рванул ее на себя, но дверь не поддалась, закрытая изнутри. В тот же миг зазвенели стекла, разлетелись подгнившие рамы, и в уже

пустые глазницы окон ударили мощные фонари. Стоявший у двери крикнул:

— Не сопротивляться, иначе стреляем на поражение!

Особого шума в доме не было, лишь перемещались из стороны в сторону лучи света. Дверь открылась, и свет этот упал на человека в погонах и фуражке. Тот тоже вошел в дом.

— Как все хорошо закончилось, — сказала Тоня. — Пойдем туда?

Она уже начала приподниматься, но Савичев положил ей ладонь на спину, легонько прижал.

— Машина, — прошептал он.

Дверца джипа тихо отворилась. Лом выпрыгнул на землю, согнувшись, побежал в их сторону. Видимо, он тоже совершенно правильно решил, что коровник — хорошее временное укрытие. Но откуда ему было знать, что оно уже не для него?

Савичев вскочил на ноги. От неожиданности Лом замер, но лишь на секунду. В следующее мгновение он кинулся на Васю, целя тому головой в грудь.

Лом был силен, но силой своей пользоваться не умел. Удар ноги опрокинул его. Удар был хлесткий, точный, но Лом все же не отключился. Он поднялся, сжал кулаки, готовый броситься в новую атаку.

Но Савичеву драться не хотелось. Он вынул из кармана пистолет, отобранный у Сашка.

— Не заставляй дырывать тебе ноги. Пойдем.

И они направились к открытой двери дома, где уже горела свеча и по-прежнему светили фонари.

Их появления, кажется, никто не ожидал. Двое милиционеров были в штатском, один — в форме, с погонами капитана. На вошедших сразу направили три ствола.

— Свой я, товарищ капитан, — сказал Вася. — Вот гражданина из джипа привел, хотел смыться.

Парни в штатском опустили пистолеты, то же сделал со своим автоматом и капитан. Улыбнулся, снял фуражку.

— Вижу, Вася, что свой. Не узнаешь?

Савичев уже узнал говорившего. Это был Жоха Саратовский.

13.

— Я всегда там, где хорошие деньги, — сказал Жоха. Его помощники в это время накрывали на стол — извлекали из сумки петрушку, огурцы, помидоры, нарезали сыр и буженину. Сам же он сидел на кровати, уже сняв с себя милицейскую форму, облачившись в светлую рубаху и темные кашемировые брюки, и разговаривал с Савичевым:

— Еврейчик у тебя болтливый, понял? Да и ты... В таких делах язык надо держать за зубами. Думали, я спал в "рафике", да? Я, когда глаза закрою, слышу лучше, запомни это на будущее, вдруг пригодится.

Жоха услышал, что речь идет о больших деньгах, был свободен от текущих дел, лишь мелочевкой пробавлялся и потому решил москвичей пощупать. Сумка с нужными для профессионала вещами всегда при нем, и укрепить радиомаячок в салоне "рафика" — дело плевое. Потому знал он, на какой стоянке они обосновались, тем более сам ее подсказал.

Сторож там быстро стал своим, помощники уже с обеда сидели за рулем в быстроходной машине, так что не прозевали они момента, когда Савичев отъехал, видели, как засуетился мужичок у джипа...

— Мы тебя, Вася, чуть не потеряли, когда ты в Батайске в переулочок нырнул. Маячок опять нам помог. А джип вот этой морды, — кивок в сторону Лома, — минут двадцать на краю города торчал, но потом помчался на Черноград. А у меня, Вася, чутье собачье, скажу тебе. Вот я за джипом и порулил. До этой самой хатки сопровождал его и уже с хвоста не слазил.

— А нас, выходит, потерял из виду?

Жоха сделал вид, что обиделся.

— Не надо обо мне плохо думать. Если бы я что-нибудь терял, то ничего бы не имел. Не знал я, конечно, что тут у вас за каша заваривается, но то, что вы пересеклись в этой точке — это мне было известно. Как и то, что вы, мягко скажем, не единомышленники.

— А это как понял?

— "Рафик" ваш, судя по маячку, здесь, а вы его зачем-то упрятали. Потом, Вася, ты зачем-то отправил в плавание мужичка в штанах, отобрал у него пистолет, фляжку. Нас ты не видел, мы в это время с лодочки, так сказать, рыбку ловили. Правда, куда ты потом делся, даже в свою отличную оптику не усекли и мадам эту не разглядели. Ничего мадам. Твоя?

— А что?

— Если не твоя, себе возьму. Люблю таких, дородных.

— Обойдешься, — сказала Тоня, курившая в двух метрах от них, у выбитого окна.

Голос Жохи сразу же стал жестким:

— Детка, так со мной никогда больше не разговаривай, понятно? Обойдусь я или нет — решать только мне. И будь на месте Савичева, к примеру, вот этот еврейчик (поймав на себе взгляд говорившего, Заславский тотчас опустил голову), я бы прямо сейчас трахнул и его, и тебя. Но Васю я уважаю. Я его в деле видел. Потому и разрешаю пользоваться тобой.

— Мне разрешения не нужны, — хмуро заметил Савичев.

Парни у стола насторожились, они, видно, хорошо знали, чем заканчиваются подобные диалоги шефа с собеседниками, но Жоха неожиданно улыбнулся:

— Молодец, пятки не лижешь. Думаю, мы с тобой сойдемся. Тем более что одно дело делать будем, так? Правда, какое именно, я еще не знаю. Но сначала — за стол, а потом уже серьезные разговоры. — Он указал пальцем на Лома, Коляна и Грушецкого, сидевших на скамейке поодаль. — Я так понимаю, что их место у параша, но поскольку параша тут нет...

— Я научный руководитель экспедиции, — подал дрожащий голосок историк. — У меня есть соответствующая бумага, и я, в принципе, не совсем понимаю, что тут происходит. Я на свои скромные средства...

Жоха захохотал.

— Руководитель, говоришь? Ксива, говоришь, есть? Это хорошо: будешь "крышей" и наводчиком. Дам помидорину, так и быть. Ну и рыжего покормлю. Он — сильный бугай, а нам, я так понимаю, зо-

лото мешками таскать придется. Садись за стол, якорный. А с этим что делать будем? У него же морда чистого уголовника, тем более битая морда. Это ты его звезданул при попытке к бегству?

— Было такое, — улыбнулся Вася.

— Напрасно. При попытке к бегству и стрелять можно. Делить бы добычу на меньшее количество людей пришлось. У тебя, дружок, и старые боевые шрамы еще остались, смотрю. Такой большой, и все тебя лупят.

— Это тоже Вася его. Еще в Москве, — с непонятной гордостью выпалил Заславский.

— Ну что ж, страдальцев на Руси всегда привечали. И тебя, избитый, не обойдем куском хлеба. Авось на что и сгодишься. Машину водишь?

— Вожу, — буркнул Лом.

— Прекрасненько. У нас, я так, понимаю, дефицит теперь шоферов. Что еще можешь делать? Стрелять? Кстати, все стволы прошу сдать мне.

— У меня нет ствола, — прогудел Лом.

Заславский задергал губами, но все-таки ничего не сказал. Колян и Грушецкий молча положили на край стола кобуры с оружием. Теперь Жоха смотрел на Савичева.

— У меня трофейный "макаров", — сказал Вася. — И он останется при мне.

— Решено, — согласно кивнул Жоха. — Теперь отобедаем — и в путь. Вы, кстати, "рафик" свой что, в землю закопали? Не видно его.

— Почти. Тут есть силосная яма.

— Отлично. Мы вместо "рафика" поставим туда свой "жигуленок". Те, чей он был, его наверняка ищут, так что светиться не будем, и так на двух тачках разместимся. В одну сядем я, Вася, его девочка, естественно, ты, историк, чтоб по дороге уже посвятил меня в тонкости дела. Вторая четверка — в джипе. Возражений и особых мнений, думаю, не будет?

"Жигуленок", о котором говорил Жоха, был оставлен ими километрах в трех от домика, на берегу озера. Оттуда они плыли сюда на лодке, чтоб не выдать себя гулом мотора или светом фар.

Теперь эта легковушка была вместо "рафика" поставлена в силосную яму и так же старательно замаскирована. Лодка спущена и перенесена в "рафик". Все это сделали до того, как из-за озера поднялось солнце. Вспомнили о Сашке, водителе джипа. Грушецкий заикнулся было о том, чтоб поплыть и забрать его, но Жоха махнул рукой.

— Без него обойдемся. К острову уже, смотрю, рыбаки подплывают, так что не пропадет водила. А нас тут и так много, чтоб сокровища делить.

14.

Однообразный пейзаж выглядел совсем не уныло. Желтая полоска дороги, сине-зеленая вода слева, степь справа. Белой лодкой с огромным килем пролетал над озером пеликан, темные орлы, не обращая внимания на машины, восседали на земляных холмиках, любопытные суслики стояли у норок желтыми столбиками... Попадались речки, то ли впадавшие в Маньч, то ли вытекавшие из него, все в камышах, заполненные темными утками и черепаками. Тут дорога уходила от озера, чуть петляла, словно сама разыскивала мостик.

— Попробуй в такой вот воде найди сокровище. — озаченно кивнул на очередную речушку Жоха. Историк в общих чертах уже кое-что успел ему рассказать. — Тут глубина метра два да наверняка метр ила.

— Нам не реку надо искать, — ответил Грушецкий, — а сухое русло от нее. Ведь сказано же в рукописи: не утопили, а закопали. С тех пор вода тут убывает, а не прибывает. Водохранилище, правда, отрыли большое, может, из-за него грунтовые воды поднялись, но я не думаю...

— Что ж все-таки никто до нас этих коней не искал?

— Некому было искать. Татары тогда весь русский отряд истребили, и они просто не знали, что именно в этом отряде конь-то этот был. А когда узнали и вернулись сюда, поздно уже было. Дожди прошли, все следы смыло, попробуй найди, где тут и что копалось.

— А как же Данилов твой место вычислил?

— Данилов написал: "И долго клекотали и кружили над кладом орлы степные". Орлам золото не нужно. А кружили они над трупами. Данилов разыскал кости и черепа, то есть установил точное место, где погибла русская дружина. Крестиком на карте и отметил да еще написал: "Умерли, чтобы родиться, когда искать того коня начнут".

— Это как понимать? — спросил Жоха.

— Ну где клад? Где мертвые лежат, так? Вроде ориентира. Они тогда умели писать очень поэтически. Раз вспоминают о мертвых, значит, вроде как возрождают их. Вот и вся загадка.

Немного помолчали, и Грушецкий добавил:

— У меня прибор на кости не реагирует. Думаю, мы быстро то, что надо, найдем. Ну за неделю, ну дней за десять — не больше.

— Черт! — ударил ладонями по коленям Жоха. — Всяко было. Такими способами порой денежки добывал, что вспоминать то жутко, то весело. Но чтоб вот так!.. Мне нравится. Я вообще-то романтик по натуре. Раскопаем коня, отдадим в музей и получим похвальные грамоты. Сейчас похвальные грамоты дают, товарищ-господин ученый, а?

Грушецкий с юмором был, видно, не в ладах и ответил вполне серьезно:

— Нам проценты положено платить. Но это такой случай... Могут ничего не дать.

— Даже грамоты?

— Да бросьте вы!.. — Он с самого начала обращался к Жохе только на "вы". Жоха весело рассмеялся.

— Ах, Грушецкий, Грушецкий! Все-то вы о процентах, о деньгах. В них нет счастья. Счастье — в самом процессе добывания, в его авантюристности... Хорошее, кстати, слово, но наши пошляки низвели его почти до ругательства.

— Вам бы нефть тогда искать, если деньгами не интересуетесь, — сказал Грушецкий.

— Это неинтересно. Черное дерьмо и есть черное дерьмо. Чуть больше в нем парафина, чуть меньше — даже на глаз не определишь. А тут — камешки, монетки, слитки, бумажки. Хочешь взять — не отдадут.. Комбинируешь, рискуешь, делаешь то, что тебе в удовольствие. — Жоха повернулся к Савичеву. — Мне кажется, ты тоже не ради миллионов в эту степь приперся? Или совсем уж нищета заела?

Вся не ответил. Он понял, что спорить с этим мужичком ему не по силам. Язык у Жохи хорошо подвешен, красиво говорит. Да, в принципе, и спорить пока не о чем. Савичев махнул сюда, чтоб разрядиться немного, отдохнуть. Хотя если будет возможность подзабыться? И этот мужичок, судя по всему, от своей доли не откажется. Это он так, пижонит перед публикой. Сколько ему? За тридцать. Сам смеется, а глаза холодные. Себе на уме человек.

Дорога уходила вправо, в сторону от озера. Посмотрели по карте. Этой дороги там, естественно, не было вообще. И выходило, что теперь им предстояло ехать от Маньгча по сухой степи в сторону Каспия и искать старое русло давно исчезнувшей реки. Решили сделать последнюю остановку у большой воды.

У Савичева в машине были снасти, поэтому, пока остальные мылись, ставили палатку, искали топливо для костра, он отошел в сторонку, забросил закидушки. Озеро здесь у берега было мелкое, и он забросил грузики так далеко, как только мог — метров на пятьдесят. На крючки нацепил кузнечиков, хлебный мякиш, худых червей, которых выкопал на мягком глинистом берегу. К лескам, чтоб была видна поклевка, прикрепил земляные катящи. Легкий ветерок чуть-чуть раскачивал их. Рыба к приманке подходить не спешила.

Рядом с Васей присел Жоха, спросил:

— Заславский моим мальчикам пропел, что ты в Чечне воевал. Это так?

— Так.

— Значит, мы с тобой вояки. Я еще Афган захватил, полгода там был. Вместе с Громовым выходил. Ни одной царапины. Повезло, да?

— У меня тоже ни одной.

— Многих своих хоронил?

— Было.

— Было... Но и я там ихних положил будь здоров! Ты, думаю, тоже?

Савичев пожал плечами.

— Не скромничай. Все равно через год припомнишь, что двух-трех замочил, через пяток лет скажешь, что не меньше десятка. Знаешь, я думал, злоба после войны утихать будет, а она — растет.

— Против кого?

— Против всех. — Жоха поднял кусок затвердевшей глины и со злостью швырнул его в воду. — Не нюхали ничего, а повелевают! Кому сколько платить, кому власть дать, кого наказать. По какому праву нами повелевают, а? Мы что, воевали за то, чтоб пешками быть?

— Твои помощники тоже в Афгане были?

— Эти? — Он кивнул на парней, устанавливающих палатку. — Нет. Там они не были. Ты же сам видишь — они молодые. Но кое-чему обучены.

— Молчат что-то они все время, как глухонемые.

— Я же говорю — обучены. С ними шутить лучше не надо, их надо привечать.

— А почему тебя Саратовским называли? Ты откуда?

— Нет, просто дело хорошее в этом городе провернул. Теперь вот, Бог даст, могут Маньчжским назвать. Я не жадный, но тщеславный... Смотри, крайняя леска задергалась!

Савичев чуть не опоздал сделать подсечку — он

просто не ожидал, что тут может быть поклевка: вода горькая, да и глубин хороших нет. Но на крючок все же попалась приличная рыбешка: полукилограммовый сазан. Вася только успел положить его в садок снова забросить снасть, как опять заплескал на леске сторожок. На этот раз сазан попался покрупнее.

— У меня фольга есть, запечем, — сказал Жоха. — Твоя-то... спутница, или невеста, или как ее называть... готовить она умеет?

Савичев поневоле взглянул туда, где должна была находиться Тоня. Увидел ее. Она как раз подошла к помощникам Жохи. Судя по тому, что один из них, повыше и помоложе, вынул из кармана сигаретную пачку, просила закурить. Пачка, видно, оказалась пуста. Парень шагнул внутрь палатки, Тоня последовала было за ним, но остановилась на пороге. Молодому это не понравилось, он взял ее за руку, попробовал втащить за брезентовый полог. Вскрик, пощечина, звук от которой долетел даже сюда... Это Тоня залепила ее, но парень уже заворачивал ей за спину руку...

Савичев вскочил, Жоха встал и успокоил его:

— Не дергайся, я сам все улажу.

— Что там улаживать? Я просто набью морду этому молчуну, улаб в следующий раз умнее был. Нашел где силу проявлять — девчонке руки крутить.

— Думаешь, у тебя это получится? — со смешком бросил Жоха и пошел к палатке.

А Тоня спустилась к воде и по берегу не спеша пошла в сторону Савичева. Была она без своих спортивных брюк, Васина тельняшка доходила ей почти до колен. Ноги перепачканы глиной. И волосы желтые, как глина. Схвачены на затылке резинками в два хвостика. И зрачки у нее, оказывается, желтые. Подошла к садку, ногой покачала его, рассматривая трепыхающихся рыб, спросила:

— У тебя есть нож? Я их пока почищу.

Голос ее чуть дрожал.

— Испугалась?

Она тряхнула хвостиками.

— И не такие пугали. — Потом, немного помолчав, добавила уже без бравады: — Животные. Эти двое. У них глаза пустые, как у коров. — Она взглянула на Васю. — Этот, длинный, пригрозил, что все равно...

Жоха беседовал со своими помощниками у палатки. Те стояли в одинаковых стойках, расставив ноги, скрестив руки на груди. Длинный при этом энергично качал головой, видно, что возражая своему жожаку.

В стороне от палатки, ближе к "рафику", сидел на земле Заславский и смотрел в степь. Ему хотелось плюнуть на все и умчаться сейчас в Москву. Он бывал в разных переделках, знал в них толк, по крайней мере мог оценивать ситуацию. Нынешняя ситуация была очень паршивой. Тревожно было у Ленечки на душе. Жоха не понравился ему еще при первой встрече на ночном шоссе. Он из тех, которые видят себя только в роли лидеров. Распотчет любого, кто на его пути. И эти слуги... Они всю дорогу не разговаривали, смотрели перед собой — и все. Плохо все, плохо. Но отсюда уже не сбежишь. Степь гладкая, спрятаться негде. Да и в какую сторону бежать? Без воды, без еды...

Лом кругами ходил вокруг машины. Он останав-

ливался у круглых вертикальных норок и боязливо, носком ботинка засыпал их землей. Лому тут не нравилось. Ему казалось, что степь кишит змеями и тарантулами. Его часто били, и он бил часто. Страх перед кулаками не испытывал. Даже если и посущественной угроза будет, то и это не страшно. В джипе спрятан пистолет, а с ним он постоит за себя. Но что делать с ползающими тварями? Ведь не заметишь же, когда тарантул подберется и вцепится в тебя. Быстрее бы раскопать золото, поделить его, смыться отсюда. С золотом, конечно, будет морока, его надо еще продавать. У него в Москве есть пара хороших каналов. Купят. Но могут и надуть...

Грушецкий читал фолиант: "...И уложили коня в медь, и залили, и опустили то, чему поклонялись татарове, что возили с собой, схороня в отдельном шатре..." Не совсем понятные слова. Он их накануне Заславскому зачитал, тот тоже только плечами пожал.

Медь. Футляр из меди для коня был сделан, что ли? И что такое "залили"? Если бы наоборот, если бы сначала в яму опустили, а потом залили, то можно было бы понять. Яму выкопали на берегу, прорыли от речки канальчик, пустили воду. Скорее так все и было. А переписчики у Ртищева слова переставили, вот и все.

Дикари попались ему в напарники. Готовы историческую ценность на куски распилить. Правда, трудно будет сбыть коня целиком. Вряд ли у кого такие бешеные деньги найдутся, чтоб купить это сокровище. Жалко пилить. Хотя бы сфотографировать, сделать полные замеры, подробное описание. За хорошее вознаграждение, конечно, лучше бы его сдать в музей, но разве дикари на это согласятся? И потом, все-таки много людей, каждому по мизеру достанется. И еще неизвестно, оценит ли эта толпа то, что именно он, Грушецкий, автор идеи, все продумал, осуществил выезд, нашел необходимое для поиска клада оборудование, простое и надежное. Датчик сразу показывает, что там, под землей: медь, золото, железо, алюминий. Это для того, чтоб понапрасну не копать. Хотя вот в книге слово "медь" появилось. Покажет на нее прибор — придется взяться за лопаты, придется...

Помощники Жохи вошли в палатку, а сам он крикнул сразу всем:

— Обедаем, часа три спим — и по машинам. Вечером уже будем на месте, раскопки начнем.

Опять натянулась леска на закидушке. Тоня вполне профессионально сделала подсечку.

— Есть! Сегодня, чувствую, мы без консервов обойдемся.

— Ты не только плавать умеешь, но и рыбу ловить.

— Отец с собой всегда брал. Пока я не... — Она неожиданно замолчала, рывком выбросила на берег крупную серебряную плотву, наклонилась, освобождая ее от крючка.

— С отцом что-то случилось? — спросил Вася.

— Со мной что-то случилось. Скурвилась его доченька, мир захотела познать.

15.

— Вот! — заорал Грушецкий. — Вот стрелка, видите? Тут и надо копать!

Они остановили машины в низине, которая действительно напоминала старое высохшее русло реки. Маныч отсюда не был виден, лишь ветерок напоминал о нем горьковато-соленым привкусом. За много километров пути увидели наконец человека — чабана с отарой. Чабан был старый, морщинистый, с обожженным здешними суховеями лицом. Трудно даже было сразу определить, калмык он или русский.

— Палеонтологи? — переспросил он Жохоу. — Врачи, что ли? У моей бабки ноги отказывают, не знаете, как помочь?

Узнав, что приезжие не медики, а кости старые ищут, направил их сюда.

— В войну тут то ли наши, то ли немцы бомбы сбросили, черт его знает зачем, степь же голая была, и все. Так мы к воронкам пацанами бегали. Были там черепа. Старые, тронешь — рассыпаются... Не знаю я, была ли тут река, ни отец, ни дед об этом не рассказывали.

— Змей много? — боязливо спросил Лом.

— А как же без них? Есть. Но тут водятся животины и пострашнее. Каракурт, паук такой, не слышали? Черный, точки красные. Укусит — и все. После гадюки еще выжить можно, а после него сразу ложись и помирай.

Такая страшная весть о пауках, похоже, никого, кроме Лома, не испугала.

В низину они въехали даже раньше, чем рассчитывали. Жара еще не спадала, лишь тени, отбрасываемые машинами, потянулись уже на восток. Грушецкий развернул на коленях карту, уверенно ткнул пальцем.

— Здесь Данилов был. Точно, здесь. Да и нет больше других пересохших русел.

— Значит, надо устраиваться капитально. — Жоха по-хозяйски огляделся, выбирая место для своей палатки. — Вы можете хоть в машине спать, хоть на земле голой, а я все же люблю комфорт.

Савичев тоже вытащил из "рафика" палатку. Лом только рукой махнул.

— Заползет гадость какая-нибудь. Нет, я буду в машине спать, тут мне места хватит.

Грушецкий, убрав карту, взял свой прибор, и точно напоминавший миноискатель, спросил:

— Кто со мной? Вон впереди, видите? Что-то похожее на старую воронку. Может, как раз там чабан кости видел.

— Пойдем с ним? — Тоня тронула за локоть Савичева. — Палаткой пусть пока Заславский займется. Подумаешь, несколько колышков вбить.

После случая на привале Тоня не отходила от Савичева. Он заметил, какие испуганные взгляды бросала она в сторону помощников Жохи. "Надо с ними вечером потолковать", — решил он, а пока без видимой охоты побрел вслед за историком. Вася понимал: так не бывает, чтоб удача пришла сразу. Русло вон какое! Ширина — метров двести, и не один десяток километров, возможно, придется топтать по нему. И потом...

Он так и недодумал мысль, почему они сегодня, по крайней мере, ничего не найдут, как Грушецкий заорал, что стрелки у него что-то там показали. А почему бы им и не показать? Раз снаряды тут рвались, значит, осколки должны лежать, вот и все.

— Железо? — спросил он историка.

— Медь. То, что я и ожидал. Я ведь читал Заславскому: уложили коня в медь!

— Это как?

— А черт его знает как. Сейчас посмотрим, давайте все сюда с лопатами!

Парни Жохи копали молча, сосредоточенно, с силой вгоняя в крепкую почву весь штык. Историк наметил для этого квадрат примерно два на два метра, но показал точно на его середину:

— Вот здесь это... Не знаю пока что. Сигнал слабый, значит, копать много придется.

Молчаливых сменили Вася и Лом. После того как из образовавшейся ямы выбросили четвертый штык земли, в центре ее уже можно было заметить выступающую куполом сероватую массу, напоминающую бетонный шар. Она была до того крепка, что высекала искры из лопат. Здесь, в такой глубине, что-то спаяло, сцементировало глину с песком. Получился булыжник объемом с ведро. Его обкопали со всех сторон, с огромным трудом подняли, опустили на траву.

Жоха, покусывая нижнюю губу, сощурив глаза, вопросительно смотрел на Грушецкого. А тот уже который раз обследовал своим миноискателем непонятную глыбу. Наконец сказал уверенно:

— Внутри металл, скорее всего медь.

— Надеюсь, что ты не шутишь. В таком случае пора и мне включиться в работу, а то обойдете при дележе. Когда куски этого камня на память о золотой кобыле разбирать будете. Будете, так же?

Жоха взял ломик, внимательно исследовал глыбу, ища трещинку. Нашел. Коротко замахнулся ломом, на удивление сильно ударил...

Каменная скорлупа раскололась на три части и распалась, обнажив даже не позеленевший от времени медный казанок. Крышка его снялась вместе с камнем. Казанок был заполнен желтоватой застывшей массой, напоминавшей воск. Грушецкий провел пальцем по его боку, наклонился, принялся.

— Кажется, это бараний жир. Старый бараний жир.

Естественно, он был разочарован находкой, но совсем неожиданно для многих Жоха приободрил его:

— Техника твоя, оказывается, сработала. Так что если тут что-то есть — найдем. Только без лишней спешки. Разобьем территорию на участки и спокойно, метр за метром... Так, герой кавказской войны?

Фраза была обращена к Савичеву, но она ему настолько не понравилась, что Вася ничего не ответил. Два молчуна при словах своего шефа одинаково улыбнулись.

— Ладно, на сегодня поиски прекращаем, займемся устройством лагеря. — Жоха, похоже, полностью взял на себя функции командира. — По случаю прибытия в пункт назначения можно и выпить, и закутить. Рыбачок, — опять полунасмешливый взгляд в сторону Савичева, — нас рыбой обеспечил, подогреем ее в фольге. А можно в древнем казанке уху сварить. Вычистить его от этой мерзости...

— Вычисти, — сказал Вася. — У тебя это должно получиться, прояви личный пример командира.

Его уже стал раздражать менторский тон Жохи.

Жоха сжал и без того тонкие губы. Воцарилось тягостное молчание, разрядка могла быть совсем не

мирной, и это, кажется, все понимали. И потому очень вовремя заговорил Заславский:

— Постойте, постойте... В медь и залили... В книге так, да, Грушецкий?

— Ну примерно...

— Значит, в казанке должно быть что-то. Конь, божеество, маленькая копия большого. Его татары как талисман, как память о Батые возили!

Савичев взял казанок за жирные бока, поднял его.

— Костер нужен. Растопим и все увидим.

Бараний жир, сохранивший на протяжении веков медный казанок в отличном состоянии, от жаркого пламени довольно быстро заблестел, стал прозрачным. После этого Жоха ногой опрокинул казанок, жир вылился, и на земле засветился под отблесками костра желтый конек. Небольшой, с ладонь.

Жоха поднял его и стал тщательно протирать своим носовым платком. Протер, передал историку, тот — Лому. Конек побывал у всех и опять вернулся к Жохе.

— Что скажете? — спросил он, ни к кому конкретно не обращаясь.

— Золото, — сказал один из его помощников.

— Без сомнения, без сомнения! — возбужденно потер руки Грушецкий. — И теперь я уже просто уверен, что мы найдем большого золотого коня. Два-три дня...

— Надо и Сашку что-то дать, — невпопад сказал Лом, словно речь шла о дележе добычи.

— Если найдем нужного покупателя, то тут на всех хватит, вы понимаете? На всех! Денег будет очень много.

— Очень много денег никогда не бывает, — произнес никем не понятую фразу помощник Жохи, тот, который постарше и пониже. Его, казалось, несколько не взволновала находка. Он сидел и полировал пилочкой ногти.

— Я вычистил казанок, как и условились, — посмотрел на Савичева Жоха. — Но все же, чтоб меня не обвиняли в лени и в превышении власти, я заделаюсь на этот вечер поваром. Все часок можете отдохнуть, а потом — прошу вас на огонек. Тоня, не хочешь мне по хозяйству помочь?

— Нет, — поспешно ответила Тоня и прижалась к плечу Савичева.

— Ну и ладно. Я со своими мальчишками покулинарю. Через час — сюда, договорились?

Заславский, Савичев и Тоня вместе отошли к своей палатке. Ленечка, как показалось Савичеву, был расстроен.

— Чего хмурый такой?

— Я домой хочу, Вася.

— Ну вот! В первый же час поисков такой клад нашли, а ты киснешь.

Ленечка оглянулся вокруг, словно боясь, что его подслушают, и почти зашептал:

— Больше мы ничего не найдем!

— Это почему же? — спросила Тоня.

— Тут, на реке, сошлись два отряда, русский и монгольский, — так же тихо начал разъяснять Ленечка. — Отряды эти были, как указывал дьяк Данилов, не так уж и многочисленны, понимаете? Не два войска столкнулись, а два отряда!

— Ну и что? — пожал плечами Савичев. — При чем тут отряды и золотой конь?

— При том! На кой черт небольшому отряду тас-

кать с собой такую тяжесть и такую ценность, как огромный золотой конь, а? Они возили с собой лишь символ в медной посудине, которую мы сегодня выкопали. Я же знал, я всегда знал, что в этой дурацкой пустыне ничего нет! Я в деревне тебе просто голову морочил, понимаешь? Хотелось проехаться и отдохнуть под пальмами. А тут...

В голосе Заславского — или это Васе только показалось — зазвенела слеза.

— Прямо сейчас бы уехал отсюда, — сказал Ленечка.

— И я бы уехала. — Тоня остановилась, взглянула на Савичева. — У нас никогда не раскапывают кладбищ, понимаешь? Это преступление — рыться там, где лежат останки.

— Ладно. — Савичев тоже сделал выбор. — Я сюда не за золотом ехал. Так, разрядиться захотелось. Разрядился. Утром после завтрака собираемся и уезжаем. Договорились? Их останется пятеро, на джипе до силосной ямы они доедут, а там пересядут на две машины.

— А коня как повезут? — скорее сам у себя спросил Ленечка. — Не на крышу же привяжут?

— Какого коня? — удивилась Тоня. — Ты же только что говорил, что они ничего тут не найдут.

Заславский смутился:

— Я не думал, что и казанок разыщем. Так что... Но, Вася, поверь мне, у меня нюх на всякие нехорошие вещи, поверь, что лучше сейчас смотаться отсюда. Саратовский со своими ухарями — от них беда будет, поверь!

— Да в этом плане не надо бояться, — сказал Савичев. — Не тронут они никого. С помощниками его я сам переговорю, чтоб не хорохорились, а Жоха — он "афганец"...

— Это кто тут меня вспоминает? — Жоха приблизился к ним, неся на вытянутой руке золотого конька. Луна отражалась в нем. — Хорош, да? Наш царский родственник говорит, что, вполне возможно, такая безделушка была тут у представителя каждого из родов, а родов у них тьма была. Так что есть вероятность целый табун из-под земли извлечь.

— Грушецкий свистит, — сказал Ленечка. — Сколько раскопок раньше ни проводилось, а таких находок не было. Монголы не таскали с собой золотых статуэток.

— Если судить по твоей логике, — снисходительно улыбнулся Жоха, — то мы просто не могли найти и эту вот славненькую вещицу. Кстати, Вася, ты не против, если мы отдадим ее на хранение Тоне, а? Женщины больше нас любят и ценят золото, каждую пылинку с него сдувают. Держи, девочка.

Голос у него был сейчас добрый, спокойный. Тоня взяла статуэтку, но потом сказала:

— Я хранительницей быть не смогу, я завтра уезжаю домой, так что...

— Я тоже, — поддакнул Заславский.

— Надо так понимать, что вы уезжаете на "рафике" вместе с Васей? — Жоха перевел взгляд на Савичева. — Что же вы это надумали в самое интересное время? Завтра-послезавтра каждый из вас сможет самолет себе купить. — Он ухмыльнулся, вспомнив давний разговор в машине. — Во всяком случае, до конца дней своих существовать безбедно сможет,

если дело выгорит... А не выгорит — ну, потеряете неделю всего-навсего. Через неделю по домам и разъедетесь.

— Пусть Лом или кто из твоих с нами сядет, — сказал Савичев. — До “Жигулей” довезем, у вас две машины и останутся.

— Обсудим, — все так же добродушно кивнул Жоха. — Вы, ребята, к костру идите, а мы тут о деталях вашего отъезда потолкуем с Васей.

— Да, — быстро согласилась Тоня. — Я, пожалуй, к огню поближе пойду. Морозит меня что-то.

Она тронула Васю за руку, и ладонь ее оказалась ему горячеей.

— Значит, говоришь, не ради богатства сюда подался, — начал разговор Жоха после того, как Заславский и Тоня ушли. — Ну что ж, тебе виднее. Отговаривать даже не хочу. Утром сажай в “рафик” Лома, подбрось его к ферме — и счастливого пути. Признаюсь, мне без тебя будет легче. Я по природе лидер и не люблю делить власть ни с кем.

— Да и золото легче делится на шестерых, чем на девятих, — улыбнулся Савичев.

— На восьмерых придется делить.

— Почему?

— Ты уедешь отсюда один. Заславский, как и всякий еврей, жаден до денег, он просто так не откажется от своей доли. Женщины по природе болтливы, потому я их использую только по прямому назначению. Отпусти я ее завтра — послезавтра тут могут оказаться ее дружки. Я не хочу видеть в этом пустынном уголке новых лиц.

— А меня, значит, отпускать не боишься?

— Тебя — не боюсь. Я твою породу угадываю, ты действительно не жаден до денег. Ты сюда на разборку со своей ватагой не прибежишь. А Заславский может прибежать.

— Завтра утром мы уедем отсюда втроем, — сказал Савичев. — Мы хотим уехать и уедем.

— Я примерно этих слов от тебя и ожидал, — досадливо поморщился Жоха. — Ну что ж, вернемся к этой теме завтра.

— А нам нечего к ней возвращаться. Ты же говорил, что сам не терпишь, когда кто-то тобой командует. Вот и я — не терплю. Так что разойдемся красиво.

Жоха тяжело вздохнул:

— Жалко, что ты не мой напарник. Ну да ладно. Пойдем уху пробовать.

Уха у молчаливых кулинаров получилась отменная. Они сами разливали ее по тарелкам, добавляли уже туда по щепотке соли — признались, что немного недосолили. Пошла по кругу и водка.

— Меня то морозит, то в жар бросает, — сказала рядом сидящая Тоня и подставила свой стакан под горлышко бутылки в Васиной руке. — Плесни побольше. Я один раз выпью — и все, и спать. Даже чаю не хочу.

Посидели у костра хорошо, без ссор. Уже пьяненький Грушецкий начал громко толковать о своем генеалогическом древе. Дикий странный хохот, какой уже был слышен прошлой ночью, раздавался со стороны, где они нашли медный казанок с золотым коньком.

— Бачман! — таращил глаза Колян и стал просить у Жохи пистолет. — Дай я пойду его шлепну! Половец, гад! У меня аж волосы шевелятся. Жоха, дай пистолет, а?

— У Савичева попроси, — отмахивался Жоха.

— Савичев не даст. У Савичева же пистолет Сашка, там всего два патрона.

— Я пойду, — сказала Тоня. — Я залезу в спальный мешок, не возражаешь?

— Бери темный, это мой, — разрешил Ленечка, сидевший по другую сторону от Тони. — Я спать в “рафик” залезу.

Тоня встала.

— Проводить? — тут же появился возле нее длинный молчун.

Вася сказал по возможности тихо, чтоб услышал только он:

— Отвали.

Длинный все понял правильно.

— Ладно. До завтра, девочка.

Завтра в это примерно время Тоня будет уже в Ростове, прикинул Савичев. А что, неплохая девчонка. Надо будет адрес у нее взять. Может, еще когда-нибудь придется на юг поехать, на Лебердоне остановиться, у гребного канала. Волосы у нее красивые. Но — недотрога. А может, все они такие, женщины? Не было у него возможности это выяснить раньше. До армии ребенком был, после армии другие заботы на голову свалились...

Отчего-то закружилась голова. Чтоб не упасть, он взмахнул рукой, пальцы наткнулись на что-то мягкое. Поднял голову. Оказывается, за спиной стоит Тоня, он угодил ей в живот. Неужто шум поднимет? Боже, как болит голова...

Тоня обняла его руку ладошками.

— Ты что?

— Мне плохо, — сказал он, чувствуя, что еще чуть-чуть — и вырубится.

Соль. В уху ему сыпали не соль. Он сразу ощутил непонятный привкус, но не мог же он подумать... Хотя бы тут не рухнуть.

— Отведи меня в палатку.

Вскочил и Заславский.

— Ну вот, нельзя тебе пить. Помочь?

— Не надо, — сказала Тоня. — У меня плечи сильные, доведу.

— Им без тебя в палатке лучше будет, — ухмыльнулся длинный. — Девочка его лечить там начнет.

“Надо сделать что-то важное, важное что-то сделать”. Мысли уже не слушались Савичева, в голове были хаос и тупая височная боль, распирающая череп. До палатки было метров тридцать, но они дались ему с большим трудом. Он упал поверх своего спального мешка и уже не чувствовал, как укрывала его Тоня пледом, как провела ладонью по его ключевой щечке и прикоснулась губами к виску, словно чувствовала, что боль именно там.

— Спи, — прошептала она.

А Вася все силился, не ощущая уже внешнего мира, вспомнить, что срочное надо сделать. Наконец вспомнил. И сразу стало немного легче. Надо снять с ремня пистолет и куда-то припрятать его до утра. Ну хотя бы под полог палатки. Попросить об этом Тоню... Нет, пожалуй, он это и сам сделает. Все, он пришел в себя. Сколько же он был в забытьи, интересно? Полчаса, час?

Савичев разлепил глаза. Палатку заливал дневной свет, кроме него, в ней никого не было.

Ура не нащупала кобуры на привычном месте.

Вася скосил глаза на ремень. На нем виднелись свежие порезы.

Кобура с "макаровым" исчезла.

16.

"Тоня, — подумал он. — Тоня... Что с ней?" Выскочил из палатки. Тоня сидела на корточках, рассматривая что-то на земле, метрах в тридцати, примерно там, где накануне был накрыт стол.

— Тоня, — спросил он шепотом, — что происходило ночью?

— Ты тоже слышал? — Она подняла на него приветливые глаза. — Доброе утро. Я спала крепко, страшно крепко. Прошлую же ночь мы у фермы провалялись. Ну вот, сквозь сон слышу, кто-то возится рядом. Ты молча лежал, а кто-то возится. Я ему: тронешь — зубами горло порву. И он ушел. Вот и все.

— Кто это был? Длинный?

— Думаю, он, но в такой темноте... Да ладно, Вася, он сразу после этого ушел. Ты лучше сюда посмотри. Видел такого зверя когда-нибудь?

Меж сухих палочек полны стоял на высоких ножках необычный паук, мохнатый, похожий на моток шерстяных коричневых ниток.

— Симпатичный, да?

— Подари его Лому.

Тоня рассмеялась.

— Он в обморок сразу упадет. Хочешь, проверим? Лом! — позвала она.

Лом возился в джипе, наверное, тоже только проснулся. Вылез из машины, пошел было к Тоне, но, увидев паука, застыл метрах в пяти.

— Что это за гадость?

— Сольпуга. Ее еще фалангой называют.

— Стукануть бы ее чем-нибудь. Ядовитая?

— Яда на всю нашу команду хватит, — сказал Вася, хотя фаланг раньше никогда не видел и ничего о них не читал. Ему просто захотелось погугать Лома.

Тот быстренько развернулся и пошел назад, к джипу.

— Нашли что рассматривать. Бензином ее надо облить и поджечь.

— Сольпуга совсем не ядовитая, — сказала Тоня Савичеву. — Ее можно даже на ладони держать. Она только кожу щиплет, и все.

— Кто же заходил? — вновь задал вопрос Вася, скорее самому себе.

— Может, хотели у меня золотую скульптуру забрать? — ответила Тоня. — Возле костра Жоха сказал при всех, что она у меня. Но я ее спрятала. Как чувствовала. Так мы когда уезжаем?

— Сейчас. Пойду только попрощаюсь с Жохой.

Жоха и Грушецкий стояли возле той самой ямы, из которой накануне был извлечен медный казанок. Историк что-то рисовал на листке бумаги и объяснял Жохе. Вася услышал лишь заключительную фразу:

— ...Надо проехать хотя бы пару километров и вычертить схему, а тут уже можно вбивать колья.

— Жоха, — сказал, подойдя, Савичев. — У меня срезают кобуру.

— Да ты что! — Жоха покачал головой. — Говорил же тебе: отдай мне ствол на хранение... И кто это сделал? Кто этот негодяй, ты знаешь?

— Не ломай комедии. — Вася потер виски, тупая боль еще жила в них. — Ладно, оружие мне не нужно, но я просто не думал, что ты можешь так поступить со своим.

— Со своим? — Жоха, кажется, удивился. — Ты что хочешь этим сказать?

— Ты же Афган прошел.

— Прощел. И потому знаю, что пистолет не игрушка, что из него выстрелить можно и иногда пуля попадает в цель. Потому ствол у тебя мои ребята отобрали. Ну как буйствовать после бурной пьянки начнешь?..

— Я выпил мало. Мне подсыпали порошок... — стал объяснять Вася, но тут же понял, что делать это незачем. Жоха, конечно, все знает и так. Он это и сделал, только чужими руками. Руками длинного. — С нами до фермы Лом поедет? — спросил он. — Пора трогать. Не хочу время терять.

— Не теряй. Можешь прямо сейчас заводить свою тачку и дуть отсюда. Но — сам. Девочка и еврей останутся со мной. Причины того я тебе вчера объяснил. А сегодня могу только посоветовать: меньше дергайся. Мои парни тебя и так не слишком любят, потому давать им лишний повод...

— Мы уезжаем, — перебил Савичев говорившего. — Где Заславский?

Жоха укоризненно покачал головой.

— Нельзя же быть таким горячим. И к советам старших надо прислушиваться. — Видя, что Савичев все так же зло, исподлобья смотрит на него, развел руками. — Я предупреждал. Что ж, иди, поговори с Заславским. Он в моей палатке.

Савичев крикнул Тоне:

— Садись в "рафик", мы с Заславским сейчас подойдем.

И пошел к палатке, поставленной Жохой и его молчаливыми помощниками. Откинул полог, увидел Ленечку, сидящего в дальнем углу. У Ленечки были испуганные глаза.

— Ты чего это здесь... — сказал и почувствовал, как в хребет ему чуть пониже лопаток уперся металл.

— Все, парень, считай, что допрыгался. Садись рядом с дружкой и не дергайся.

Голос этот, безусловно, принадлежал длинному. Длинный не служил в спецназе. Если бы служил, то знал бы, как надо лучше держать пистолет и стоять за спиной противника. Первым делом базарить не надо...

Вася крутанулся так, что одновременно левым локтем отвел от своей спины чужую руку с оружием, а правым кулаком врезал молчуну в кадык. Тот не упал только потому, что откинулся на натянутый брезент, и вся палатка зашаталась.

— Бежим, — крикнул Савичев Ленечке. — Прыгаем с ходу в "рафик", Тоня уже там.

Они выскочили из палатки, тут же остановились. Жоха стоял с автоматом, направленным на них. Другой его помощник был рядом, сжимал в руке пистолет с навинченным на ствол глушителем. Свободной рукой он держал за волосы побледневшую Тоню.

— Я же тебя предупреждал, герой кавказской войны, — вновь покачал головой Жоха. — Когда у меня серьезная работа, то я никогда не шушу.

— Гад ты, — сказал Савичев.

— За грубость теперь будешь платить... Нет, пусть друзья за грубость твою платят, а ты, как в армии, будешь чувствовать коллективную ответственность. Федя, почесы еврейчику ножку. Да так, чтоб кость не задеть. Костями мы попозже займемся, если наш друг не поумнеет.

Раздался хлопок, тотчас заорал и упал на землю Ленечка, схватившись за ногу. Кровь моментально выступила меж его пальцев.

— Я доказал тебе, что являюсь человеком серьезным? — спросил Жоха. — Если ты этого еще не понял, то у меня есть и другие аргументы. Девочка твоя ничего, а у меня ребята на нее глаз положили. Можно спектакль устроить. Ты под стволом будешь стоять, а они с ней любовью заниматься. Этого хочешь? Устрою.

За спиной, у палатки, раздался натужный кашель. Это приходил в себя длинный.

Вылез из машины Лом, стоял неподалеку, смотрел на происходящее. Во взгляде его — только любопытство.

На шум прибежал и Колян. Он слонялся по высохшему руслу, наверное, пытаюсь самостоятельно найти след клада, и теперь, ничего не понимая, смотрел то на подвывающего, зажимающего руками рану Заславского, то на Жоху.

— Вы чего тут, а? Чего вы тут?

— Раз все собрались, поясню, — сказал Жоха. — Кое-кто попытался смыться отсюда, чтоб потом вернуться со своей кодлой. Словесные уговоры не делать этого были проигнорированы, потому пришлось выбрать более весомый аргумент. Пусть это будет наглядным примером для каждого.

— Ты человека чуть не убил. — Вася склонился над лежавшим Заславским, но заговорил опять с Жохой. — Отпустите Тоню, пусть аптечку из машины принесет, а то он кровью изойдет.

— Ладно, — согласился Жоха. — перевяжите. Но на будущее запомните все: кто ослушается, тому перевязка уже не поможет. Я неплохо стреляю, даже ночью не промахнусь, Савичев тому свидетель.

— Ты убьешь человека из-за денег? — спросил Вася.

— Я убью человека из-за идеи. Ты из-за этого чеченцев стрелял, я — моджахедов. Нас учили этому: идея — главное. Так? Все мы — говно, а идея — главное. Я ввязался в игру, чтоб раскопать коня, пусть он хоть из глины будет.

Прибежала Тоня, оторвала слабые Ленечкины руки от раны. Пуля действительно пробила только мякоть, но крови вылилось уже достаточно. Тоня смочила тампон йодом, приложила к месту, откуда фонтанчиком выбивалась кровь. Заславский никак на это не среагировал, он, кажется, был без сознания.

— Разговоры о глиняном коне ты бы пропустил мимо ушей, — сказал Савичев, помогая Тоне наложить повязку.

— Ну правильно, правильно. Идея должна быть великой, в данном случае — золотой. Мы же тоже за великие идеи воевали, не так ли?

Из палатки, держась за горло, вышел длинный. Увидел Савичева, сплюнул, решительно шагнул к нему. Тоня тотчас напряглась, застыла, почувствовав

опасность. Вася, наоборот, казалось, расслабился, даже руки опустил, словно смирился с тем, что нога длинного, уже занесенная для удара, угодит сейчас ему в правую почку. Но в самый последний миг он извернулся, упал и, уже лежа, достал каблуком тяжелой берцовки голень опорной ноги нападавшего. Длинный рухнул прямо на него. На это Вася и рассчитывал: теперь он был как щитом прикрыт от двух стволов, тотчас нацелившихся в его сторону.

Вот в таком напряжении все и замерли. Прошло секунд десять, прежде чем Жоха опустил оружие.

— Ладно, — сказал он. — Это не в счет, Савичев. Ты оборонялся. Потому пока живи. Но не дай тебе Бог...

Вася откинул от себя все еще не очухавшегося длинного, встал на ноги.

— Не дай тебе Бог, — повторил Жоха, — хоть чем-то мне помешать.

— Ты опять предлагаешь мне убраться?

— Теперь уже нет. Бросай сюда ключи от машины.

Он ловко поймал ключи на лету, взглянул на них.

— Сюда хорошо подойдет брелок из золотого конька. Прошу вас, мадам...

— Он в палатке. — Тоня наконец управилась с бинтом. — В кармашке спального мешка.

— Иди туда и принеси.

Длинный наконец пришел в себя. Глядя вслед Тоне, он сказал негромко:

— Ладно, я на ней отыграюсь. Такие ножки!..

Жоха услышал его и улыбнулся уголком рта.

Тоня исчезла в палатке и почти тотчас вышла из нее. Крикнула:

— Статуэтка исчезла! Ее кто-то взял.

Жоха бросил быстрый взгляд на рядом стоящего помощника. Тот покачал головой. Ясно, кто срезал с ремня портупею, отметил Вася.

— Не испарилась же она. Найдется. — Жоха оглядел каждого из стоящих здесь. — Найдется обязательно. Но я хочу предупредить, что с вором поступлю очень сурово. Во всяком случае, хуже, чем сейчас поступил с Заславским. У моей палатки стоит медный казанок, и если завтра утром золотого конька я там не обнаружу... Поняли, да? А теперь — за работу. Долину реки мы разобьем на квадраты, обозначим их чем-нибудь и шаг за шагом начнем исследовать.

— А с этими что делать? — спросил длинный, указывая на Савичева, Тоню, которая уже стояла рядом с ним, и пришедшего в себя стонущего Заславского.

— Без оружия и машины они никуда не денутся. Степь вокруг, все видно как на ладони... Но глаз за ними, конечно, нужен. Ты пока от дел свободен, вот и посторожи их. Пусть хворост для костра собирают.

17.

Холодные капли пота на лице Ленечки смешивались со слезами:

— Они нас шлепнут. Найдут, не найдут золото — все равно шлепнут.

— Зачем им это? — не согласился Вася. — Лишняя кровь — лишние хлопоты.

— А ты, правда, в Чечне людей убивал? — спросила Тоня.

Они сидели втроем с подветренной стороны палатки. Дул "астраханец" — жаркий, сухой, колючий от песка. Поначалу палатка не только защищала их от ветра, но и давала тень. Теперь же солнце поднялось в зенит и пекло нещадно.

— Кожу сожжешь, — сказал Савичев Тоне. — Откажи тельник.

Тоня послушно спрятала в рукава тельняшки руки и переспросила:

— Убивал?

— Убивал. Одного — точно.

Это было в самом Грозном. Прижавшись к стене дома, они вчетвером готовились перебежать простореливаемую улицу. Вася стоял рядом с Татаринковым. Женька Татаринков призывался аж из Забайкалья. Берцы — сорок седьмой размер. Пробовал курить "травку", броня краснела от его мата. Женьку во взводе не больно любили, он "стариковал", он "духам" пуговицы в грудь вмinal.

Татаринков стоял первым от угла, он и должен был первым бежать. Вася увидел, как пуля вошла ему в лоб. Татаринков сначала не упал, он даже губами еще шевелил, губы кривились и пытались что-то выговорить, а глаза уже затухали. Вася видел и стрелявшего, тот лежал на кромке плоской крыши двухэтажного строения — то ли школы, то ли детсада. Вася ударил по нему. Снайпер приподнялся, может, пуля его зацепила, может, убежать хотел. Вторая очередь — и тот вниз головой полетел на асфальт...

Вообще было много боев и пуль много выпущено. Не проследишь же полет каждой.

Тоня поняла его молчание по-своему.

— Тебе неприятно об этом говорить, да? Ты не хочешь вспоминать?

— Болтать не хочу.

— Не понимаю, как это: учить человека убивать других. Не понимаю.

Длинный охранник сидел в полусотне шагов от них, жевал хлопья хрустящего картофеля.

— Его не надо трогать? — спросил Савичев.

— Ты о чем? — не поняла Тоня.

— Если он сегодня вечером будет срывать с тебя одежду — его не надо убивать?

Тоня закусила сухую, потрескавшуюся до крови губу, прикрыла глаза, сказала решительно:

— Пусть только попробует.

И поежилась, будто стало холодно.

Он попробует, подумал Савичев, и ты ничего с ним не сделаешь. Даже если ему никто не будет помогать, он оглушит тебя, избьет. Но остальные будут смотреть или даже помогать ему. Почему бы не попробовать красивой девки? Если это произойдет, тогда Заславский прав — тогда их могут и шлепнуть, троих. Чтоб не было ни потерпевших, ни свидетелей. Яма уже готова — та, откуда извлекли золотого конька. Три трупа за конька. А плата за большого коня — соответствующая, вон сколько старых черепов в земле. Тогда не было спецназа, тогда вроде бы не учили убивать...

Полно черепов.

Ладно, что делать-то?

Жоха во многом прав — в степи не спрятаться.

До Маньча — километра два, там камыши, в них можно затеряться. Но как добраться хотя бы до них? Длинный уже ученый, больше сбить себя с ног он не даст и сейчас сидит на стреме, кобура расстегнута. А если бы и не так, а если бы вновь заломал его Савичев, что из того? Куда с одним "макаровым" против автомата, против всех?

Застонал Ленечка:

— Нога... Дергает рана, гад.

Самому можно было бы еще попробовать. Но есть Тоня, есть Заславский, и их, конечно же, не бросишь.

— Ой, дергает!..

— Слушай, длинный, Заславскому плохо, в палатку бы лечь ему, а?

Длинный начинает старательно поправлять на голове панамку, видно, соображает, как ему поступить.

— Пусть, если сможет, сам туда заползает. А вы сидите на виду.

На себе тащить Ленечку до камышей — нелепая затея. И оружия нет, и машины.

Заславский, постанывая при каждом движении, карабкается в палатку.

Если переть его на себе, то два километра — это много. Дохлый вариант. Другие искать надо.

На "рафике" можно пока ставить крест, ключи от него Жоха забрал. Джип. Лом ночует в машине, но, когда уходит, ключ вытаскивает. Соединять напрямую, возиться с проводками — на это нужно время, его тут никто не даст. Лом, видно, всю жизнь на вторых ролях, он привык ходить под кем-то, Жоху признал начальником с ходу. Его на свою сторону не перетянуть.

Лом... Он соврал Жохе, что у него нет оружия. А ведь у него есть пистолет, есть. Куда он мог его припрятать? Ну не в карман же. В машине лежит ствол. Там тоже у них полно тряпок, ящиков... Нет, ящики отсюда берут и помощники Жохи — в них консервы, бутылки с водой. Пистолет не там. Он где-то рядом с сиденьем водителя. Во всяком случае, Савичев бы держал оружие так, чтоб оно было под рукой. А иначе зачем же прятать?

Так, так, так... Соображай, головушка, соображай!

Вася поднялся, потирая затекшие от сидения ноги. Охранник сменил позу, поправил кобуру. Не тревожься, длинный, усмехнулся Савичев, не о тебе пока мои думы.

Встала и Тоня. Негромко спросила:

— Никакого выхода, да?

— Обед скоро, — ответил он.

— Ну и что?

— Дрова на костер надо собирать. А что в голой степи найдешь?

— Опять не поняла. Меня другое интересует: шансов смыться отсюда нет?

— Там, видно, была старая лесополоса, — указал на несколько сухих покрученных деревьев, черневших метрах в трехстах, Вася. — Далековато, чтоб туда-сюда бегать, в руках по ветке таскать.

— И ты думаешь, он тебе машину для этого выделит? Одного отпустит?

Савичев посмотрел на Тоню.

— Один, без вас, я отсюда и не ушел бы. Тоня, как

ты этих коричневых пауков называла? Сольпуги, что ли?.. Мы можем их сейчас найти?

Тоня внимательно посмотрела на него, потом опасливо спросила:

— У тебя голова не болит? Не перегрелся? Что это ты о пауках заговорил?

— Надо все шансы использовать. Есть одна задумка. Так как с сольпугами?

— Они вылезают из нор вечером и утром.

— До утра дожить еще надо. Вечер... Слушай, Тоня, ты ведь хорошо водишь машину...

18.

Дрова тут горели быстрее бумаги, а на туристском примусе готовить было неудобно, его хватало лишь на то, чтобы вскипятить пару литров воды. Жоха выслушал предложение Савичева и согласился с ним.

— Лом, разгрузай джип, перетаскивай свой груз в "рафик". Все равно придется вверх по руслу сухому проехать, пусть и там Грушецкий со своим аппаратом походит.

Лом воспринял приказание не слишком радостно:

— Давай лучше в "рафике" дрова возить. Зачем хо-рошую машину засорять?

— Давай лучше не спорить. Ты и джип-то водишь неуверенно, а сажать за руль героя кавказской войны мне что-то не хочется.

— Так сам садись, — сказал Вася.

— Я двух вещей боюсь: технику и воду. В детстве на мотоцикле разбился и тонул. Теперь не езжу и не плаваю. Глубже чем по грудь в воду не захожу. Ладно, пообедаем — и на разгрузку джипа.

— Я сам все оттуда вынесу, — поспешно сказал Лом.

Ели и обсуждали то, что еще предстояло сделать. Русло по всей ширине и метров на восемьсот в длину уже разбили на шестнадцать квадратов, теперь каждый квадрат, до сантиметра, надо будет обследовать миноискателем Грушецкого. После этого, если ничего не найдут здесь, переедут на километр выше по руслу.

— Но я уверен, что переезжать никуда не придется, — убежденно бил ладонью по книге историк. — Крестом Данилов пометил именно это место! Да и костей здесь сами видите сколько. Чуть копнешь и... Конь должен быть спрятан или на поле боя, или рядом с ним, на берегу реки.

— А почему не в степи? — спросил Колян.

— Там они бы просто не выкопали глубокую яму, вот почему. Нет, коня или в иле притопили, или в глубокой воде, в расчете на то, чтоб после боя можно было достать. Это же все так ясно!

— Было бы ясно, — сказал Савичев, — Данилов бы довел дело до конца.

Жоха перевел взгляд с Васи на историка.

— А действительно...

— И довел бы! — Историк открыл книгу. — Но вот переписчики же со слов Ртищева засвидетельствовали: вскоре после возвращения в Москву думный дьяк Михаил Данилов помер.

— Ты дальше, дальше прочти, — слабым голосом сказал Заславский. Ему стало немного лучше, он хоть и сильно хромая, но уже наступал на раненую ногу. Вот и к костру из палатки вылез. — Что еще Ртищев сказал о смерти дьяка?

— Да ничего там особого нет. На Маныче укусила его вроде какая-то гадость, то ли паук, то ли змея, всю дорогу домой дьяка лихорадило, одно время вроде даже лучше стало, но потом он все-таки умер.

— О Господи! — выдохнул Лом и оглядел вокруг себя землю. В его глазах был страх.

— Я другое имею в виду. — Заславский, кривясь, положил забинтованную ногу поудобней. — Ртищев ведь вывод сделал, переписчики его красной строкой обозначили.

— Ртищев, как и сам царь Алексей Михайлович, был мягкий, набожный человек! И не надо придавать такое значение всем его словам. И потом переписчики могли это сами за князя придумать.

— Что именно? — спросил Жоха.

Историк нехотя ответил:

— Ртищев якобы написал: Данилова постигла кара Господня за то, что он нарушил вечный покой героев, павших ради презренного металла. Но это же чушь!

— Я-то думал... — буркнул Жоха. — Давайте лучше вопрос с дровами решать, а не сказки рассказывать. За ними, значит, едешь ты, Лом, и...

— Сам управлюсь, — сказал Лом. — Машину и разгрузу, и загрузу сам.

Жоха пожал плечами.

— Как знаешь. Может, это и к лучшему. Мы после обеда уже квадраты обследовать начнем, вполне возможно, рабсила в качестве землекопов нужна будет. Езжай сам.

В планы Савичева это не входило: ему так хотелось пощупать джип, погадать, где в нем можно хранить оружие. Теперь, после пропажи золотого конька и угроз Жохи, Лом может испугаться, что в машине устроят шмон...

Потому, когда Лом, первым расправившись с обедом, поспешил к джипу, Вася подсел к Жохе.

— Мы все еще входим в пай при дележе или ты нас уже вычеркнул?

— Посмотрим, — неопределенно ответил тот. — А с чего это вопрос возник?

— Доли своей жалко, Жоха. Маленький конек — он тоже кое-чего стоит. Вдруг его Лом увел, а? Потому так хочет один отъехать. Припрячет там — черта с два найдем.

Жоха немного подумал, потом сощурил глаза.

— Хочешь с ним поехать?

Вася покачал головой.

— Ты мне такого не доверишь, даже если бы я и сказал, что хочу.

— Не доверю. Вышвырнешь его из машины... Но в принципе ты прав. Пусть мой парень с ним прокатится. Лом! — крикнул он. — Поезжайте все-таки вдвоем, быстрее будет.

— Да куда торопиться? Я и один справлюсь.

— Вдвоем, я сказал!

Уехала машина, ушли обследовать квадраты историк с Жохой и Коляном, а их опять остался охранять длинный. Он так же, как и раньше, сидел в отдалении и не разрешал приблизиться к себе.

— У меня нога горит, — пожаловался Заславский. Выглядел он просто скверно. Загар его не брал, потому казался он бледнее обычного. Синие луны четко выделялись под глазами. Йодом и бинтами тут, конечно, не помочь. Ничего другого в ап-

течке не было. В этой степи не рос даже подорожник, его бы можно было к ране приложить. В больницу надо Заславскому, нельзя с этим делом затягивать.

Хорошо, что Жоха не шофер. Он думает, раз ключи забрал, так и все, так и умер "рафик". Завести его — раз плюнуть, но от джипа на нем не уйти. Причем "рафик" груженный, а джип теперь, можно сказать, пустой.

— Может, мне опять в палатку уползти? Голова кружится, в сон клонит.

— Какая палатка? Мы же договорились, как только джип остановится, к нему идти. Как можно ближе к нему.

— Не выйдет у нас ничего.

— Не ной!

— Курить хочу, — вздохнула Тоня. — Как же я хочу курить! Эй, длинный, дай сигаретку.

— Дашь на дашь, — заулыбался тот.

— А не дорого торгуешь?

— Две сигареты получишь, если понравишься.

— Скотина ты!

Охранник довольно заржал.

— Если выкрутимся, — сказала Тоня, — уеду в деревню, разведу там табак и года три не буду за пределы двора выходить, честное слово. Лезут все, как... Вася, у меня что, внешний вид гулящей девки, а?

— У тебя хороший внешний вид, — ответил Савичев, глядя в степь.

Она положила ладонь на его плечо.

— Ты хороший парень, Вася. Ты очень хороший. Жалко только, не куришь.

— Зато под окнами табак растет. Хозяева, у которых я дом купил, его посадили. Большие такие листья...

— О, тогда приглашай в гости!

— Приглашаю.

— Ну что, пошла я сигарету кланчить.

— Давай. Только осторожней.

— Длинный, — Тоня опять повернулась к охраннику, — ну дай сигарету.

— Иди сюда, может, договоримся.

Она чуть пожала Васино плечо, встала.

— Не переиграй, — попросил он ее еще раз.

Подъехал джип. Савичев подошел к нему, начал помогать вытаскивать из салона колкие корявые стволы.

— Мы там еще на одну ходку наготовили, — сказал Лом. — Все сразу не поместилось. Салон маленький все-таки.

Савичева огорчило не то, что салон маленький. Вытащили последнюю деревяшку, и в машине не осталось ничего. Ни тряпки, ни ящичка, ни коробок, куда бы можно было спрятать пистолет. Неужели Лом действительно безоружен? Выбросил ствол еще там, у домика на берегу Маныча? Если так, то это очень плохо. Опять придется все менять.

Джип умчался к лесополосе. Савичев остался у сушняка, стал складывать поленья и ветки в ровную пирамиду — делать все равно было нечего. Подошла Тоня, по-мужски, не вынимая сигареты из губ, спросила:

— Как успехи?

Савичев посмотрел на солнце. Оно уже клони-

лось к западу и все сильнее наливалось красным цветом. Кажется, это к непогоде, к ветру. Опять к ветру.

— Уже вечереет, — сказал он. — Где твои сольпуги и гарантулы?

— Пойдем искать. У меня для них есть пустая пачка из-под сигарет. Нор полно, вода рядом, — она указала на большую соленую лужу, бывшую когда-то то ли озерцом, то ли заливом в реке. — Пустую бутылку только возьми, может, заливать этих тварей придется.

Заславский остался у дров, а охранник, ни о чем не спрашивая, поднялся и, сохраняя дистанцию, потопал за ними. Лишь увидев, что они начали лить в норы воду и вылавливать крупных серых пауков, спросил:

— Это для чего? Китайский ужин хотите приготовить, что ли? Там, говорят, такое едят.

— Лому подарим, у него скоро день рождения, — ответила Тоня, отправляя в коробку огромную мохнатую сольпугу.

Длинный рассмеялся.

— Представляю его морду! Когда дарить будете, меня позовите, ладно?

Пора было возвращаться — джип тронулся от лесополосы. Вася сунул пачку с пауками в карман, пошел к Заславскому. Тот выглядел хуже не придумаешь. Нога, конечно, ногой, но и страх свое дело сделал с человеком.

— Вася, может, отставим все, а? Может, обойдется и так? Сегодня-завтра найдут они этого коня, заберут его и уедут, а нас отпустят, а?

Нас могут отпустить, если ничего не найдут, подумал Савичев, но вслух этого не сказал. У него было время для размышлений. Жоха — профессионал, ему не надо так много свидетелей того, откуда у него золото.

— Ты же, Вася, сам говорил — зачем им лишний грех на себя брать?

— Думаешь, они знают, что такое грех? Я стал в этом сомневаться... Не трусь, готовься.

Джип остановился рядом. Лом сразу принялся вываливать на землю дрова, охранник вышел из кабины, зевнул:

— Ну что, вдвоем справитесь?

Но уходить не спешил, закурил, глядя, как Савичев включился в работу.

— Сигарету не дадите? — подошла к нему Тоня.

Тот отвлекся на несколько секунд. Лому тоже было не до Савичева... Все нормально...

Охранник щелкнул зажигалкой, поднес огонек Тоне. Еще раз окинул взглядом машину и потопал к руслу сухой реки, туда, где в одиночестве сидел на перевернутом ящичке Жоха. Колян и Грушецкий лазали недалеко от старой воронки с миноискателем. Пару квадратов они уже обследовали, ничего не нашли.

Вася взял одну из палок, лежавшую в углу салона, тут же бросил ее назад, ругнулся:

— Вот черт!

Лом, проследив за его взглядом, с шумом шахрахнулся из салона в кабинку, упал на сиденье. Охранник был еще недалеко, метрах в пятнадцати. Он развернулся, расстегнул кобуру, подбежал к машине.

— Что тут? — цепким взглядом окинул Лома, Савичева, успокоился, убрал правую руку от пояса.

— Вон, — сказал Лом, тыча пальцем в коричневого паука, застывшего на дровах. — Загрузили, видать, с палками. Как же теперь быть?

Охранник рассмеялся:

— Ну, это уж сами тут решайте, как быть. Я пошел.

— И серые ползают, тарантулы. — Вася поднял одну из корявых веток, на которой восседало сразу два паука, будто ненароком приблизил ее к лицу Лома. — Вы в машину целый ядовитый выводок затащили.

Лом поднял руки, словно на него направили пистолет:

— Убери эту мразь, убери!

— Представляешь, прыжок — и все, и нет человека. Дьяк Данилов от этого помер.

Лом зашарил рукой, пытаясь открыть дверцу, но Савичев уже был рядом и зашептал:

— Где пистолет? Быстро говори, где пистолет? Я же знаю, он здесь. Жоха сейчас будет осматривать машину, и, если найдет оружие, тебе крышка, соображаешь? Он будет золотого конька искать, а тут — ствол. Гоня его сюда, идиот! Или ты жить не хочешь?

На Лома обрушилось сразу всего столько, что он, кажется, перестал соображать. Он открыл бардачок и вытащил оттуда коричневую вязаную перчатку:

— Тут.

Савичев лишь головой покачал.

— Ты даешь!

Но тут же подумал: “А что, нормально у него все получилось. Я, к примеру, и не сообразил бы искать ствол на самом, можно сказать, видном месте”. А вслух сказал:

— Теперь — тихо! Никому ни слова. Выходи из машины и стой пока рядышком, понял?

Дважды просить об этом Лома не пришлось. Остановился он только не рядом, а чуть поодаль от джипа и начал яростно стряхивать с себя прицепившиеся к одежде веточки и старые листья.

— Что, вручили ему пауков? — захохотал длинный.

Слава Богу, Лом был до того растерян, что не вдумался в смысл этих слов. И второй охранник, Федя, тот, который стрелял в Заславского, только обернулся на секунду, не замедлив шага.

Вылез из джипа и Савичев. Тоня сразу же обратила внимание, как он растерян. Руки их соприкоснулись.

— Пистолет без магазина, — сказал Вася. — Этот гад, наверное, выкинул магазин. Но непонятно, зачем он ствол с собой возил. Непонятно!

Тоня положила пистолет в карман брюк.

— Ладно. Охранник же не знает про магазин, так?

— Если что — я рядом.

— Как и договаривались, через две минуты...

Савичев принялся разгружать машину, Лом стоял чуть поодаль и все так же нервно дергался, пританцовывал, Заславский сидел метрах в трех от дверцы джипа со стороны пассажира. Тоня щелчком отстрелила окурок сигареты, крикнула длинному:

— Угости еще даму, а?

Тот игриво заурчал:

— На ранее оговоренных условиях.

— Две сигареты?

— Дам две.

Он поднялся на ноги, загарцевал на месте нетерпеливо, как жеребец.

Савичев сбросил последнее полено, захлопнул заднюю дверцу джипа, подошел к Лому. Тот потихоньку приходил в себя и смотрел на Васю недоверчиво, со страхом.

— К кабинке машины не подходи, — сказал ему Вася. — Для своего же блага, понял? Иди и ковыряйся в дровах.

— А в чем, собственно, дело? — не совсем уверенно попробовал возразить Лом. — Я просто забыл о пистолете. Машина же не моя, а Саныч, значит, и ствол его. Почему я должен отвечать за чужой ствол?

Тоня и ее длинноногий кавалер не спеша идут в сторону палатки. Второй охранник присел рядом с Жохой, они о чем-то мирно и задушевно разговаривают. Сумерки сгущаются. Все отлично пока. Только бы Лом перестал выламываться.

— Я пристрелю тебя! Если ты еще будешь базарить, я тебя пристрелю! Иди к дровам и ни во что не вмешивайся.

Лом не понимал, что происходит, но Васе он поверил. Поверил, что тот может и выстрелить. Он прошел к сброшенным веткам и лихорадочно принялся их перекладывать с места на место.

Тоня с длинным охранником зашли в палатку.

Савичев посмотрел на часы, потом, стараясь шагать спокойно, не спеша, лениво даже, тоже направился к палатке. И не хотел, но все же скосил глаза туда, где сидел Жоха.

Жохе было не до Савичева. Со стороны старой воронки к Жохе бежали Колян, Грушецкий, махали руками и что-то кричали. Что именно, разобрать было трудно.

Савичев еще раз посмотрел на прилежно работающего Лома, на часы и шагнул за полог палатки.

19.

Помощник Федя присел рядом с Жохой и молча положил тому на колени снаряженный магазин от “макарова”. Жоха взял его, повертел в руках, спросил:

— Я так понимаю, что изъял это у Лома?

Федя кивнул и добавил:

— Вместо золотого жеребенка. Его в машине нет.

— Нет? Или просто не нашел?

Тот не ответил, только хмыкнул: мол, обижаешь, начальник.

— А что Лом на это сказал? — Жоха подбросил магазин и тут же поймал его.

— Ничего не сказал. Он не знает. Ствол я оставил там, где он и лежал.

Жоха подумал немного и согласился:

— Правильно.

— Кончать их надо, шеф.

— Если золото найдем — да.

— А если не найдем?

— Тогда бояться их нечего. Разбежимся — каждый при своих бубновых интересах.

— И девочку не заламаем?

Жоха посмотрел в сторону палатки. Тоня о чем-то говорила с длинным, наверное, выпрашивала сигарету. Хорошо что хоть брюки надела, нельзя при пацанах ногами светить, они и так по бабам стосковались, особенно длинный. Но если ее разложить при всех, тогда и Савичев, и Колян, и Лом, и историк — свидетели, их надо будет убирать. Море крови на пустом месте. Стоит ли доходить до этого?

— Неужели до Ростова не потерпите? — спросил Жоха. — Там казачки — не чета этой. Выбор на любой вкус.

— А тут — экзотика. Иногда, шеф, бананы да ананасы жрешь, жрешь — и вдруг захочется яблока. И потом, когда орет, дергается, — кайф. Тебе что, жалко их, что ли?

— Море крови на пустом месте.

— Будто мы в том же твоём Саратове меньше ее пустили, когда инкассаторов мочили.

— То — другое дело. Там было ради чего — хорошие деньги. А тут — девочку трахнуть... Вся соль — в цели, Федя, я же сто раз тебе это говорил. Я на первую "мокруху" знаешь почему пошел? После Афгана к командиру своему приехал, к подлюке...

— Ты уже сто раз мне об этом рассказывал...

После Афгана они вместе собрались, три дружка. Повспоминать, водку попить. Вместе под обстрелами были, вместе на операции ходили. Четвертый еще у них друган был, Борька Болюх. Его в первую очередь вспомнили, за него, не чокаясь, приняли. С Болюхом они, было дело, магазинчик ювелирный попотрошили. Причем все в законе вышло. Магазинчик снарядам разворотило, а они рядом оказались. И взяли-то по мелочи — кулончики, цепочки, медальончики — что в горсть вместились, то и взяли. Жохе, правда, еще цветок какой-то достался, типа розы. Стебелек, два листика, бутончик. Все в желтом исполнении, естественно.

Кто-то их заложил, иначе как бы капитан Зотов просек? Под пулями никто его не видел, он только языком работать умел. Ну вот, вызвал их, значит, Зотов. Или все, говорит, на стол, или под суд пойдете. А на хрена суд? Пусть забирает да замнет это дело. Отдали все. У Болюха только на шею медальон остался, что-то вроде звездочки на золотой цепочке. Дня через три Борька накрылся, весь живот ему разворотило, кишки, легкие — все наружу. Жоха его тащил на себе, надеялся, что зашьют медики, сделают что-нибудь. Может, и спасли бы, да Борька до операционного стола еще умер. Крови на нем было... И медальон этот в крови, Жоха хорошо это запомнил...

Ну вот, собрались, значит, врезали, помянули. Вспомнили, что Зотов недалеко живет, километров за триста. Пнида, конечно, а все ж вроде свой. Поехали в гости.

Зотов сам им дверь открыл. Голый по пояс, в штанах спортивных. А на шею — тот медальон. С убитого снял, с Болюха, выходит. И в хрустальном шкалике — роза золотая, та самая. Ну, розу можно было еще простить, а вот медальон...

— Его, Федя, нельзя было не наказать, понимаешь? Ну и развернулись мы.

— Да слышал я эту историю, слышал!

— Слышать мало, ее понять надо. Мы тогда правильно поступили, я не жалею.

— Кабы тот капитан на тебе один был. Если засветишься, такую нитку могут потянуть. Ты же, Жоха, нас сам учил никогда никого и ничего после себя не оставлять. Зачем нам, дескать, гадать — заложат, не заложат? Пиф-паф — и все. Девку — в последнюю очередь.

Длинный поднялся, пошел вслед за Тоней. Куда, интересно? Неужели в палатку? Неужели добровольно? Уговорил-таки ее, а? А чего же Савичев ушами хлопает? Стоит, дровишки кидает. С Ломом базарить начал. Головушку понурил, ноги еле волочит. Отлуп она ему дала, что ли?

Вот его жалко. Черт-те почему, но жалко. Пусть Федор с ним разберется и где-нибудь в стороне.

— Жоха! Есть! Есть!

Грушецкий и Колян со стороны старой воронки бегут. Чего они там нашли, интересно? Еще один медный горшок? Если опять с коньком, то неплохо. Узнать бы еще, куда первый делся.

— Жоха! — Слова у историка прямо-таки громоздятся друг на друга, его даже понять непросто: — Показало! Большое. Есть, понимаешь?! Масса большая там! Копать надо.

У Коляна на руках подрагивали синие якоря, он тоже был возбужден, он уже выбирал ломик покрепче.

— Копать надо, Жоха!

Заходило солнце, и все ярче проявлялась на сероватом небе луна.

— Куда спешить? — лениво улыбнулся Жоха. — Он же до утра не ускачет, ваш конь? Сейчас пойдем поужинаем, отдохнем, выпьем... Ни к чему ночью копать.

— Как хочешь. Но мы хотя бы немного... Только начнем...

Колян с ломом, историк с лопатой помчались к воронке. Федя тоже заерзал. Невтерпеж и ему, видно, золото пощупать. Да и у Жохи руки чешутся по этому делу, признаться. Но он же не мальчишка, надо сдерживать себя.

— Пойдем взглянем, шеф.

— Иди. Я тут посижу.

— Да, я схожу. А то ведь могут прикарманить.

Жоха опять перевел взгляд на палатку. Ну вот, забазарился тут, не уследил, куда Савичев делся. И длинного не видно. Лом у машины стоит, девочка — вон она, к Лому топает. Заславский, наверное, в палатке с ногой со своей. Ладно, скоро отмучается...

Что-то непонятно: девка в машину залазит, а Лом стоит, руки повесил. Попросил ее, наверное, пауков в кабине погонять? А это кто? Заславский. Что за черт! Трогается джип, скорость набирает.

Не отрывая глаз от машины. Жоха зашарил руками по земле, у ног, нащупывая автомат. Темновато. Тяжело стрелять будет. Лом стоит, как суслик у норки. Или девка покатайся хочет, пару кругов дать? Где же длинный? Где Савичев? Нет, джип удаляется, к Маньчу прет.

Жоха вскинул автомат.

И тут раздался взрыв, его волна опрокинула Жоху наземь.

В палатке Савичев увидел то, что и ожидал. Длинный лежал, смиренно вытянувшись, а в лоб ему упирался ствол "макарова". Тоня, держа пистолет, выговаривала при этом охраннику совсем не любовные слова.

Вася вытащил у него пистолет из кобуры, сразу же снял с предохранителя, загнал патрон в патронник. Потом ощупал карманы лежавшего. Они были пусты, если не считать сигарет и зажигалки. Курево тут же реквизировала Тоня.

— Глуши его, и бежим, — сказала она.

— Выйди из палатки, посмотри, что делается. Где Жоха?

— Бежим, Вася!

— Выйди и посмотри! Только не суетись.

Тоня вышла, негромко сказала из-за полога:

— Все нормально. Лом у дров, Жоха сидит, на меня смотрит. Заславский уже возле дверцы, только нас ждет.

— Езжайте, Тоня. Я уйду и так. Уже темно, я уйду. Тем более теперь оружие есть.

— Васечка, поехали, Вася!

— Ну не могу же я этого дурака пристрелить. Езжай! Ты все погубишь сейчас! Оставляй студента в первой же попавшейся больнице, поняла?

— Васечка...

— Езжай! Еще минута — и всем крышка! Жоха раскусит нас.

Зашелестели шаги по жесткой траве. Ровненько заработал мотор. Хоп! Тронули. Секунда, две, три... Не стреляет Жоха. Все, упустил он шанс. Теперь разве что какая дурная пуля их настигнет.

— Ну что, милый, спокойно будешь лежать или как? Мне уходить надо.

Савичев уже присмотрел маршрут, как ему удобней бежать. Степь — она не такая уж и ровная. Есть ложбинка небольшая, по ней и надо рвануть. Снизу, с русла высохшей реки, Жоха его своим автоматом не достанет. Жохе надо сюда, к палаткам, подняться. Но, пока он поднимется, будет время отойти на приличное расстояние. Так, как Савичев, в роте никто не бегал. А пробежать-то всего пару кмэ до озера, до камышовых зарослей. Они не ахти какие, но ночью и в них затеряться можно. Он пробежит эти километры. Марш-броски с полной выкладкой научили. Длинный следом вряд ли победит, длинный пули испугается. Лишь бы сейчас в горло не вцепился...

Вася, не сводя прицела с лица охранника, подошел к пологу палатки. Ему уже не надо осматриваться. Ему сразу надо рвать когти.

Взрыв. Ходуном заходил брезент. Что рвануло и почему — не время сейчас рассуждать.

Хорошая почва, крепкая, отталкиваться от нее удобно. Пять метров, десять... Не стреляет. Все, можно уйти. Интересно, сколько патронов в пистолете? Может, тоже один, как у Сашка? Ага, шум сзади, крики. Нет, это они между собой о чем-то кричат. Тридцать метров, тридцать пять... Можно уже не считать шаги. Теперь его догнать под силу только на машине, на "рафике". Но не зря же Вася с дровами возился, перед капотом пирамиду выложил. А задняя передача барахлит, это только он сам, хозяин, с ходу ее рубить может. Они — повозятся.

Все, полпути позади, погони нет. Что там у них произошло, интересно? Отчего так рвануло? Савичев замедлил бег, оглянулся.

В сумерках уже трудно что-нибудь рассмотреть. Можно лишь догадаться, что взрыв произошел там, где возились историк со своим инструментом и Колян.

Короткая очередь. Это не трассеры, не определить, куда летят пули, но над головой не свистят. Значит, не в эту сторону послал их Жоха. По кому же он стреляет? Ничего не понятно, хоть назад возвращайся.

Так, зажглись фары "рафика". Машина маневрирует, скорее всего поедет сейчас в эту сторону. Вслед джипу. Ну, за джипом ей не угнаться. "А мне надо побыстрее к камышам, — думает Вася. — Укрытие — лучше не придумаешь. Вот они, недалеко уже, один бросок".

21.

Жоха так и не успел выстрелить по уезжающему джипу. Взрывная волна опрокинула его, а когда он вновь встал на ноги, то было уже не до стрельбы.

Метрах в тридцати от него натужно стонал Федя. Он стоял на коленях, уткнув лоб в землю, схватившись руками за низ живота. Жоха прошел, не останавливаясь, дальше, к свежей воронке. Он уже все понял. Вспомнил слова чабана, с которым разговаривали накануне, и понял. Тогда взорвались не все бомбы. Одна вошла в землю и ждала своего часа. Ее то при помощи своего инструмента и разыскал Грушецкий. Копнули лопатой, ударили ломом... У Коляна сильная рука.

Вот он, Колян. Еще живой, но уже не жилец. Ногу оторвало, ее вообще не видно. В груди страшная рана. Губы хватают воздух. Он еще и шепчет что-то.

— Дух Бачмана... Бачмана...

Все, застыли губы.

Поодаль — просто куски мяса. Все, что осталось от историка.

Хорошо, что он, Жоха, прошел Афган, что видел уже такое, потому от виденного не мутит. Мозги продолжают работать четко. Он возвращается к Феде:

— Что у тебя?

— Осколок, кажется. — Федя поднимает на него лицо, даже в сумерках кажущееся белым: — Не оставляй меня, Жоха. Отвези в больницу.

— Потерпи, мы с длинным тебя сейчас поднимем.

Жоха шагает к палаткам, к "рафику" и размышляет. Гнаться за бежавшими — пустая трата времени. Джип — машина скоростная. И потом самое время очень дорого для Жохи. Взрыв был такой силы, что его могли услышать далеко от этого проклятого сухого русла. И любопытные рыбаки могут примчаться сюда, и менты. Встреча с ними никак в его планы не входит. Потому надо побыстрее собирать вещи и смываться отсюда. Сорвать палатки. Ящики с водой, продуктами пусть остаются, они вряд ли пригодятся, только машину утяжелят и займут в ней все свободное место. А надо еще уложить Федю. Федя — напарник старый, испытанный, они вместе уже лет пять, потому, если есть возможность его спас-

ти... До Ростова бы дотянул, а там бы им занялись толковые медики — есть у Жохи среди костоправов свои люди.

Так, стоят длинный и Лом. Где же Савичев? В джип он, кажется, не садился.

У длинного испуганные и виноватые глаза.

— Жоха, он всех отпустил, он с ними в створе был, — тычет пальцем в Лома.

— Где Савичев?

— Я же говорю — они все заодно! Савичев убежал к Манычу, вслед машине.

Жоха направил автомат на Лома.

— Нет! — затряс головой Лом. — Вы чего?! Я бы с ними тогда уехал.

Жоха опустил ствол.

— Логично.

Лом приободрился:

— И потом, мы же разгрузили джип и канистру с горючим вытащили. А в баках дизтоплива почти не осталось, они и до трассы не дотянут.

— Соображаешь. Ладно, живи пока. Будешь умницей, если еще вспомнишь, куда конька золотого дел.

— Я не брал его, Жоха, клянусь, не брал!

— Вернемся к этой теме после. А сейчас пойдёмте Федю в машину перенесем.

— А Коляна, Грушецкого?

— Им не нужна помощь...

Лом понял эти слова по-своему:

— Так что, их даже не зацепило, да?

Жоха повернулся и зашагал к воронке.

— Спешить надо. Аптечку возьмите.

Федя находился в той же позе. Он болезненно улыбнулся, увидев подошедших.

— Мне уже легче.

Его уложили на бок, подняли рубаху. Темная фасолка чуть ниже пупка, со стороны спины все чисто. Осколок остался внутри. Как могли, наложили повязку.

— Ног не чувствую, — сказал Федя. — Совсем шевелить ими не могу.

Длинный и Жоха переглянулись. Федя заметил это и испуганно зачастил:

— Это пройдет, просто шок. Я до Ростова дотерплю. Не бросайте меня только!..

Лом увидел лежавшего Коляна, пошел к нему. Потом глаза его остановились на том, что осталось от Грушецкого. Лом боком, пошатываясь, стал отходить в сторону.

— Эй, — позвал его Жоха, — иди помоги нам!

Но тот словно и не услышал этих слов, лишь ускорила шаги, уходя в степь.

— Лом, назад! Стрелять буду!

Тот перешел на бег.

Жоха, не целясь, скинул автомат, выпустил короткую очередь. Беглец упал.

— Проверить? — спросил длинный. — Может, приотворяется?

Жоха хмыкнул:

— Исключено. Берем Федю, несем в машину.

— Вы напрасно его, — простонал Федя. — Кто машину поведет теперь?

— Он бы в таком состоянии и не совладал.

— Так очухался бы.

— Нет у нас времени ждать, когда он очухается.

Взрыв вон какой был! Набегут и менты, и все кому не лень.

— До трассы я “рафик” дорулю, — сказал длинный. — А дальше — там полно машин. Я даже правил движения не знаю.

— Дальше попутками добираться будем.

— А я? — встрепенулся Федя и сразу же скривился от боли. — Вы что, бросите меня?

Жоха буркнул длинному:

— Бери его за шею и под колено. Несем.

Длинный поморщился.

— У него эта штанина в крови... Жоха, а мы сюда еще вернемся? Я миноискатель добуду, и нам уже никто не помешает...

— Сейчас надо думать о том, как отсюда смотаться!

— Только не оставляйте, — прошептал Федя.

Сорвали палатки, бросили их в машину, наверх положили вещмешки, на них — раненого.

— А где эта книга историческая, с картами? — спросил длинный.

— Тут где-то, в баракле.

— Найдем переводчика... Золото все окупит, так ведь?

— Поехали, поехали быстрее!

Длинный вел машину безобразно, “рафик” то и дело съезжал с укатанной колеи и прыгал на кочках. Федя, как ни старался крепиться, стонал от боли.

Справа показались острова камышей, темная вода. Дорога тут проходила рядышком с покатым, блестящим в свете фар от мокрой глины берегом. Жоха только собрался подсказать длинному, чтоб тот держался левее, ехал прямо по целине, как почувствовал, что “поплыли” задние колеса. “Рафик” занесло, развернуло почти поперек дороги. Жоха выругался так, что длинный втянул голову в плечи.

— Я же тебе говорил, у меня нет практики. Федя все время машины водил. Сами же меня на хрен посылали, когда я просился порулить.

Мотор заглох. Жоха посмотрел в темное окно, взял в руки автомат, пояснил:

— Савичев тут может быть.

Спрыгнул на землю, посмотрел, как увязли колеса в мокром грунте. Потом глянул на дорогу. Ему показалось, что он видит далекие огоньки. Может, это мчитсь их джип, но может же быть и другое...

— Вытаскивай лодку, — приказал он длинному. — Накачиваем ее, быстро.

— Ты чего придумал?

— Отплывем от берега, пойдем водой. Нам течение должно помогать. Ночью, дай Бог, нас не засекут, а утром у моста будем, у дороги. Там рыбаков на лодках полно, никто на нас не обратит внимания. Дальше — попутки. Деньги есть?

Длинный, прилаживая насос к золотнику лодки, кивнул на машину.

— Кошелек у Феде. Там и баксы, и “деревянные”. Что с ним будем делать, Жоха? У нас и лодка на двоих, и на попутках кто его, в крови, возьмет?

Федя словно услышал, что речь идет о нем, попросил:

— Положите меня на землю, а? Тут воздуха мало.

Бросили на полынь спальный мешок, уложили на него Федю, опять завозились с лодкой.

— На лодке и мне легче будет, — сказал Федя. —

Без тряски. Я пару часов отлежусь, а потом встану. Я чувствую, у меня уже ноги оживают.

— Пошевели стопой, — повернулся к нему Жоха.

Федя напрягся, но у него ничего не получилось. Только выступил на лбу крупный пот.

— Только не оставляйте, мужики!

Зашелестели камыши. Жоха вскинул на шум автомат, замер.

— Ондатра, — неуверенно сказал длинный. — Или цапля. Кому тут еще быть?

Жоха сделал глубокий выдох, пытаясь успокоиться, наклонился над Федей.

— Давай кошелек. Нам же расплачиваться придется. Сейчас затащим лодку в воду, тебя перенесем в нее.

Рубашка на Феде задралась, стал виден бинт, темный от крови.

— Бери. Денег хватит, чтоб и такси нанять.

— Ну конечно, найдешь тут, в калмыцких степях, такси. Про самолет еще скажи.

Вместе с лодкой зашли в воду по колено. Длинный вспомнил:

— Мы книгу не взяли, ту, где про коня.

Жоха покачал головой.

— Садись.

— А меня, я как же? — подал голос с берега Федя. — Меня тут менты возьмут. Мне нельзя попадаться, я в розыске, вы же знаете!

— Я об этом и подумал, — ответил Жоха. — Мы погорим с тобой, секешь? Так что извини. А тут тебя если подберут рыбаки, в больницу доставят.

Длинный мелко захихикал:

— А ты нас тут подожди. Мы через полгода приедем, откопаем лошадку.

Плеснули по воде весла. Гребок, второй, третий. Лунная дорожка потянулась за лодкой.

— Суки! — крикнул Федя.

Он вытащил пистолет, из неудобного положения, лежа на спине, дважды выстрелил по уплывающим. Одна пуля завизжала, отрикошетив от воды. Вторая, подумал Жоха, видно, тоже попала в небо.

Длинный перестал грести.

— Ты чего? — ругнулся Жоха. Он поднял автомат. Было трудно прицельно стрелять из качающейся лодки. Вместо очереди прозвучал лишь одиночный выстрел. — Черт, рожок пустой! — Жоха отбросил за борт пустой магазин, туда же кинул и “калашникова”. — А я, кажется, и с одной пули попал. Ты чего не гребешь?

Длинный, сидевший спиной к берегу, начал валиться на сторону, свесил голову за борт лодки. Крупные капли крови окрасили воду.

Жохе стало не по себе. Теперь он оставался один среди воды, которую боялся, которую ненавидел, как злейшего своего врага. Лодка по инерции уплывала все дальше от берега. Жоха сел на весла. Ничего, посудина устойчивая, не спеша он доберется до трассы, только на всякий случай на глубину не надо заплывать. Какая тут глубина, интересно? Якорь ему не понадобится, якорь пригодится для длинно-го. Надо немного отплыть от этого места, примотать к его ногам груз...

Жоха был прав: одиночная пуля попала-таки в Феде. Боли он поначалу не почувствовал, ощутил лишь толчок справа, под ребро, будто кто угодил ту-

да камнем из рогатки. Организм, наверное, уже не реагировал на новые раздражители после того, как в тело вошел осколок старой бомбы. Но дышать стало еще труднее. И в глазах потемнело, показалось, что зашла за тучи луна.

Задрожала рука, будто поднимала не пистолет, а пудовую гиру. Цели Федя не видел — так, мутное пятно на чуть отсвечивающей воде. Он опять выстрелил дуплетом.

Рука, обессилев, упала, но пальцы все же не выпустили рукоятки “макарова”.

Защипало глаза, захотелось даже плакать оттого, что пули не попали в Жоху, предавшего, бросившего его тут. Нет, даже сейчас он понимал шефа, осознавал, что и сам на его месте скорее всего поступил бы так же, но все равно душили слезы обиды. На чужие смерти он посмотрелся и своей не боялся, знал, что не минует она его, что в очередной разборке кто-то окажется расторопней его или когда-нибудь да не увильнет он от ментовского выстрела. Но чтоб свои...

— Сука! — прошептал он в адрес Жохи.

Да, малость смазал Федя, пули не попали в Жоху. Они разорвали резиновую лодку. Та практически сразу же пошла ко дну.

Жохе не понадобилось бы и плыть, он бы достал ногами дно, добрался бы до берега. Но Жоха панически боялся воды, и страх просто парализовал его. Он не мог разжать пальцы, вцепившиеся в весла, не мог даже крикнуть...

22.

“Рафик” миновал Савичева, но остановился недалеко от него, метрах в двухстах. Натужно завыл мотор, и Вася безошибочно определил причину этого — застрял длинный. Из камышей он видел, кто сидел за баранкой его машины.

Бесшумно идти по густым зарослям камыша было трудно, один раз он даже оступился и присел, рассмотрев при лунном свете, что Жоха направил в его сторону автомат. Больше решил не рисковать, замер. Да приближаться уже и не стоило. Голоса над тихим озером были слышны отчетливо, и видел он все.

После последних выстрелов Феде Савичев долго вглядывался в лунное зеркало воды, ожидая, что Жоха вынырнет, выплывет. Не дождался.

Федя лежал на спине, разбросав руки, не шевелился. Тем не менее Савичев все-таки сделал крюк по степи и приблизился к нему со стороны машины. Подобрал камешек, бросил в воду. Охранник никак на это не среагировал. Савичев шагнул к нему, первым делом выцарапал пистолет из скрюченных пальцев. Федя открыл глаза, но, кажется, ничего не увидел.

— Шеф? — сказал он. — Ты за мной? Вернулся? Или добить хочешь?

— Это не шеф.

— Савичев, — немного помолчав, узнал Федя. — Я не вижу ничего, только по голосу понял...

— Сейчас я выведу из грязи, положу тебя в машину. В больницу отвезу.

— Ага. Один меня уже отвозил....

Вася обошел вокруг “рафик”. Колеса в грязи не

зарылись, выскочить можно. Он наломал охапку камыша, бросил ее под скаты, сел за руль. Машина тотчас оказалась на сухом месте. Савичев поднял Федю, уложил его опять на спальные мешки и палатки.

— Зачем тебе это? — спросил тот.

— Я уже объяснил — в больницу тебя доставлю.

Федя покачал головой:

— Ты меня никуда уже не успеешь доставить, я знаю. Ни в тюрьму, ни в больницу. Но мне просто интересно — зачем?

— А чего тут интересного? — пожал плечами Вася. — Пока живешь — живи.

— Я уже не живу... Ты добрым хочешь быть, да?

Вася плавно тронул машину с места, ничего не ответил.

— Тогда сделай для меня доброе дело. Пристрели.

Савичев тщательно объезжал каждую выемку. Казалось, он не ехал, а плыл.

— Дурак ты, парень. Неужели не соображаешь, сколько хлопот будет из-за меня? Поверь, тебя же затаскают...

— Помолчи, — сказал Вася. — Силы побереги.

— Я для тебя живой был не так страшен, как мертвый. Там трупы, кровь... Что им стоит на тебя повесить?

Впереди прорисовался темный силуэт стоящего на дороге джипа. Он лишь немного, с километр, не дотянул до домика, в котором несколько дней назад пересеклись пути Жохи, Лома, Заславского... Машина была пуста.

— Ты чего остановился?

— Джип, — коротко ответил Вася.

— А, горючее закончилось. Когда мы с Ломом ездили за дровами, он говорил, что надо заправиться, что мало топлива осталось, не хватит до трассы. Трасса далеко еще?

— Далековато.

— Ты переложил меня в джип, а? Джип быстро найдут. Повезет — спасут...

Савичев подрулил к темному дому, посигналил, потом выскочил из кабины, крикнул:

— Тоня!

Тишина.

Он поспешил к силосной яме. Машины там не было, но на пыльной дороге виднелись свежие следы протекторов. Скорее всего Тоня и Заславский пересели здесь на "Жигули".

Начало светать. Дорога, ведущая к трассе, просматривалась далеко. Она была пустынна.

— Савичев, — сказал Федя, когда тот пустил "рафик" под горку. — Может, ты меня спасашь, чтоб я тебе сказал, куда золотой конек делся? Так поверь, я не знаю. Кобуру у тебя я срезал, но конька не брал.

— Ты много болтаешь, поэкономь силы.

— Мне не нужны силы... Мы бы не выпустили вас оттуда, Савичев. Жоха мне дал команду... Так что я сам бы тебя... И с девкой... Ты сам знаешь, что сделали бы...

— Чего ты добиваешься? — спросил Вася. — Чтоб я тебя прибил сейчас, да?

— Я сейчас не чувствую боли, лучшего мента для этого не найти. Добей, Савичев, прошу. Не добьешь, доставишь ментам — я же на тебя постараюсь все трупы повесить.

— Дурак ты, — покачал головой Савичев.

— Это почему?

— Все смерти боятся, а ты — жизни. Это последнее дело — жизни бояться.

— Так смотря какая жизнь...

Солнце всходило из-за спины и первыми же лучами осветило далекую трассу. У пересечения с ней стояли два "жигуленка" с проблесковыми маячками на крышах.

— Нас уже ждут, — сказал Савичев. — При полной экипировке.

— Я тебя предупреждал, просил... — Федя говорил тихо, но отчетливо. — За мной грехов много, "вышку" дадут, но и тебя я с дерьмом смешаю. Свидетелей нет, а пока разберутся, что к чему, успеешь испугаться.

— Да я привык жить без испуггов. И потом, как это — нет свидетелей? Раз нас встречают, значит, знают кое-что. От Тони, от Заславского.

— Тогда, у палатки, надо было не в Заславского, а в тебя... пулю... и не в ногу...

От машин с голубыми полосами пошел навстречу "рафику" милиционер с поднятым жезлом. Под его курткой угадывался бронежилет. Остальные стояли за машинами. Ну правильно, на "рафике" ведь мог ехать и Жоха со своими.

Савичев плавно затормозил, выпрыгнул из кабины, уже держа в руках права и прочие документы. Настороженный милиционер открыл их, сделал удивленные глаза.

— Савичев? Как же ты... Тут такой сыр-бор из-за тебя разгорелся. Одна красавица нам чуть глаза не выцарапала, все подгоняла, торопила...

В райотделе Савичев Тоню не застал. Она оставила там машину, раненого Заславского, а сама, как сказал дежурный, словно испарилась.

— А вы ее адрес, фамилию не знаете? — спросил Вася.

— Мы рассчитывали все это от тебя узнать.

23.

Ленечку поместили в районную больницу. Он не знал, куда делась Тоня.

— Я, когда мы возвращались, в подвале деньги взял, те семь миллионов... Тоня попросила дать ей на билет до Ростова, но я дал ей больше, так что не знаю, куда она поедет. Я и тебе денег дам...

— Мне не надо, спасибо.

— Это тебе спасибо. Знаешь, меня еще никто не спасал. Жизнь какая-то такая... Не до спасений, в общем. А ты спас. Я в долгу перед тобой.

— Ладно, авось когда-нибудь рассчитаемся.

В Ростове он специально остановился на той же стоянке, на левом берегу Дона. Не по-летнему холодный ветер гонял волны по гребному каналу. Спортсмены из гостиницы разъехались, администрация Савичеву тоже ничем не помогла. "Знали бы вы хотя бы, за какую команду эта девочка выступала..." Забегаловки на Лебердоне тоже

были полупустыми: в такую погоду, наверное, водку предпочитали пить в черге города. В каждом кафе так же ревели магнитофоны. И за тем же столиком сидел старый скрипач дядя Ханя.

К удивлению Васи, музыкант узнал его. Подошел на негнущихся ногах, спросил:

— Вы видели Ленечку? Как его дела?

Было от чего обалдеть. Савичев хорошо помнил, что Заславский не называл себя скрипачу, более того, сбежал от него, а тут..

— Ленечка передал мне за игру пятьсот тысяч рублей. Не скажу, много это или мало для меня, но скажу, что очень приятно. Я закажу для вас херес. Не обижайте, не отказывайте мне.

— Я выпью с вами, — сказал растерявшийся Савичев. — Но когда вы встречались с Заславским?

— Тогда же, когда и с вами. — Дядя Ханя поднял над головой ладонь, и к ним тотчас подошла буфетчица. — Соня, принеси бутылку хереса и две конфеты... Когда и с вами, молодой человек. Ни до, ни после мы не встречались.

У хереса был специфический вкус, скрипач тянул его из стакана маленькими глотками, прикрыв глаза.

— Вы знаете, Василий, для чего мы все живем?..

“Странно, — подумал Савичев. — Бог с ним, с Заславским, у них там могут быть какие-то свои дела и отношения, они могли как-то познакомиться, но меня-то он откуда знает?”

— ...Мы живем, Василий, чтоб хоть раз в жизни помочь кому-то, выручить кого-то, понимаете? Я, к примеру, помню, как однажды в магазине мне не хватило пятнадцати копеек, чтоб купить бутылку хорошего вина. И совсем незнакомый человек дал мне деньги.

Савичев улыбнулся.

— Вы не смейтесь, это очень серьезный поступок. С того дня я считаю за честь для себя, если кто-то принимал монету из моей руки. А теперь представьте, что кто-то спасает вам жизнь и при этом рискует собой.

Савичев вспомнил Федю. Вся философия дяди Хани рассыпалась. Музыкант уже был выпивши, ему, конечно, трудно ясно формулировать мысль, и спорить с ним не хотелось.

— Вы правы, — сказал Вася.

— Исключения, конечно, есть, но они только подчеркивают правило. Вызовь из беды несчастного щенка, и ты не найдешь потом собаки верней, чем он. Но если потом ты, не дай Бог, отступишься от нее, то это может быть такая трагедия...

Обычный пьяненький диалог, в его словах не стоит искать сути.

— Я сейчас уже не о Ленечке, я — о Тоне. Ее бы еще надо поддержать, она мало видела хороших людей.

— А откуда вы Тоню знаете?

— Как это откуда? А кто же, по-вашему, передал мне от Ленечки деньги? От кого я узнал ваше имя?

...О Тоне скрипач знал столько же, сколько и Савичев. Только имя.

Вода в Дону, несмотря на холодный ветер, была теплой, и потому он долго не вылезал из реки. И еще бы, наверное, плавал, но вдруг увидел идущую по берегу девочку в зеленом спортивном костюме. Девочка красиво держала плечи, два хвостика желтых волос качались на затылке в такт ее шагам. Вот она повернула на тропинку, уходящую к гребню канала...

Вася выскочил из воды и помчался вслед за ней.

— Тоня!

Девочка обернулась, спросила удивленно:

— С каких это пор я стала Тоней?

— Прости.

— Нет, если тебе нравится так меня называть, то я, в общем-то, не против.

Она явно напрашивалась на знакомство, но Вася сделал вид, что не понял этого.

— Прости, я обознался.

Девочка с сожалением передернула плечиками, а он повернулся и зашагал к лежавшей у воды одежде...

24.

В калужскую свою деревню Савичев вернулся к вечеру.

Заглушил “рафик”, вышел в одичавший, заросший сад. “Все, — сказал сам себе, — отдохнул, разрядился, теперь пора и за работу. Бурьян скосить надо, колодец почистить, изгородь поправить. Хорошо бы еще мотоблок к осени сделать, чтоб не лопатой огород копать”.

— Вася! — Это подала голос соседка, возившаяся в своем малиннике. — С возвращением тебя.

— Спасибо, Матвеевна.

— Ну ты и учудил, а? Уехал, а дом не замкнул.

— Это точно. Я вспомнил об этом уже на полпути.

— Да ничего, у нас-то народ не вороватый, и тащить из твоего дома нечего.

— Правильно, Матвеевна.

— А которой ты разрешил тут пожить, она ничего, не набезобразничала в хате?

— Я еще в комнаты и не входил, — сказал Савичев, и только потом до него дошел смысл слов соседки. — Не понял: кому и что я разрешил?

Старушка расстроилась:

— Никому, значит, не разрешил? Ты смотри! А с виду вроде хорошая девка. Я Васина знакомая, сказала, пару дней тут побуду... Она сегодня днем только уехала, но, может, еще и вернется.

— Какая она из себя, Матвеевна?

— Я ж говорю — хорошая. Дебелая. Здоровалась всегда...

Тоня!

Уехала она, не уехала, вернется, нет, но записку должна была оставить!

Савичев побежал в дом.

Записки на столе не было.

На чистом листке бумаги там лежал золотой конек.

Внутренняя служба - гарантия безопасности Министратства
и внутренних дел Российской Федерации

Боевая служба является основой формой
поддержания боевой готовности

Умение владеть современным видом оружия,
показывать инициативу и находчивость

ПЕЧАТЬ ЛЮБЫХ
РАЗМЕРОВ НА
ИЗНОСОСТОЙКИХ,
ВСЕПОГОДНЫХ
МАТЕРИАЛАХ
ДЛЯ НАГЛЯДНОГО
ОФОРМЛЕНИЯ
ТЕРРИТОРИЙ ВОЕННЫХ
ГОРОДКОВ

Успех в бою приносит сила,
выносливость и воля

Внебронная служба является основой
поддержания боевой готовности

ВЫСЫЛАЕМ ОБРАЗЦЫ
НАШЕЙ ПРОДУКЦИИ
И КАТАЛОГИ
(БЕСПЛАТНО)

Руководитель проекта:
Кураев Виктор
менеджер:
Алексеева Света

Москва, ул.Профсоюзная 78 **Тел.(095) 424-66-86**

ООО „Барракуда“

выполнит по вашей задумке заказы на изготовление
щитов, нашивок, флагов, вымпелов, значков
и другой сувенирной продукции.

Заказы на приобретение тиражных нашивок
выполняются в любом объеме.

Имеется в широком ассортименте элементы боевой
аппаратуры, металлофурнитуры спецназа и МВД,
форма одежды, обувь и пр.

Ваш адрес:
123592, г. Москва, а/я 15
Тел./факс (095) 155-16-35
Тел. (095) 155-10-97, 960-34-93
E-mail: barrakuda@moskva.ru
WWW: <http://www.moskva.ru/barrakuda/>

0825 — Ю.М. Живу в прекрасном городе Казани, мне 18 лет (рост 168), глаза карие, а характер у меня очень веселый. От жизни хочу одного — чтобы судьба была милостива ко мне. Хочу построить карьеру, устроить личную жизнь. По-моему, это нормальные желания для живого человека. От друзей жду взаимовыручки и уважения, а от любимого — верности, понимания, искренности. Хотите узнать побольше обо мне — напишите.

Юлианна.

0826 — Г.В. Меня заинтересовал клуб "ВВ" по той же причине, что и многих военнослужащих, — девчонка не дождалась. Друзья посоветовали написать вам. Мне 18 лет (рост 175), глаза голубые, brunet, по гороскопу Скорпион. С детства занимаюсь спортом, восточными единоборствами, интересуюсь хорошими автомобилями. Люблю дискотеки, клубы, рестораны, ну в общем веселье и смех. Меня заинтересует девушка 17 — 20 лет, красивая, стройная и обязательно общительная. Не люблю скучать, хотя могу и посидеть в тишине и поразмышлять о серьезном. В людях ценю преданность, верность, ум, находчивость, ласку и нежность.

Гена.

0827 — В.С. Родился в Омске 28 февраля 1980 года (рост 176), brunet с карими глазами. Мой знак Зодиака — Рыбы, образование высшее, юрист. В свободное время пишу стихи, занимаюсь английским языком. Если вас заинтересует мое послание, откликнитесь, поговорим в письмах подробнее. Пока служу в Московской области.

Влас.

0828 — Н.П. Курсант военного института желает познакомиться с веселой, симпатичной, доброй девушкой. Мне 18 лет, по знаку Зодиака Скорпион, характер веселый, общительный, вредных привычек нет. Учусь в Санкт-Петербурге, а живу в Калуге, в трех часах езды от Москвы. Правда, куда меня забросит офицерская судьба — сказать не могу.

Николай.

0829 — Д.О. Служу уже год, и все бы неплохо, но вот письма не от кого получать — любимой дома не осталось. Решил найти подругу через клуб "ВВ". Мне 20 лет (рост 180), brunet, по гороскопу Дева, общительный человек, люблю повеселиться, но к жизни отношусь серьезно. Хотелось бы, чтобы девчонка, которая мне напишет, была серьезной и откровенной. Отвечу ей тем же.

Денис.

0830 — А.Л. Живу в маленьком тихом городе Тульской области. Мне

23 года, высокая, стройная блондинка с зелеными глазами, по гороскопу Телец. Люблю современную музыку, немного играю на гитаре, обожаю животных, особенно кошек. Сейчас работаю и одновременно поступила в институт. Надеюсь познакомиться с верным, понимающим парнем 23 — 29 лет без вредных привычек с серьезными намерениями. Если вы пришлете сразу свое фото, отвечу тем же.

Анжелика.

0831 — А.А. Мне 23 года (рост 179), волосы черные, глаза карие, спортивного сложения, по гороскопу Стрелец. Живу недалеко от Ростова, там же и служу. До призыва окончил вуз, по специальности экономист, служить мне еще полгода, но скорее всего останусь служить офицером. Надеюсь найти свою половинку в нашем клубе, веселую, жизнерадостную, с чувством собственного достоинства, но не высокомерную девушку. На письмо с фото обещаю выслать свое.

Андрей.

0832 — А.М. Я жизнерадостный и очень общительный человек (по гороскопу Водолей), могу рассмешить даже самую грустную девушку, так что если кому-то скучно и есть охота с кем-то поговорить, пусть даже письменно — напишите, отвечу всем и в ответ на ваше фото вышлю свое. Мне 19 лет, brunet, глаза карие. Люблю современную энергичную музыку, занимаюсь спортом, в свободное время играю на гитаре. Служу, звание — сержант.

Александр.

0833 — С.Н. Надеюсь познакомиться с девушкой 18 — 20 лет для переписки, а в будущем, может быть, и встречи. Мне 22 года (рост 168), волосы русые, по гороскопу Весы, по характеру добрый, веселый, общительный. Увлечения у меня разные, но о них расскажу той, которая мне ответит. Служу в Подмосковье.

Сергей.

0834 — М.Р. Молодая женщина 26 лет (рост 168) познакомится с офицером, верным, честным и преданным, хорошим семьянином, которому нужна верная подруга и какие-то другие интересы, нежели водка. Я многое умею по хозяйству, хорошо готовлю, правда, шить не умею. Моя мечта — лад в семье, любовь, взаимопонимание и детский смех в доме. Живу в ближайшем Подмосковье. Если будете мне писать, то учтите: за письмами я сама зайду в редакцию.

Марина.

0835 — Р.Б. Я курсант второго курса военного института, мне 19 лет, шатен, глаза голубые, по гороскопу Рак, спортивный парень, с детства занимаюсь лыжами, очень люблю от-

дыхать на природе. Познакомлюсь с девушкой 18 — 20 лет, тоже доброй и отзывчивой. Жду!

Роман.

0836 — В.Б. Мечтаю познакомиться с доброй, порядочной, красивой и ласковой девушкой — вдруг мне в нашем клубе повезет! Мне 20 лет (рост 178), волосы русые, глаза голубые, родился под знаком Рыбы. Люблю спорт (хоккей, баскетбол), музыку, группы "Девочки", "Люба". Отвечу всем.

Владимир.

0837 — Н.Н. Привет всем! Мне 16 лет, веселая, прикольная девчонка, люблю передачу КВН, никогда их не пропускаю, нравятся атмосфера радости, юмора, праздника. Очень люблю писать и получать письма, а мне почему-то никто не пишет. Если вы напишете, то отвечу быстро, тогда и поговорим подробнее.

Наташа.

0838 — А.П. Мне 21 год (рост 176), волосы русые, глаза серые, по гороскопу Близнец, с нормальным чувством юмора. Люблю веселые компании, музыку, сам немного играю на гитаре. Жду письма от хорошей и веселой девушки.

Алексей.

0839 — В.С. Рассчитываю в клубе "ВВ" познакомиться с девушкой 17 — 21 года, любящей музыку, юмор, общительной, симпатичной и ласковой, ценящей в людях искренность и верность. Мне 24 года (рост 189), глаза русые, волосы темные, мой знак Зодиака — Дева, ласковый, общительный, с чувством юмора (надеюсь!) и самое главное — симпатичный (уверен!). Пишите, девушки!

Владимир.

0840 — Л.Л. Я совсем не идеал, как пишут о себе многие люди. Себя вообще трудно оценить. Просто хочется поговорить по душам, даже и с незнакомым человеком. Кто знает, может, потом эта переписка перерастет в дружбу... Напишите мне — отвечу и расскажу о себе подробнее. Мне 18 лет.

Леночка.

0841 — Д.М. Люблю наш журнал и особенно рубрику "Возможна встреча". Читал всегда ваши выпуски просто так, ради интереса, а вот теперь выяснилось, что моя девушка, пока я в армии, вышла замуж за другого. И очень надеюсь, что с вашей помощью найду себе верную (!) подругу. Я не урод, и шансы, думаю, у меня есть. Мне 19 лет (рост 185), brunet, глаза голубые. Увлекаюсь музыкой, техникой и охотой, вредная привычка есть — курю. Живу в Иркутской области, до увольнения еще год.

Денис.

Правила переписки в клубе "ВВ"

1. Свои объявления и заявки на выбранное вами абоненту присылайте по адресу: 111250, Москва, Е-250, ул. Красноказарменная, 9-а, журнал "На боевом посту", Янковский А.К.
2. Военнослужащие, подающие объявления, должны сообщить свой домашний адрес и примерный срок увольнения в запас.
3. Если вы хотите, чтобы мы вам ответили, присылайте конверт с вашим обратным адресом, штампом "Письмо военнослужащего" или соответствующим количеством марок. На письма без конверта с вашим обратным адресом (и фамилией) клуб не отвечает.
4. Не присылайте нам фотографий и личных писем к абонентам. Мы личных писем не читаем и не пересылаем, мы высылаем лишь адреса заинтересовавших вас абонентов.

Сколько нас, нерусских, у России,
И татарских, и иных кровей,
Имена носящих непростые,
Но простых российских сыновей!
Любим мы края свои родные,
И вовек — ни завтра, ни сейчас —
Отделить нельзя нас от России —
Родина немислима без нас...

Эти проникновенные строки, которые в нынешнее, издерганное межнациональными распрями время не грех бы запомнить наизусть каждому россиянину, принадлежат замечательному поэту Михаилу Львову (1917-1988гг.) Нынешний год — год его 85-летия.

Львов-Маликов Рифкат Михаил Давыдович родился в простой татарской семье в селении Насибаш Уфимской губернии. Окончил Уфимский пединститут и Литинститут им. А.М. Горького. Первый стихотворный сборник выпустил перед самой войной, а в Великую Отечественную служил в Уральском добровольческом танковом корпусе.

Автор многих поэтических книг, в том числе "Мои товарищи", "Живу в далеком веке", "У нас в России"...

МИХАИЛ ЛЬВОВ

Чтоб стать мужчиной, мало им родиться,
Чтоб стать железом, мало быть рудой.
Ты должен переплавиться. Разбиться.
И, как руда, пожертвовать собой.
Какие бури душу захлестнули!
Но ты солдат и все сумеи принять:
От поцелуя женского до пули,
И научись в бою не отступать.

1941 — 1943гг.

Медаль "За отвагу на пожаре"

ПОЛОЖЕНИЕ о медали "За отвагу на пожаре"

Медалью "За отвагу на пожаре" награждаются сотрудники органов внутренних дел, военнослужащие внутренних войск МВД России, работники подразделений государственной противопожарной службы и, в отдельных случаях, другие граждане Российской Федерации за смелость и самоотверженность, проявленные при тушении пожаров, спасении людей и имущества от огня; за умелое руководство боевой работой по тушению пожаров и спасению людей; за отвагу, настойчивость и высокое профессиональное мастерство, проявленные в целях предотвращения взрыва или пожара.

ОПИСАНИЕ медали "За отвагу на пожаре"

Медаль имеет форму круга серебристого цвета диаметром 32 мм; с выпуклым бортиком с обеих сторон. На лицевой стороне помещено изображение каски пожарного с перекрещенными топорами на лавровом венке. Над шлемом горизонтально в три строки помещена надпись "За отвагу на пожаре". На обороте медали надпись "Министерство внутренних дел Российской Федерации". Все изображения и надписи выпуклые. Медаль крепится посредством ушка и колечка к пятиугольной колодке, обтянутой муаровой лентой рубинового цвета. По краю ленты нанесены полосы белого и василькового цвета по 7 мм соответственно. Ширина ленты 24 мм.